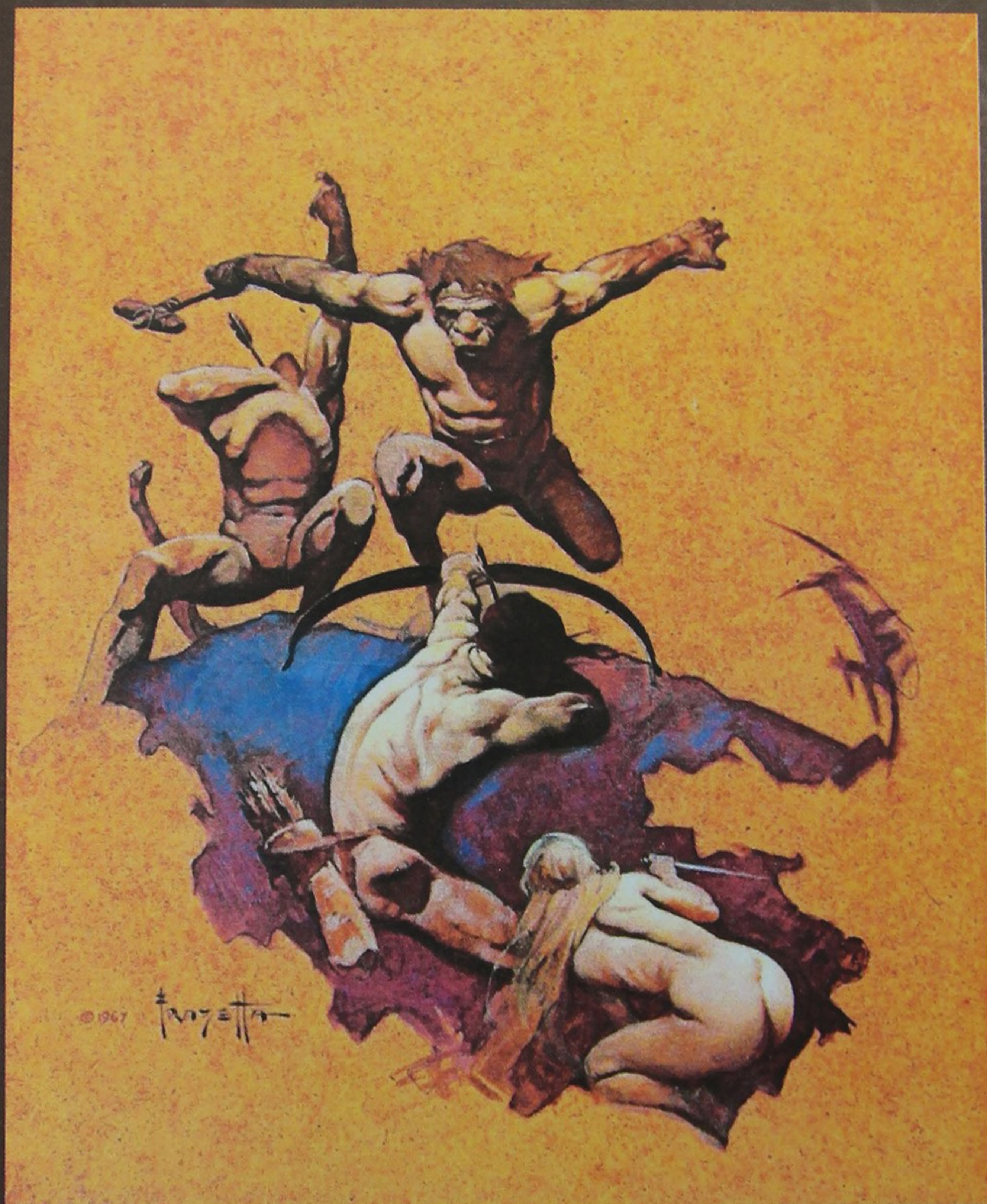

Тварь из бездны времен

Фрэнк Белнап Лонг

Cordia! regards,
Frank Belknap Long.

Фрэнк Белнап Лонг

**ТВАРЬ
ИЗ БЕЗДНЫ ВРЕМЕН**

РАССКАЗЫ

Литера-Т

2016

УДК 821. 111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

Л76

Лонг Ф.Б.

Тварь из бездны времен: Роман. Рассказы / Пер. с англ. Литера-Т, 2016. — 312 с., ил. (Литера-Т. Коллекция).

В первый том собрания сочинений классика weird fiction вошли роман «Тварь из бездны времен» (1970) и рассказы разных лет.

© Юрий Худнев, перевод романа, 2016

© Алиса Цицилина, перевод рассказов, 2016

© Юлия Бойкова, перевод рассказа «Шалтай-Болтай свалился во сне...», 2016

© Андрей Косухин, обложка, 2016

© Литера-Т, 2016

Странные книги Ф.Б. Лонга

В истории фантастической литературы много несправедливостей – забытые авторы, недооцененные книги, нелепые оценки критиков... Но особенно обидны не те случаи, когда писатель оказывается напрочь вычеркнут из литературы (в конце концов, «открытия» и «переоткрытия» случаются довольно часто). Гораздо печальнее другое – репутация основывается на нескольких текстах, подчас не характерных для писателя, и изменить традиционные представления почти невозможно.

Именно это и случилось с Ф.Б. Лонгом. Писатель прожил девяносто лет, оставил огромное наследие, но вспоминают его в основном в связи с Г.Ф. Лавкрафтом и «мифами Ктулху». Первый сборник Лонга – «Псы Тиндалоса» (1946) – считается лучшей его работой; к этому сборнику и обращаются все заинтересованные читатели, а единственное переиздание Лонга за последние годы – огромный том издательства «Centipede Press», который стоит столь же огромных денег и вдобавок не дает представления о реальном Лонге.

Многие романы и рассказы, входящие в наше издание, переиздаются впервые за полвека; очень многие тексты никогда не входили в сборники или появлялись только в «пейпербэках», давным-давно пришедших в негодность. Мы попытались собрать лучшие тексты одного из самых странных и загадочных фантастов XX века: он всегда был на виду, охотно выступал с воспоминаниями и рассказами о своем творчестве – и при этом оставался недоступным и «закрытым».

Фрэнк Белнап Лонг вошел в литературу как протеже Лавкрафта... Впрочем, это не совсем правда. Первые опыты Лонга – поэтические – намного превосходили аналогичные сочинения «учителя». Его сборники, подоб-

но книгам стихов К.Э. Смита, рецензировались в серьезных журналах и удостоивались похвал. Но сверхъестественная поэзия, к которой Лонг обращался и в дальнейшем, постепенно отошла на второй план – аналогичные сюжеты более убедительно раскрылись в прозе. Здесь ГФЛ оказал на Лонга существенное влияние. Не следует думать, что все ограничивалось «мифом Ктулху». Да, старший товарищ дал младшему разрешение на сочинение новых «мифов», но Лонг почти не пользовался этой привилегией. «Мозгоеды» оказались не вполне удачной пробой пера, элементы мифологии были вплетены в сюжет совершенно иного свойства. «Ужас с холмов», напечатанный на русском в антологии «Тварь среди водорослей», стал попыткой рационализировать миф; Лонг включил в историю о Чогнаре Фогне огромное количество элементов НФ, мистики, приключенческой и исторической литературы. Несомненно, короткий роман оказался образцом развлекательной «журнальной литературы», но он имел огромное значение, поскольку стал первой попыткой осмысления мифологии ГФЛ. И уже серьезным дополнением к этой мифологии были «Псы Тиндалоса»; недаром неутомимый Роберт Ф. Прайс издал даже объемную антологию, в которой собрал все истории с упоминанием Тиндалоса – начало подциклу положил именно блестящий рассказ Лонга. В настоящем сборнике впервые на русском печатается последний рассказ Лонга, имеющий отношение к «мифам» — изящный лавкрафтовский пастиш «Темное пробуждение», созданный для одной из антологий «Аркхэм-хауз».

Лонг долгое время получал материальную поддержку от родителей; поэтому в его раннем творчестве присутствует некий элемент дилетантизма – не думая о деньгах и рыночных стратегиях, автор мог сочинять, руководствуясь лишь своими пожеланиями. Многие рассказы, казалось, написаны очень небрежно, в других обнаруживались причудливые сочетания тем и идей. Но вот

что занято – Лонг печатался почти во всех дешевых журналах 1930-1940-х годов, раскрывая разные грани своего таланта; но его рассказы были посвящены практически одним и тем же темам.

Вот, к примеру, «Конусы» — история о столкновении с чуждым типом жизни на далеком Меркурии. Несомненно, фантаста могли бы заинтересовать необычные условия существования и эволюции «живых» существ. Да и психологические коллизии, неизбежные при столкновении с чем-то настолько необычным, непременно описал бы автор НФ; для дешевого журнала могли представлять интерес и нагромождения приключений... А что мы видим в рассказе Лонга? Череду ужасных происшествий и кошмарных трансформаций, сомнения людей в собственной исключительности и уничтожение сложившейся картины мира... Вселенная в книгах Лонга – это не просто скопление внешних угроз; зловещие силы уже окружили людей, ничего не заметивших и не понявших. Опасность рядом – и никто не в силах предугадать, где будет нанесен следующий удар. Не нужно живописать холодные просторы космоса и невероятных злобных существ; достаточно рассказать о том, как беспомощен человек и как близок враг...

Именно эти параноидальные ощущения и делают фантастические тексты Лонга (даже самые нелепые по сегодняшним стандартам) весьма убедительными.

Но успех писателю принесли не мифы Ктулху и не мифы Космоса – наибольшей популярности Лонг добился в журнале *Unknown*, где печатались его рассказы и короткие повести о сверхъестественных созданиях, в которых, как ни парадоксально, слишком много человеческого... И опасность тоже подкрадывается к ним, когда они ее не ждут... Блестящий рассказ «It will come to you» (1942) – один из самых наглядных примеров такого рода сочинений; кстати, и в сборник 1946 года вошло

очень много рассказов из «Unknown» – даже больше, чем из журнала «Weird Tales».

К сожалению, Unknown прекратил существование в начале 1940-х, в «Weird Tales» стали меньше платить, а для Лонга финансовые вопросы становились все более актуальными – и он перешел в научно-фантастические журналы, отдавая предпочтение тем, где печатали «пограничные» тексты. Тогда и начался поворот к крупной форме – Лонг напечатал серию рассказов о сыщике-космобиологе Джоне Карстейрсе; потом эти рассказы были выпущены как роман «Джон Карстейрс, космический детектив». Данный цикл напоминает рассказы Малькольма Джеймсона, недавно изданные на русском, и представляется наиболее традиционным произведением Лонга.

В начале 1950-х годов Лонг открыл для себя новый рынок – журнал «Фантастическая Вселенная». По сути, он стал редактором этого издания – помимо статей и рассказов, в журнале он отвечал за тексты, отражавшие общее направление. Все обложки журнала сопровождались пояснительными статьями Лонга; здесь он не только делился мыслями о будущем, но и рассуждал об угрозах и опасностях, подстерегающих человечество. Подобные «научообразные» тексты прекрасно сочетались с новыми рассказами писателя – многие из вещей этого периода позднее вошли в сборник «Грань неведомого». Могло показаться странным, что коллекцию НФ-рассказов выпустило издательство «Аркхэм-хауз». Но фантастика Лонга была не так уж проста и не сильно отличалась от «ужасов». Читатели нашего собрания смогут в этом убедиться – практически все рассказы Лонга, написанные в 1950-х, мы планируем напечатать.

А потом пришел успех – в английский язык вошло слово *sputnik*, а Лонг написал роман «Космическая станция № 1». История о шпионах на орбите, о неминуемой угрозе, связанной с освоением космического

пространства, отразила страхи многих читателей. Сто-
тысячный тираж разлетелся почти мгновенно, роман
неоднократно допечатывали, а Лонг создал еще не-
сколько текстов о «ближнем космосе». Увы, эти романы
устарели очень быстро – как и «героические» обложки
Эмшвиллера, идеально с ними сочетающиеся. «Гости с
Марса», «Три шага в космос», «Миссия к далекой звез-
де»... Романтики космоса в этих романах немного, а па-
ранойя, связанная с гонкой вооружений, куда лучше
выражена в книгах иных авторов... Любители традици-
онной НФ могут огорчиться, но увы – Лонг интересен
иными книгами.

Вскоре истории о ближнем космосе стали продаваться
хуже, да и сам писатель утратил к ним интерес. С на-
чала 1960-х появляются совсем другие романы – и в них
с новой силой проявился необычный талант уже пожи-
лого автора. Лонг немало писал о Земле ближайшего бу-
дущего, об интригах и заговорах, определяющих состоя-
ние нестабильного общества. Очень многие романы бы-
ли посвящены незаметному вторжению – инопланетяне
уже среди нас, в соседнем доме, на соседней улице, в
соседнем городе... И «ужас известного» оказывается
сильнее ужаса космических бездн и древних богов. Сто-
ит только прислушаться к разговорам соседей, заглянуть
в окна милых особняков, приоткрыть дверь в подвал...
Конечно, настроения, выраженные в новых книгах Лон-
га, вновь идеально совпали с эпохой «холодной войны»,
но для писателя они оставались выражениями фунда-
ментального убеждения: нити заговора против челове-
чества сплетены; и нет ничего ужаснее неведения – и
тщетных попыток спасения...

В лучших романах на эту тему («Три лика времени» и
особенно «Это странное завтра») Лонг как будто разви-
вает идеи Ф.К. Дика; о сходстве двух авторов, уверен,
еще будет повод поговорить. Как и у Дика, сюжет в
книгах Лонга не является самоцелью. Зачастую дейст-

вие прерывается многостраничными рассуждениями о природе реальности или – куда чаще – о книгах и фило-софах. Блестящие страницы, посвященные сочинениям Готорна и Лавкрафта, подчас отвлекают читателей от основной интриги. Но только мир вымыслов способен защитить от внешних угроз, только в фантазиях литераторов скрыта надежда...

В романе «Тварь из бездны времен» сходятся многие темы, популярные и до сих пор: древняя тварь, искажающая пространство и время; пещерные люди в мире вечного холода; героический «попаданец»... Но книга о другом – Лонг пытается дать свою интерпретацию развития человеческой цивилизации; антропологические рассуждения важны не только для того, чтобы показать разницу между первобытным человеком и современным homo sapiens, а и для того, чтобы философски обосновать принципы человеческого поведения. Глобальная цель для такого короткого романа? Несомненно. Достигнута ли цель? Вряд ли. Но странный мир, сотканный из опасностей и угроз, оказывается убедительным – и в этом мире происходит действие большинства романов Лонга.

В некоторых книгах писатель достигает куда большего – именно таковы почти забытые романы «Ночь волка» и «Мир выживших», в которых рациональному переосмыслению подвергаются традиционные темы НФ; как ни странно, результатом становится совсем не научное повествование, а пугающая история, проникнутая мистикой. И история оборотня, и история апокалипсиса в равной мере пугают – и наводят на размышления. Что скрывается за фасадом размеренного существования? И в какой момент опасность станет реальной и вторгнется в нашу жизнь?

Об этом же и блестящие рассказы Лонга, посвященные психологии; они чаще всего печатались в НФ-журналах (гуманитарная, но все же наука!), при этом

адепты традиционной жанровой литературы в лучшем случае недоумевали. Когда рассказы такого рода были собраны под одной обложкой (сборник «Ночной страх», 1979) редактор Рой Торгесон довольно подробно остановился на особенностях авторской манеры – но объяснить ничего не смог. Рассказ «Шалтай-Болтай свалился во сне...» — не история ребенка-вундеркинда, не страшилка о столкновении с иллюзорной реальностью, не описание концептуального прорыва. Лонг, видимо, понимал, что классифицировать странные истории невозможно, да и рынка сбыта для них, по существу, нет – «серьезные» журналы вряд ли рискнули бы печатать *такую* прозу, а для «дешевых» она была слишком хороша.

Примерно с той же проблемой несколькими десятилетиями раньше столкнулся Лавкрафт – он просто стал писать меньше и тщательнее; Лонг выбрал иной путь. Рассказы его все чаще публиковались в фэнзинах, а романы теперь писались в расчете на иную аудиторию. Пытаясь остаться в рамках хоррора, писатель освоил «дамскую готику». Книги, которые были изданы под именем жены, Лиды Белнап Лонг, неоднородны. Среди них есть типичные женские истории (такие, как «Тигель страха»), а есть мрачные книги, полные пугающих описаний сатанинских обрядов и странных интриг. К сожалению, и этот жанр довольно быстро вышел из моды – последние «дамские» романы вышли небольшими тиражами, «Наследие Лемойнов», выпущенное в Канаде, вообще практически невозможно достать...

Последней значительной работой Лонга стала блестящая книга о Лавкрафте «Мечтатель на темной стороне» (1975). По сути, эту характеристику можно отнести и к автору-мемуаристу: он стал почетным гостем на знаменитом конвенте 1975 года, где и был представлен томик воспоминаний. Именно там завершилась канонизация «лавкрафтовского круга» — и его частью стал Ф.Б. Лонг,

в последние два десятка лет своей жизни лишь изредка сочинявший рассказы.

Теперь мы попытаемся восстановить справедливость – в собрание сочинений войдут и романы, и рассказы, большей частью забытые и неизвестные, раскрывающие «темную сторону» «странной литературы». Жанровые градации в данном случае неуместны – и может показаться, что под одной обложкой собраны произведения разных жанров. Это, пожалуй, «литература беспокойного присутствия» (Евг. Головин), но прежде всего – литература. Собрание сочинений Ф.Б. Лонга выходит впервые в мире, впервые переиздаются многие практически недоступные произведения, а еще... Впрочем, сюрпризы пока отложим – Вы держите в руках лишь первый выпуск первой серии собрания.

Приятного чтения, как всегда!

А. Сорочан

ТВАРЬ

ИЗ БЕЗДНЫ ВРЕМЕН

ТРАП

ИЗ ВЕЩЕЙ ВРЕМЕНИ

А. Сорокин

Пролог

— Как долго это будет продолжаться на сей раз, отец? — спросила Тлана, глядя на высокого бородача, который приближался к ней в лучах солнечного света. Она поняла, что хочет, чтобы пришел ее брат, со своими священными маслами и со своими горящими обвиняющими глазами, и заставил их пожалеть о содеянном. Дерево, под которым она лежала, свернувшись клубком, такая маленькая, больше похожая на ребенка, чем на взрослую женщину, широко раскинуло свои ветви. Оно бросало темные тени на ее крохотные ножки и приподнятые коричневые колени; сутулая, искривленная фигура ее отца почти сливалась в тени с качающимися на ветру растениями.

— Как долго? — спросил он. — Что ты имеешь в виду?

— Сколько времени пройдет, прежде чем они уйдут?

Старик пожал плечами.

— Кто знает? Они не доставляют нам никаких проблем.

— А если один из них попытается заняться со мной любовью? — спросила Тлана.

— Они никогда этого не делали, — сказал ее отец. — Они уважают женщин.

— Мексиканских женщин, папа? Индейских женщин? Почему ты так в этом уверен?

— Я уверен, потому что мои глаза острее твоих, — ответил старый мексиканец. — Я не могу видеть будущего так же, как и ты. Оно всегда туманно.

Тлана сказала:

— Туман рассеивается, и я вижу стервятников, ожидающих подходящего момента и готовых спуститься с неба. Я знаю, что что-то страшное произойдет в бли-

жайшее время. Я не знаю, когда именно, но очень скоро.

Ветерок с Мексиканского залива овеивал низкие участки открытой местности между площадкой, где сидела Тлана, и морским побережьем, ероша волосы нескольких работающих мужчин и придавая им беззаботный и вольный вид. Но Тлана не видела в этой картине ничего приятного, потому что рабочие казались ничтожными по сравнению с уродливыми машинами, возвышавшимися над ними, а их тела были забрызганы глиной, которая облепляла кожу.

Все они принадлежали к разным народам — здесь были американцы, шведы, итальянцы, поляки и французы — но все были крепко сложены и едва вышли из юношеского возраста.

— Они довольно скоро уйдут, — сказал ее отец. — Всегда так было. Они приходят и уходят, год за годом. Всегда новые лица, новые жалобы. Недостаточно еды. Они знают, что мы делаем все, что в наших силах, но очень тяжело выращивать достаточное количество еды для того, чтобы прокормить так много голодных мужчин в год, когда не идут дожди.

— Они не всегда думают о пище. Да и чего еще можно ожидать? Мужчины испытывают сильный голод — и женщины тоже. Разве тебя не волнует, что здесь нет других женщин?

— Моих слов должно быть для тебя более чем достаточно.

— Бывают такие моменты, — сказала Тлана, — когда я ловлю себя на мысли, что мне не хочется, чтобы ты был моим отцом. Я хочу, чтобы моя мать заснула крепким сном в тот день, и запомнила после пробуждения лишь одно: у нее родилась девочка.

Совершенно неожиданно изможденное тело старика затряслось от смеха.

— Она не спала, — сказал он. — Так же, как и я. Но если ты хочешь верить, что ты дочь бога...

— Почему я не должна в это верить, если мне так нравится? — спросила Тлана.

— Думай, что хочешь. Но твой брат — дурак, если верит в то, что боги, которым он до сих пор поклоняется, когда-либо ходили по земле. И эти люди скоро обнаружат, что это ошибка — копать землю, чтобы сохранить своих богов живыми и бодрствующими. Тот, кого они называют Ураном — всего лишь уродливый великан, которого не стоит будить. В противном случае он пойдет по земле, разрушая ее все больше с каждым шагом.

— Ты знаешь точно, что такое ядерная физика, отец, — сказала Тлана презрительно. — Почему тебе доставляет удовольствие говорить так, как говорят невежественные батраки?

— Это лишь глупости, которые я услышал от твоего брата. Он всегда живет в прошлом. Но бывают случаи, когда это скрывает зло, с которым нам приходится жить днем и ночью.

— Следует ли его скрывать? Если бы ты отправился в Мехико и оказал сопротивление, правительство могло бы остановить их прежде, чем наша земля станет такой же дырявой, как большой кусок зловонного сыра, который погрызли мыши. Машинное масло впитывается в почву и уничтожает треть того, что мы выращиваем. В следующем году будет хуже, а если подрывные работы не прекратятся, я стану такой же глухой, как и ты.

— Я знаю, я знаю. Но у меня нет никакого влияния на правительство. Кто обратит внимание на мои жалобы? Наша земля представляет ценность, потому что она богата различными видами минералов — не только ураном. К тому же, я не так злюсь на них, как ты. Они благородные, но запутавшиеся люди, которые просто не

могут понять, как выглядела бы земля, если бы вся жизнь на ней исчезла, даже из моря.

Тлана печально посмотрела на него:

— Нам хорошо платят за то, что нам приходится терпеть. Вот что ты пытаешься мне сказать? Для меня ничто не может возместить смерть одного дерева, похожего на это — или одного редкого и прекрасного растения. Даже одного цветка на таком растении... — Во взгляде ее виднелась злоба, но ее подчеркивали огненные отблески неповиновения. — Если бы я торговала своим телом на рынке, как женщина с улицы, они бы обратили на меня внимание в Мехико. Что случилось бы тогда с семейной честью?

— Я забыл о ней давным-давно, — ответил ее отец. — Я очень стар и очень устал. Я хочу только спокойно лечь в могилу. Останется достаточно твердой земли для одной могилы.

— Для двух, если точно. Я сильная — но в то же время очень хрупкая. Я — женщина. Я тоже могу увянуть, быстрее любого растения, быстрее какой-нибудь небольшой, неприметной лозы глубоко в джунглях, которая ищет всего лишь свою ничтожную долю солнечного света и тепла. Скоро здесь вообще не будет тепла...

Девушка резко умолкла, испуганная внезапно изменившимся выражением на лице отца и тем, что она сама смогла услышать. Поначалу донеслось отдаленное урчание, как будто осыпались камни, из которых возводились невысокие строения, расположенные у берега.

Первый взрыв также прозвучал далеко, по звуку он больше напоминал выстрел из пушки с какого-нибудь корабля в открытом море, чем катастрофическое происшествие на земле. Но следующий взрыв раздался так близко и оказался таким громким, что у Тланы зазвенели барабанные перепонки; третий и четвертый были по-

хожи на рев двух взрывающихся гигантских нефтяных резервуаров.

Почти тотчас же ближайшая из высоких машин начала раскачиваться, люди, работавшие прямо под ней, отчаянно закричали и разбежались во все стороны.

Тлана вскочила на ноги, вскрикнув от ужаса; у нее на глазах отец исчез: большая трещина в земле открылась совсем рядом с девушкой и снова закрылась, поглотив старика, казалось, совершенно беззвучно. Земля в том месте, где появилась зигзагообразная трещина, снова почти мгновенно стала гладкой и ровной, как будто Природа сочла такой большой разрыв неуместным и совершила чудо хирургического вмешательства без каких-либо усилий.

Тлана смотрела на это, прижав руки ко рту, ее лицо стало белым; в это время пошатнувшаяся машина сильно дернулась и рухнула на землю, взметнув в небо огромное спиралевидное облако пыли и скрыв из вида другие механизмы.

Трое мужчин выбежали из облака пыли в горячей одежде, и бросились на землю неподалеку; они переворачивались снова и снова и били по своей одежде в безнадежных попытках потушить пламя.

Тлана двинулась вперед с дикой мыслью помочь им, но поняла, что ничего не может сделать. Вместо этого она развернулась и бросилась бежать. Она промчалась мимо дерева; у нее перехватывало дыхание, но девушка не останавливалась, пока не достигла вершины обрыва, травянистой ровной площадки на высоте пятидесяти футов.

Тогда она развернулась и посмотрела назад, дышать стало так тяжело, что девушке на миг показалось — что-то с хрустом выдергивало и разрывало мышцы ее гор-тани, безжалостно намереваясь уничтожить и разорвать

на куски легкие. Внезапно ей стало слишком тяжело стоять на ногах, и Тлана упала на колени.

Теперь дым поредел, и она смогла увидеть, что разлом, который поглотил ее отца, увеличился в полдюжины раз и что некоторые длинные зигзагообразные трещины не исчезли. Две из них закрылись, но неровно и вокруг них сильно осыпалась земля; легко было заметить, где произошли расколы. Другие четыре превратились в зияющие, с рваными стенками пропасти различной ширины, от тридцати до почти ста футов. Та, которая казалась наиболее глубокой, находилась поблизости от упавшей машины, которую теперь окутал густой дым, пронизанный яркими языками пламени. Огоньки так же танцевали по краям недавно появившегося кратера, и огромные облака пыли застилали, не полностью скрывая, пятнадцать или двадцать безжизненных тел, отброшенных подальше от обломков силой взрывов.

Никто из упавших не шевелился — могло ли тело пошевелиться, подумала напуганная Тлана, если ни одна сила извне не может вернуть его к жизни; и полное опустошение воцарилось вокруг, вся сцена приобрела неестественный вид. В результате бомбардировки момент потрясения, которому предшествует такой вид, обычно затягивается — он длится несколько минут, а иногда и часов, пока люди бездумно бродят вокруг, утешают друг друга, безрассудно входя в тлеющие развалины в поисках исчезнувших близких. Но здесь была лишь неподвижность.

Это совсем не бомбардировка, Тлана была в этом уверена. Но случилось что-то почти столь же жестокое, почти столь же шокирующее и ужасное в своей разрушительной силе. Землетрясение? Возможно. Но казалось, что скорей всего это катастрофа, устроенная человеком, случайная и непредвиденная, о которой не могли догадаться даже осквернители земли ее предков.

Ядерный взрыв? Это тоже вполне возможно. Но были другие взрывы, которые могли вызвать нечто подобное, серия взаимосвязанных взрывов, раздавшихся на пути от залива к тому месту, где тяжело работающие мужчины не подозревали о нависшей над ними тени Смерти, о власти человеческой ошибки и человеческой глупости. Один только нитроглицерин мог разорвать землю на куски, если его собрали в достаточном количестве. Тлана знала, что не было более разрушительной силы на земле, чем крошечное зерно опасного просчета, прорастающее внутри человеческого черепа — черепа всего лишь одного тупого неосторожного человека.

Нет опаснее оружия, даже если глупцу не удалось вызвать ядерную катастрофу сразу и самостоятельно — результатом могла стать смертельная ошибка в расчетах столь же слепых людей, в руках которых есть необходимые орудия.

К счастью, здесь не было таких людей: только канюки кружили высоко в небе, готовые вскоре спуститься, чтобы насытиться наполовину сожжёнными, безжизненными жертвами трагедии, которой можно было легко избежать.

Но нет, нет, говорила она себе — она ошибалась в одном. Она сумела остаться в живых и решила бороться за жизнь изо всех сил — если больше не случится взрывов.

Даже если ей придется неистово сражаться, отбивая атаки канюков, она решила — во что бы то ни стало помешать им выклевать глаза. Никто, ни человек, ни птица, никогда не сможет сделать с ней такое, никто не сделает ее такой же слепой, каким был ее отец. Слепой ко всему разуму и великой красоте мира.

Она все еще стояла на коленях, покачиваясь, глядя на неестественное опустошение, уничтожившее все живое в ее поле зрения — и тут одно из тел шевельнулось. Человек медленно поднялся с земли и тяжело и неуве-

ленно пополз по направлению к краю самой большой пропасти. Тлана перестала думать о ползущей фигуре, как о трупe; и она тут же поняла, как это естественно для человека, павшего жертвой насилия — резко пробудиться и тащиться в остолебелом недоумении к первому же новому поразительному объекту, появившемуся рядом и привлечшему его внимание. И какая перемена могла оказаться более катастрофической, более пугающей, чем огромная дыра в земле, окутанная дымом и огнем?

Теперь человек приподнялся на краю кратера, между двумя языками пламени, которые полностью окружили его; он глянул вниз, и его тело неуклюже выгнулось. Ему как будто пришла в голову внезапная, парализующая мысль, что следующий катаклизм может произойти в любую минуту и что только глядя в кратер, он мог надеяться узнать, какие же чудеса творятся в бездне.

Ошеломлённый и напуганный (а иначе просто не могло быть), он проявлял удивительное мужество, и Тлана наблюдала за ним с восхищением. Мужество в сочетании с присутствием разума в чрезвычайной ситуации — вот два качества, которыми она больше всего восхищалась в людях. То, что человек вообще смог проявить такие качества после сокрушительного потрясения, увеличивало ее восхищение.

Это был очень крупный мужчина, с которым она разговаривала восемь или десять раз, американский инженер по имени Харви Эймс, из Техаса — или из Аризоны? — и он всегда ей нравился, несмотря на то, что ее брат думал о гринго и на его отказ преломлять с ними хлеб.

Глядя на него с высоты, с травянистой площадки, где ее собственная жизнь висела на волоске, но при этом опасность становилась как будто немного меньше, Тлана поняла: она хочет полететь к этому человеку по воздуху и разделить его страдания, утешить его каким-

нибудь способом, прежде чем его силы иссякнут и он упадет без чувств. Она не хотела, чтобы он снова стал трупом, чтобы он лишился всякой надежды, чтобы жизнь утратила для него значение.

Языки пламени, которые вились вдоль края пропасти, отбрасывали мерцающие блики на почерневшие от копоти плечи молодого американца. Но пропасть, вдруг поняла Тлана, постепенно озарялась иным светом. Иное, более ровное излучение шло из глубины, в которую он смотрел — бледное, почти бесцветное сияние, которое резко контрастировало с желтым пламенем на поверхности. Оно совсем не мерцало и разливалось над разломом, словно озеро света, которое вышло из берегов и не утратило яркости.

Не было ничего особо тревожного в этом свете — ничего, что заставило бы Тлану почувствовать, будто второй взрыв неизбежен и земля вот-вот разлетится на куски после повторного катаклизма. Взрывы редко так начинались, а когда они случались, им, как правило, предшествовал слабый грохот или какой-то другой, такой же угрожающий звук.

Но затем, пугающе и внезапно, край пропасти начал сотрясаться; тишину нарушил звук, который был почти таким же громким, как взрывы, которые ему предшествовали. Эхо этого звука разнеслось по всей земле до самых дальних скал и вернулось обратно — туда, где на коленях стояла Тлана, рядом с упавшими стволами деревьев, двумя еще не разрушенными машинами и несколькими горняцкими хижинами с металлическими стенами, пережившими землетрясение.

Нет, это был не взрыв, звук казался чем-то гораздо большим. Слышался грохот и скрежет, как будто огромные гранитные глыбы обрушились с большой высоты и с колоссальным шумом упали на землю у подножия утеса, который тоже начал рассыпаться.

Все больше и больше глыб, сталкиваясь, летели в этом немыслимом потоке. Но звуки исходили не от какого-то далекого утеса, а из глубины наполненного светом кратера, где Эймс лежал, вытянувшись во весь рост и всматриваясь в темную бездну, которая оставалась невидимой для Тланы.

Молодой американец исчез с края кратера. Но его и не поглотила земля, как отца Тланы. Он отползал от обрыва гораздо быстрее, чем тогда, когда двигался к провалу, как будто какой-то огромный прилив силы и энергии неожиданно захватил его.

Вдруг мужчина поднялся на ноги, над ним разлился свет из кратера, и Тлана быстро поднялась с колен, когда высокий травянистый склон начал дрожать и осыпаться под ней.

Затем она совершила безрассудный поступок. Она спустилась на ровный участок почвы у основания склона и побежала прямо к мужчине, не думая о своей собственной безопасности, чувствуя только, что, если они будут вместе, когда земля разверзнется в другом месте, он, по крайней мере, узнает, что остался не один.

Если бы Тлане пришла такая мысль минуту назад, она бы посчитала себя совершенно ненормальной. Но теперь у нее не осталось никаких сомнений насчет своего здравомыслия. Конечно, не было ничего хуже, чем противостоять катастрофе в полном одиночестве, оставшись единственным выжившим в мире, который разрывало на части. В такой момент лишь звук человеческого голоса мог помочь, мог затуманить блестящее, жестокое, холодное острие опускающегося ножа. Между жизнью и смертью всегда был момент — должен быть момент — когда страдание может ослабеть благодаря присутствию другого человека. Если бы она могла сделать для него нечто подобное...

Мужчина увидел Тлану, прежде чем она добралась до него и на мгновение замер, его глаза расширились от удивления и недоверия. Затем он закричал и взмахнул руками, показывая, что ей нужно возвращаться назад к травянистому склону, с которого она спустилась; его голос был едва слышен сквозь гул из глубины земли, который все сильнее походил на серию ударов грома, предшествующих почти столь же оглушительному треску.

— Тлана, возвращайся назад! — кричал он. — Забейся снова на тот склон. Чем выше ты заберешься...

Но она больше его не слышала, потому что теперь заглянула в пропасть. Что-то появлялось из нее и приносило с собой глухоту особого вида — паралич всех чувств; казалось, ее разум вернулся на более примитивный уровень.

Брат однажды сказал ей, что наследственные воспоминания человека возвращались к неясным истокам человеческой жизни на земле, что в глубинах разума таились огромные звери и извивающиеся змеи, которые могли вернуться в кошмарных видениях, в диких извращенных снах. Они были не материальны, конечно — они жили только в памяти.

Но ее брат сейчас был далеко, он трудился на тихих Юкатанских равнинах; он не стоял рядом с огромной пропастью в земле, которую застилал свет, ставший почти ослепительным. Он не мог знать, какую ясность сознания она обрела, как трудно, почти невозможно было ей поверить, что увиденное — не более чем страх из ее сознания.

Из пропасти появилась большая голова, плоская и немного напоминавшая голову ящерицы, покрытую мехом.

Голова, казалось, скорее скользила, чем поднималась над краем кратера; она пробиралась вверх с удивительной силой. Но земля у края кратера крошилась, как буд-

то голова принадлежала такому огромному телу, что чудовищная тварь не могла продолжать восхождение из глубины земли, не разрушив все препятствия на своем пути. А препятствия были весьма велики, как увидела Тлана — осколки камня взлетали высоко в воздух и длинные, острые трещины появлялись в земле, окружающей кратер. Одна из них имела форму морской звезды и распространялась по земле во всех направлениях, заканчиваясь маленькими кратерами в конце каждого звездообразного ответвления. Также поднялось облако пыли и, хотя оно не было таким же густым как то, которое осталось после падения машины, но оно закрыло свет и превращалось в какую-то огненную занесу; невероятное облако пронеслось над разгромленной землей в направлении залива.

Теперь огромная голова начала медленно раскачиваться назад и вперед; свет струился над ней, и размеренные движения все еще продолжались, когда Тлана, спотыкаясь, пошла вперед. Она бы упала, если бы ее не подхватили крепкие руки; в объятиях этого мужчины она избавилась от страха — она уже не верила, что может рухнуть на землю. По крайней мере, не сразу, не раньше, чем земля поднимется снова, и стоять на ногах будет уже невозможно при самой надежной поддержке.

В тот момент руки, которые сжимали ее, казались тверже и сильнее, чем могли быть человеческие руки — она прежде не могла представить ничего подобного. Это, должно быть, была иллюзия, потому что, какой бы силой ни наделен подхвативший ее человек, совсем недавно, после работы на солнце, он столкнулся с сокрушительным потрясением, и после пережитого у него почти не осталось сил. Но она уже не думала ни о каком потрясении; его сила казалась поистине титанической. Конечно, это была лишь иллюзия, но Тлана обрела под-

держку, на которую не могла рассчитывать, и уже за одно это чувствовала благодарность.

По крайней мере, не было ничего иллюзорного в спокойных, уверенных движениях, когда он нес ее назад, подальше от стремительно разрушающейся и расширяющейся пропасти и чудовищного зверя, появляющегося из недр земли.

Она знала, что он так же потрясен, как и она, и вероятно, так же напуган. Было бы странно, если б он не испугался. Но он сохранял спокойствие, излучал внутреннюю, а также внешнюю силу, которая давала ему возможность совладать со страхом. Она могла чувствовать эту силу.

Он ничего не говорил; она тоже молчала. Перемещение, самое быстрое отступление от невообразимого ужаса, казалось единственным, что имело значение, и гораздо более важным, нежели все слова, какие они могли сказать друг другу.

Но это свет, а не гигантский зверь, преследовал их, настигал их, кружился над ними, пылал так ярко, что затмевал полуденное солнце. Это свет ослепил их и не дал им возможность устоять в тот момент, когда земля снова начала сотрясаться и наклоняться.

На мгновение, возможно, чуть дольше — на десяток секунд — Тлана почувствовала под ногами твердую поверхность; она стояла ровно и уверенно. Затем она повалилась вперед, равновесие тут же нарушилось, и она подумала, что еще одна пропасть открылась там, где свет, казалось, вдруг стал менее ослепительным.

Затем она закричала, она могла слышать свой крик и на миг решила, что погружается вниз. Но нет, нет, это не могло быть правдой, потому что неким странным образом, в глубине своего разума и тела, она осознавала, что летит по воздуху и даже поднимается. Затем все ощущения исчезли, и она уже не поднималась и не па-

дала, а висела в дурманящей пропасти свинцовой пустоты.

Сознание вернулось к ней медленно, болезненно — как будто прошли бессчетные века.

Она лежала вытянувшись во весь рост, ее голова и плечи были слегка приподняты, и что-то твердое и холодное прижималось к ее позвоночнику. Она не знала, то ли это кочка на земле или одна из сломанных деталей разбитой машины — она чувствовала лишь то, что земля под ней перестала наклоняться и двигаться.

Мгновенье она лежала неподвижно, опасаясь: если она попытается подняться, волна головокружения захлестнет ее. Лишь тогда, когда она услышала совсем рядом звук резкого дыхания, нахлынувшие страхи отступили, и она быстро села.

Тлана была не одна. Человек, который сделал все возможное, чтобы помочь ей сохранить надежду, когда защита казалась невозможной, стоял менее чем в пяти футах от нее, немного покачиваясь, и изумленно озираясь по сторонам.

Со всех сторон здесь распростерлась бесконечная равнина из снега и льда, и только вдалеке на ровной замороженной поверхности виднелся высокий утес, ослепительно сверкавший, будто отделанный миллионами алмазов огромных размеров, отшлифованными неким превосходным искусным мастером, который показал все свои способности.

Солнечный свет был почти таким же ослепительным, как преследовавшее их свечение, явившееся из глубин земли в исчезнувшем мире. Но это не солнечный свет заставил Тлану непрерывно моргать и плотно прикрывать глаза. Дело было во взрыве и полной неизвестности, окружившей ее теперь; закрыв веки, в темноте, она собрала остатки храбрости, пытаясь привыкнуть к этому миру и признать его реальность.

Глава 1

Солнце померкло, луна спрятала свое лицо
Когда, в течение дня и ночи, пришел зверь
И поселился среди нас. Затем он ушел,
Огромный зверь из иного мира, и мы
Радовались и солнце снова нам светило.

Легенда тольтеков — примерно 900 год н.э.

Когда маленькая рыбацкая лодка поднималась и падала на волнах, Дэвид Дорман мог разглядеть сквозь дымчатую завесу голые, мокрые, блестящие спины гребцов, их напряженные мышцы, вырисовывавшиеся в ослепительном солнечном свете, словно натянутые канаты. Уключины были покрыты пеной, и каждый раз, когда лодка наклонялась и погружалась вниз, все больше воды перехлестывало через борта и заливало восьмерых пассажиров.

Было что-то безумное в монотонном дуновении ветра, сильного, но не шквалистого, который мог резко перейти в шторм и сделать опасную борьбу в десять раз опаснее. Но вот бесило Дормана больше всего: удивительная цепочка обстоятельств, которая дала ему возможность принять участие в такой потрясающей битве на море, все еще вынуждала его довольствоваться ролью простого наблюдателя.

Дорман встал, как только лодка начала приближаться к гигантскому морскому зверю. Женщина, находившаяся рядом с ним, дергала за пляжную куртку, отчаянно пытаясь заставить его сесть; взъерошенные ветром волосы падали на глаза и наполовину ослепляли ее. Он хотел присоединиться к рулевому на носу лодки и встать к гарпунной пушке; он чувствовал, что заслужил право,

по крайней мере, взглянуть с близкого расстояния прямо в лицо опасности.

Но Джоан Рейнс не отпускала:

— Дэвид, послушай меня, — умоляла она. — Ты должен послушать. Мне тоже придется встать? Ты хочешь рискнуть и лишиться меня? Потому что если это единственный способ, мне придется добраться до тебя...

— Нет лучшего способа удостовериться, что мы свалимся за борт вместе! — выкрикнул Дорман; он повысил голос, несмотря на то, что из-за кратковременного затишья в этом не было необходимости. — Просто продолжай меня бесить...

Она мгновенно отпустила его руку.

Холодный страх проник в сознание Дормана; он тут же пожалел о сказанном. Он не хотел причинять ей боль — и видит Бог, он не хотел потерять ее. И если бы это произошло сейчас...

Вдруг снова началась качка.

Дорман почувствовал такое облегчение, что резко сел и прижал женщину к себе. Он провел пальцами по ее мокрым волосам, наклонил ее голову назад и прильнул к ее губам своими. На мгновение ее тело напряглось, но затем она расслабилась в его объятиях. Дорман был уверен, что это был лучший способ положить конец ее тревогам.

Он осторожно и медленно отпустил ее. Снова поднявшись на ноги, Дэвид убедился, что она не попытается встать, и продолжал крепко сжимать ее плечи.

Джоан не сдалась. Она схватила его за запястье и снова усадила рядом с собой.

— Дэвид, — выдохнула она, когда лодка окунулась в двадцатый раз, и еще больше брызг перелетело через борт и захлестнуло их. — Почему мы явились сюда? Почему мы не могли просто остаться на берегу и понаблю-

дать? Зачем ты связался с этой безумной экспедицией, которая в конечном итоге нас всех погубит?

Прежде чем Дорман успел сказать что-нибудь в ответ, лодка так сильно накренилась, что Джоан пришлось отпустить его. Дэвид снова поднялся на ноги, оглядывая бурные воды залива — сине-зеленые в том месте, где они встречались с небом, и практически черные там, где волны взбивались пеной рядом с приближающимся морским чудовищем.

Оно казалось достаточно впечатляющим на берегу, когда Дорман впервые разглядел его в мощный бинокль. Но теперь, в краснеющей воде, с двумя гарпунами, торчащими из туловища, оно представляло такое страшное зрелище, что не удивительно, как одно лишь приближение к этому существу привело сидевшую рядом женщину в состояние, близкое к истерии. Но Дорман поймал себя на мысли, что изучает монстра с увлечением.

По сравнению с ним бронтозавр выглядел бы карликом, и на его фоне самый большой из живых китов и огромная белая акула-людоед (которая известна тем, что вырастает до шестидесяти футов в длину) показались бы ничтожными морскими гномами.

Оно походило на млекопитающее больше, чем на рыбу, потому что было покрыто шерстью слегка красноватого оттенка. На самом деле, оно было совершенно лишено схожести с рыбой, за исключением выделяющегося, веерообразного нароста — мало, чем отличавшегося от спинного плавника; нарост тянулся по всей длине его туловища, от нижней части гигантской плоской головы до кончика огромного хвоста.

У существа были четыре крепкие конечности и бедра такого обхвата, что по суше тварь могла бы, наверное, передвигаться прыжками, как кенгуру. Но как могло сухопутное животное противостоять атакам на воде с такой огромной энергией, как оно могло столько време-

ни продержаться в заливе? Это существо металось в том месте, где обилие волн и ярость ветра могли погубить зверя, не приспособленного к морю, которому оставалось бы только беспомощно барахтаться в воде. А эта тварь справлялась...

Тем не менее Дорман не до конца исключал возможность, что на самом деле это сухопутное животное; оно могло упасть в залив с края какого-нибудь высокого утеса, рухнувшего под его огромным весом, и поплыть к низкому участку побережья, где зверь мог бы снова исчезнуть в джунглях.

Дорман был уверен только в одном. Ни одно живое существо, когда-либо ходившее по земле или плававшее по морю, не могло занять так много места — а эту тварь он хорошо рассмотрел, когда она, обезумев от боли, в ярости подпрыгнуло над волнами, явив наблюдателям четыре пятых своего тела.

Тем не менее маленький человек осмелился приблизиться к зверю и направил против него все свои силы и смекалку. Он чувствовал также странную смесь любопытства и протеста, вызванного присутствием неизвестного; именно это сделало человека много веков назад таким победоносным покорителем дикой местности.

Дорману не было необходимости подниматься на борт, когда лодка покидала пляж двадцатью минутами ранее; он мог следить за происходящим из окруженной глиняной стеной деревни на противоположной стороне бухты, вместе с двумя сотнями взволнованных мужчин и женщин. На расстоянии почти в милю монстр был четко виден. Даже полуголые дети, которые выбегали из домов, чтобы забраться на скользкие от ила камни, могли разглядывать его расширенными от удивления глазами — несмотря на предостерегающие крики родителей.

Гребцы также могли держать огромное животное в поле зрения, когда лодка входила в залив. Но прежде чем Дорман успел подняться на ноги, порывы ветра так раскачали нос корабля, что пассажиру, сидевшему на корме, удалось лишь мимолетно разглядеть бок чудовища.

Буря усиливалась. На мгновение он поймал себя на мысли, что вспоминал большие ветра, которые ревели в годы его отрочества в Дакоте, до того, как он уехал на восток, чтобы стать специалистом-археологом в диких джунглях центральной Мексики. Раньше. Задолго до этого дня...

Ветер, казалось, теперь изменил направление, дул он так яростно, что устоять на ногах было почти невозможно — особенно когда руки Джоан так крепко обвились вокруг его колен.

Он попытался выпутаться из ее объятий, но хватка женщины внезапно стала такой крепкой, что ему пришлось в третий раз сесть и выслушать Джоан.

— Через десять минут мы можем быть уже мертвы, — продолжала она. — Поэтому я не стану молчать. Ты сделал это раньше — пошел на дикий, безумный риск совсем без причины. Эти люди — рыбаки. Они знают залив и опасность для них — обычное дело. Если они хотят себя убить, пожалуйста. Мы теряем больше, чем они.

— У них есть жены и дети! — бросился на нее Дорман. — Сейчас слишком поздно для таких бесед. Вряд ли в твою пользу...

— Думаешь, я этого не знаю? Я говорю, что я чувствую, потому что хочу, чтобы ты был также честен и признал один факт: ты эгоистичен и жесток! Ты думаешь только о себе. Ты должен понимать, что если лодка опрокинется, и об этом узнают акулы или это существо — ты рискуешь не только своей собственной жизнью!

Мгновенье Дорман сидел неподвижно, чувствуя себя человеком, которому только что воткнули нож в сердце и который так и не понял, почему рана до сих пор не привела к смерти.

Было немало правды в ее словах; и ему не захотелось вскакивать на ноги, как он собирался сделать поначалу; он не освободился, не перехватил ее запястье и не разжал ее пальцы.

Судя по крикам гребцов, раненое чудовище снова приближалось к лодке. Но Дорман расслышал достаточно, чтобы понять: у него оставалась минута или две, чтобы примириться с той частью себя, которая в прошлом неоднократно оправдывала обвинения, которые сейчас Джоан швырнула ему в лицо.

Если бы случилась катастрофа, и он ушел под воду, не видя на грани небытия ничего, кроме смутных очертаний ее лица — было бы легче, если бы он смог признать свою вину и заслужить ее прощение.

И вдруг все это вернулось в огромных, почти ослепительных вспышках — словно изображения появлялись на освещенном экране перед близко сидящим зрителем.

Он снова увидел, как экспедиция, состоящая из двух человек, высаживается на берег двумя месяцами ранее — если измерять время по календарю; но казалось, прошли неисчислимые годы с тех пор, как он, археолог, специалист по доколумбовой эпохе, спустился по трапу маленького катера.

Глава 2

Он спускался первым, а Джоан шла прямо за ним; их багаж состоял из двух тяжелых чемоданов. Дорман нес самый тяжелый груз; в одной руке он держал серый тропический шлем, которой снял из-за жары.

У его помощницы и коллеги, которая по возрасту была чуть младше Дормана, в глазах сверкали веселые, шаловливые искорки. Но он не улыбался. Почему, подумал он, ведь еще ничего не произошло, ничто не могло внушить ему мысль, что джунгли могут быть врагом — это казалось абсолютно невероятным.

Затем сами джунгли захлестнули его, он погрузился в бескрайние тропические леса; он, как и Джоан, был пигмеем в мире чудовищных теней.

Две обваливающиеся пирамиды, поросшие яркой растительностью, почти не разрушали ощущения мрачности, исходившего от деревьев, которые возносились, казалось, к самым небесам и, хотя в тот момент лес казался безжизненным, он знал, что поблизости находились ягуары, пумы, обезьяны, броненосцы, гигантские змеи и бесчисленное множество птиц.

Настал один из тех странных, редких моментов, когда лес казался абсолютно сонным, и только две «голые обезьяны» передвигались между деревьев.

Не то чтобы он и Джоан были на самом деле голыми, но они носили намного меньше одежды, чем в тот день, когда впервые спустились с катера.

Они прибыли, почти ничего не зная о мексиканских джунглях, несмотря на то, что в снах призраки давно похороненного прошлого казались в сто раз более угрожающими.

Внутренним взором он смог охватить очень большой участок джунглей. Когда видение пропало, две пирами-

ды оказались ближе, и исследователи поднимались на вершину той, которая лучше сопротивлялась разрушительному воздействию времени.

Затем они оказались внутри пирамиды, в ограде храма с каменными стенами; посетители рассматривали огромную гранитную фигуру, которая не имела ни малейшего сходства с Уицилопочтли, крылатым ацтекским богом войны. Она была почти бесформенной, с большими конечностями и сплюснутой головой, которая делала изваяние похожим больше на зверя, чем на человека. Но было невозможно точно определить, что должна была изображать скульптура — настолько неуклюжей и бесформенной она казалась.

Изваяние было таким огромным и так сильно пострадало от времени, вдобавок они натолкнулись на него так неожиданно, что Джоан вздрогнула и прижалась к нему, и лишь мгновение они стояли, глядя на статую. Затем оба снова быстро вышли на солнечный свет и спустились по ступеням пирамиды так быстро, что Джоан потеряла равновесие и упала бы, если бы Дорман ее не подхватил.

Внезапно джунгли исчезли и в воображении Дормана возникли свет, звуки и цвета — это случилось так же внезапно, как внезапно нахлынул мрак.

Он сидел на пляже рядом с Джоан, рисуя круги на песке указательным пальцем и вглядываясь в сияющие воды залива. Поначалу там не на что было смотреть, разве что на две маленькие рыбацкие лодки, покачивающиеся ближе к горизонту. Затем шесть рыбаков быстро выбежали на пляж, туда, где на песке была подготовлена лодка, лежавшая в шести футах от линии прибоя.

Один из них остановился на мгновение, чтобы взять Дормана за плечо и указать в сторону залива.

Он быстро поднялся на ноги, поднося бинокль к глазам, в то время как рыбак продолжал двигаться дальше. Дэвид не возражал, когда Джоан выхватила у него бинокль; он увидел достаточно. Он был на полпути к лодке, прежде чем она осознала, что его рядом с ней больше нет.

Затем она побежала за ним, а он, оборачиваясь, махал ей, предлагая вернуться обратно. Но она отказывалась и не обращала ни малейшего внимания на его приказы. Она ненадолго остановилась, чтобы подхватить холщовую сумку, которую он по глупости взял с собой, собираясь изучить ее содержимое во время солнечных ванн. Дорман был рад, что она это сделала, хотя не так уж беспокоился о цветных слайдах и мелком оборудовании, которое в ней находилось; его больше волновала Джоан; но сумку он тоже не хотел терять.

В деревне, окруженной глиняной стеной, водились и воры, так что если бы мешок остался лежать на видном месте на песке...

Теперь Дэвид кричал Джоан, заставляя ее вернуться, размахивая руками еще сильнее. Но она не слушала. Она оставалась упрямой, а он сидел в лодке, и гребцы отталкивались от берега, когда он с ужасом увидел, что Джоан преодолевает прибой с явным намерением перепрыгнуть через борт и присоединиться к нему.

Он мог сделать две вещи. Он мог выпрыгнуть из лодки, прежде чем она уйдет на глубину, подхватить Джоан на руки, независимо от того, как сильно она будет сопротивляться, и отнести ее обратно на пляж, позволив рыбакам отправиться без него. Или он мог остаться в лодке и не дать ей подняться на борт.

Но он не сделал ни того ни другого; вместо этого, он приказал команде приналечь на весла; не удивительно, что его слова не остались без внимания. Возможно, их бы возмутило появление женщины на борту, они поста-

рались бы предотвратить это, если бы не были так заняты преодолением линии прибоа.

Один из гребцов стоял на корме, направляя лодку последним движением весла, когда Джоан наполовину вскочила, наполовину переползла через борт и уселась перед ним с холщовой сумкой между ног. К тому времени было уже слишком поздно останавливать ее, не подвергая опасности ее жизнь, тем более не стоило думать, что она почувствует в миле от берега, когда первый гарпун ударится с глухим стуком о тело чудовища и Джоан испытает непреодолимое желание переложить вину на плечи других.

Внезапно быстро сменяющиеся друг друга вспышки-воспоминания угасли, остались только яростные противоречия в душе Дормана; он сжал губы, жестоко укоряя самого себя. Упрек, который она швырнула ему в лицо, был во многом оправдан. С другой стороны, это не означало, что его безрассудство было преступно. Обдумав случившееся, Дорман решил, что первопричина — простое замешательство. Человеческая природа, как он всегда считал, была слишком сложна, и человек не мог выносить поспешные суждения о собственных недостатках. Почему человек должен себя сильно наказывать за то, что он поддается порывам, которые так же естественны для него как дыхание, порывам, которые были его верными спутниками с детства.

Все же... все же... оставался вопрос, на который, думал Дорман, должен найтись ответ даже в такой критически опасный момент — иначе он может пойти на смерть, попусту истязая себя сомнениями. Можно было умереть и получше, и не стоило совершать подобную ошибку: принимать дурную смерть как неизбежность.

Итак, почему он это сделал? Почему он вышел в залив, решив поучаствовать в сражении, за которым они

могли бы наблюдать с пляжа, как Джоан и сказала, через мощный бинокль, находясь в полной безопасности?

Его долг перед музеем, который профинансировал экспедицию из двух человек? Такова причина? Не было ничего, что могло бы принести пожертвования для научного сообщества, которому не хватало средств, лучше эффективной рекламы. Просто стать свидетелем, а фактически участником, происшествия такого грандиозного, что телеграфное агентство завалило бы всех новостями завтра или на следующий день; он получил бы преимущество перед всеми газетчиками, от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса; вскоре они собрались бы тут настоящей толпой и превратили бы пляж и окрестности в посадочную полосу для самолетов.

Если бы он смог заставить себя поверить в это, если бы он смог убедить себя, что никакие другие соображения не могли заставить его спуститься на пляж вслед за рыбаками и запрыгнуть в лодку — тогда бремя вины стало бы легче. Но — это было бы неправдой.

Возможно, это было незначительное соображение, присутствовавшее в его сознании. Но он вышел в залив по большей части из-за того, что глубоко в его природе, крылось нечто особое — он не мог сопротивляться, когда представилась возможность обрести опасное, необычное знание.

Такое ощущение не показалось бы странным висящему на волоске альпинисту или матадору в алом плаще. Иначе зачем бы мужчина стоял перед разъяренным, обезумевшим от боли быком в самой жестокой, самой примитивной из всех человеческих игр, сталкиваясь с опасностью, в любой момент готовясь принять смерть от острога рога — и думая только о том, каким ярким и великолепным могло оказаться лицо смерти в такой момент.

Смерть, которой можно избежать, смерть, которой можно бросить вызов и победить, сделав легкие танцевальные шаги — один, два, быстрее — и замереть посреди грома аплодисментов, гордый, дерзкий и абсолютно непоколебимый, покоритель смерти в короткий миг совершенного самовыражения.

Возможно, женщина рядом с ним поймет, если он полностью раскроется перед ней. Но сейчас на это не осталось времени, к тому же он предпочел держать свои мысли при себе.

В одно мгновение он пережил то, что произошло в джунглях и на пляже; а морской зверь, который мог проглотить дюжину быков и не насытиться, видимо, снова приближался к лодке, так как сейчас человек на носу кричал ему; голос звучал решительно и настойчиво.

Этот крик перекрывал рев ветра — словно воздух рассекала плеть.

— Сеньор, женщина! Она не должна стоять! Вы меня слышите, сеньор?

Дорман приложил руку ко рту и крикнул.

— Она не стоит. А я иду вперед.

— Нет, сеньор! Стойте, где стоите. Вы ничего не увидите, если будете смотреть глазами утопленника!

— Слава Богу, у него есть здравый смысл! — крикнула Джоан, сильнее сжимая его руку. — Не вставай. Пожалуйста, дорогой — пожалуйста. В этом нет нужды.

Рулевой снова крикнул, но его ответ заглушил порыв ветра настолько сильный, что он развернул гребца, сидевшего напротив Дормана, вполоборота, когда тот начал подниматься, чтобы сильнее нажать на весло. Рыбак не мог ни поднять, ни опустить весла, он на миг замер, беззвучно шевеля губами. Затем послышался дикий поток слов на полу-испанском, полу-индейском прибрежном деревенском диалекте; прислушавшись, Джоан неистово вцепилась в руку Дормана.

— Он говорит, что собирается нырять! Слишком много гарпунов...

— Он не может быть уверен... — пробормотал Дорман. — Отпусти меня, Джоан. Я должен пойти за ним.

— Нет. Пожалуйста!

— Не дури. Он может быть прав. А если он прав, то я должен убедиться, что с пушкой будут правильно обращаться.

Когда Дорман двинулся вперед — он неумолимо разжал ее пальцы — внутри него все разрывалось. Одна лишь мысль о том, что придется оставить ее одну, когда лодка так сильно кренилась, тянула Дэвида назад.

Но он знал, что не смог бы спасти ее, если бы необычно большая волна или сильный крен унесли половину экипажа в море; он поможет куда больше, если останется с рулевым на носу, наблюдая за каждым его движением, используя всю бдительность сухопутного обитателя, чтобы исправить возможные просчеты человека, которого сделали самонадеянным пережитые в прошлом опасности.

Удача рыбака непостоянна и не зависит от того, насколько опытен рулевой; еще один сообразительный помощник может оказаться полезным, если битва примет совершенно неожиданный поворот. По крайней мере, так убеждал себя Дорман.

Он с трудом пробирался мимо гребцов, дважды он споткнулся и чуть не упал. Ливень из брызг, перелетавших через борт, хлестал их, и руки, колени и плечи гребцов постоянно замедляли его продвижение. Хуже всего Дэвиду пришлось, когда чей-то локоть ударил его под ложечку; он скорчился и схватился одной рукой за борт.

Но затем, последнее препятствие, казалось, внезапно растворилось и исчезло. Он миновал гребцов и встал рядом с рулевым, глядя мимо пушки-гарпуна на то, что

сперва представлялось лишь огромным столбом воды, выброшенной ввысь. Как будто огромный зверь, взлетевший в порыве ярости над волнами, прихватил часть воды из залива с собой и начал метаться между морем и небом в глубинах водоворота.

Но Дорман быстро понял, что это была по большей части иллюзия. Огромный зверь взмыл вверх вместе с водой. Но это его собственное, мокрое, сверкающее, необъятное туловище на мгновение приняло форму бурлящего водоворота, возносящегося к небу.

Теперь вся вода падала обратно в залив, и огромный зверь резко и явно выделялся на фоне неба; на мгновение он застыл и показался совершенно неподвижным. Но Дорман знал, что это — противоположность спокойствия, что кажущаяся неподвижность — такая же иллюзия, вызванная расстоянием и огромной высотой, на которую взлетел монстр.

Внезапно он опустился, направившись прямо вниз к лодке, прежде чем Дорман успел приблизиться к пушке-гарпуну и посмотреть на рулевого, который выкрикивал ему предупреждения несколькими минутами ранее.

Затем, почти мгновенно, рулевой исчез. Но в море его швырнул не рухнувший сверху зверь. Две большие волны (вторая была выше первой) захлестнули нос лодки, когда все еще погруженные в воду задние конечности чудовища вспенили поверхность залива вокруг лодки; поднялись новые волны, еще выше тех, которые взметнули и опустили побитую штормом лодку.

К счастью, лодка снова поднималась, когда ударили волны; в результате под водой оказалась не вся ее носовая часть. Дормана отбросило в сторону борта, а затем вперед по палубе. Он на секунду зацепился за основание пушки-гарпуна; руки его скользили и отчаянно цеплялись за что-то тонкое, что можно было обхватить.

Дорман изо всех сил пытался подняться, и ему почти удалось встать на ноги, когда первый гребец, шатаясь, подошел к нему, схватил за плечи и снова отбросил от борта.

Это был молодой мужчина с густой бородой; казалось, он внезапно сошел с ума. Он что-то кричал, но Дорман ничего не мог расслышать — таким громким был рев ветра; матрос с фанатичной яростью смотрел на Дэвида.

Прежде чем Дорман успел подняться, его схватили за плечи во второй раз, и он понял, что борется с мужчиной. Дэвиду почти тотчас же нанесли яростный удар в висок, на который ему каким-то образом удалось ответить. Он даже сумел ударить безумца коленом в пах, но прежде чем он смог вырваться, тень упала на лодку, и палуба начала ускользать из-под него. Лодка сотряслась, как будто уже собиралась развалиться, а затем поднялась высоко в воздух. Дорман ощутил в груди ужасающую легкость и, хотя она ничем не отличалась от ощущения падения, которое он испытывал в кошмарах и быстро опускающихся лифтах, но ощущение казалось бесконечным и по этой причине более пугающим.

Когда он обнаружил, что болтается в холодных водах залива, рядом с перевернутой лодкой, быстро удаляющейся от него в огромном водовороте пены, он понял, насколько ошибся.

Пугающе быстрый спуск в пустоту закончился. Но он сменился чем-то столь же страшным; теперь Дорман выбросил из головы все заботы о собственном выживании.

Джоан, оказавшаяся поблизости, изо всех сил сталась удерживать голову над водой, отчаянно цепляясь за холщовую сумку, которую она взяла с собой в лодку — так же, наверное, она цеплялась бы за спасительный буй, если один из них бросили ей. Казалось невероятным, но

это ей немного помогало, хотя сумка пропиталась водой и не могла долго поддерживать девушку.

Неподалеку другие головы покачивались на волнах, а мексиканский юноша, с которым боролся Дорман, плыл, энергично взмахивая руками, к перевернутой лодке, чувствуя прилив того, что, вероятно, следовало бы называть диким оптимизмом сумасшедшего.

Глава 3

Когда Дорман увидел огромное животное, чувство кошмарной нереальности происходящего охватило его. Сейчас чудовище неподвижно плавало на поднимающихся и опускающихся волнах на значительном расстоянии от лодки, которую оно перевернуло; его огромное тело было почти на одном уровне с волнами.

Казалось, катастрофа с лодкой успокоила тварь, она больше не собиралась вставать на дыбы и наносить повреждения поверженному врагу. Отдельные пассажиры лодки чудовище не интересовали.

Было понятно, что с лодкой у существа связано лишь одно представление — маленькое опасное животное, животное, которое при всей своей малости, должно быть, казалось существу бешеным. Крошечные головы, покачивающиеся в море, и даже энергично плывущий человек, казалось, уже не привлекали зверя.

Или нет? Когда Дорман остановился и бросил взгляд назад, его беспокойство за Джоан усилилось; странное свечение, которое окутывало чудовище с самого начала, как будто становилось больше и ярче.

Внезапно свет распространился по воде быстрыми нитями пламени, которые выглядели словно огненные змеи, движущиеся зигзагами по штормовым волнам к перевернутой лодке и плывущему человеку.

Молодой безумец находился очень близко к лодке, так близко, мог бы удариться головой, если бы поднимающаяся волна подтащила его еще ближе — и тут свет закружился над ним.

Пловец мгновенно исчез.

Затем Дорман поплыл прямо к Джоан, заставляя себя не думать об увиденном, пока не добрался до нее. Когда

его рука коснулась ее руки, свет также закружился над ними.

На мгновение он увидел лицо Джоан, залитое ослепительно ярким светом, увидел выражение ужаса в ее глазах и мокрые волосы, облепившие ее лоб, увидел свет, мерцающий у ее висков, и осознал: они оба вовлечены в это, и выбраться уже невозможно.

На мгновение свет стал таким ярким, что Дэвид не больше не мог ничего увидеть; ему пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть. Свет продолжал его слепить, прожигая его веки, заставляя его чувствовать, что море и небо вот-вот взорвутся в единой вспышке, что земля станет такой же яркой, как солнце, огненный шар, крутящийся по космосу, и что затем эта яркость будет распространяться все дальше, пока не останется только огромное, неподвижное сияние, заменившее исчезнувшую Вселенную.

Затем свет погас так внезапно, как если бы огромная рука, обнимающая мир, затушила его; осталось только безграничное пространство тьмы.

Дорману казалось, что он живет в двух мирах одновременно. Один из них был миром мучительных воспоминаний, которые не существовали за пределами его разума: мимолетное осознание того, что Джоан в опасности и он не может ее защитить и успокоить; огромный, восходящий вихрь из огня и воды, скрывающий чудовище, которое его разум больше не мог измерить; перевернутая лодка, поднимающаяся и опускающаяся на волнах; отчаянные крики людей, погружающихся под воду и неспособных спастись.

Другой мир был миром движущихся изображений в овальных и квадратных рамках, проходящих перед ним как последовательности трехмерных картинок, быстро выводившихся на широкий экран. Казалось, фильм и проекционный аппарат каким-то странным образом

объединились, чтобы реконструировать реальность с большей глубиной, которой она на самом деле обладала, и открыть образы, которые принадлежали какой-то области бытия за пределами времени, где знакомое и близкое сливалось с совершенно неизвестным.

Мир джунглей не походил на тот, который исследовали они с Джоан; деревья казались более крупными, листва более густой, а осыпающиеся каменные развалины исчезли. На их месте стояли каменные сооружения, но они не были разрушены, и ни одно по форме не напоминало пирамиду.

Джунгли, в которых растительность была гораздо менее густой, деревья менее крепкими и совсем не встречалось каменных строений. Широкие просеки между деревьями и бесплодными участками усыпанной камнями почвы, где ничего не росло, вели к холодному серому морю.

Нечто вроде пустыря, где все деревья имели чахлый и уродливый вид, карликовая растительность едва достигала шести футов, листва казалась сморщенной, как высохшие осенние листья, но эта поросль не отрывалась от качающихся ветвей и сохраняла весенний зеленый цвет.

И пейзажи, в которых, казалось, произошли катастрофические изменения, пейзажи, в которых земля постоянно пребывала в движении, и струи пара поднимались из впадин в форме горшков, разбросанных по плоской равнине.

Затем рамки, разделяющие изображения, неожиданно стали растворяться, быстрее и быстрее, пока не исчезли все разделительные линии между ними, и не осталось никакой закономерности в смене разнородных изображений. Зеленые пейзажи и бесплодные пейзажи, берега, окруженные утесами и другие, такие же плоские и

безликие, как усыпанная галькой поверхность маленького кратера на Луне...

С самого начала изменения были невероятно быстры, каждое изображение,двигающееся или неподвижное, уступало место другому, прежде чем все их основные свойства удавалось четко различить. В нескольких картинах возникали движущиеся фигуры, но они появлялись и исчезали так быстро, что мало чем отличались от бешено вращающихся пятнышек, появляющихся на экране плохо настроенного телевизора.

Но теперь изображения не только быстро двигались, они менялись вместе, вместе приходили и уходили. Они порождали чудовищные искажения: тени, по форме напоминающие гигантских животных, огромные каменные лица, подвешенные над бездной, длинные ряды зазубренных камней, идущие параллельно бушующему морю, высокие волны, скрытые пеной.

Потом воцарилась белизна, почти такая же ослепительная, как свет, который кружился вокруг Дормана в тусклом, полузабытом мире так много миллионов ударов сердца назад; Дэвиду казалось, что если он когда-нибудь вернется туда, то будет старым, согнутым и ужасно ослабевшим; он будет ковылять с тросточкой или цепляться за руку какого-нибудь жалостливого незнакомца, который спас его от забвения, хотя было бы намного лучше, если бы ему позволили умереть.

Белизна не исчезла. Она расширилась и стала еще ярче, и Дорман услышал голос, который о чем-то умолял его. И еще его дергали за руку.

— Дорогой, мы где-то на берегу. Ты поранишься, если будешь и дальше ворочаться из стороны в сторону. Мы, должно быть, спаслись.

На мгновение настала тишина. Затем голос продолжил, как будто произошедшее произвело такой большой эффект на Джоан — у него не было никаких сомнений,

что говорила его спутница — и она могла произносить лишь отрывочные реплики.

— Вращение остановилось. Я... я не отключилась. Но это было то же самое, как будто я отключилась. Меня могли спасти с другой лодки, затащить прямо через борт; я бы ничего не узнала. Я, казалось, была где-то еще, далеко, и все менялось вокруг меня.

Волнение Джоан, казалось, внезапно усилилось:

— Ты слышишь, что я говорю? Ох, дорогой, попробуйся. Ты должен попытаться.

Дорман открыл глаза. Поначалу он различал только смутные очертания лица Джоан, нависшего над ним. Затем ее темные волосы, спутанными прядями покрывшие лоб, резко выделились на фоне нечеткого изображения, и когда ее черты стали отчетливее, Дэвид понял, что головокружение отступает, и он может рискнуть и попытаться сесть.

Он тут же поднялся, удивленный собственной решимостью, и обнял Джоан. Он притянул ее поближе и сжал на мгновение в крепком объятии, ничего не говоря, удовлетворяясь просто тем, что он может обнять ее. Он понятия не имел, где находится, за исключением того, что под ним снова твердая земля; он не знал, сколько новых опасностей могут возникнуть в ближайшие минуты, заставив их почувствовать, что они получили лишь кратковременную передышку. Может быть, даже огромный зверь не исчез окончательно, не скрылся в водах залива, когда свет кружил над ними.

Дорману было достаточно уже того, что Джоан не ушла на дно, что она не потеряна для него навсегда. Прижимая ее ближе, Дэвид мог сохранить — и сохранял — это мгновение навечно. Он знал, что некоторые люди, которые гордились своей рациональностью, с трудом могли бы поверить, что один миг мог вместить в себя все время. Но Дорман всегда считал, что вечность ни-

как не связана с длительностью во времени и пространстве, а если это значило, что он иррационален — обвинение было бы справедливым.

Джоан сильно дрожала, но она вовсе не выглядела как женщина, которая чуть не утонула и чудесным образом выбралась из воды. Волосы, упавшие ей на лицо и прижавшиеся сейчас ко лбу Дормана, не казались влажными, а ее тонкая одежда на ощупь была совершенно сухой. Одежда туго облежала ее тело, но его ладони не чувствовали влаги, когда касались ткани.

Его собственная одежда также не была влажной, как он быстро обнаружил, когда одной рукой провел по своей пляжной куртке, а затем по шортам цвета хаки.

Что это могло значить? Неужели изображения, которые мелькали у него перед глазами, каждое в отдельной рамке, сменялись медленнее, чем он думал? Или же Джоан была права, решив, что их спасла другая лодка и что тяжелое испытание, которое им удалось пережить, заставило их забыть, как они добрались до лодки и что случилось потом. Возможно, они пробыли без сознания несколько часов. Возможно...

Джоан сказала, что они на пляже, но нигде не было никаких признаков воды и, хотя его зрение все еще оставалось ненадежным — оно прояснилось лишь на мгновение, — Дэвид был почти уверен, что они окружены мерцающими просторами белизны. Казалось, она тянулась на мили во всех направлениях.

Где они? Что с ними случилось?

Джоан, сжавшись в его объятиях, призналась, что солгала ему.

— Я не хотела тебя тревожить! — выдохнула она. — Но мы не в заливе. Дорогой, посмотри... оглянись вокруг. Нет ничего кроме снега и льда... замороженная равнина.

Его зрение снова становилось четче, и он смог увидеть, что ее слова – чистая правда. Он сидел неподвижно, осколки льда касались его спины, такие же холодные и такие же острые, как полупрозрачная наледь, свисавшая с голых ветвей деревьев, выглядевших так, как будто они перестали расти, достигнув высоты в шесть или семь футов.

Глава 4

Везде, куда бы ни падал взгляд Дормана, были большие снежные заносы, а на огромном расстоянии возвышалась стена изо льда, растянувшаяся на половину всей равнины; валуны в ее основании казались такими большими, что он мог бы перепутать их с маленькими холмами, если бы они не отличались такой своеобразной формой. Некоторые из них имели вид почти что монолитов, а другие были такими же круглыми и гладкими, как отполированные волнами камешки на пляже, о котором Дорман почти забыл — он забыл, что за безрассудство приходится платить, когда человек, несущий ответственность не только за себя, рискует жизнью.

Он еще не умер и не хотел умирать. Но если бы он мог таким образом избавить Джоан от мучительных мыслей, которые должны были проноситься у нее в голове в тот момент, он охотно пошел бы на смерть.

Будет ли хорошо, подумал он с внезапной решимостью, если сейчас вернуться к началу? Не обратно в джунгли и на пляж — даже его детство теперь казалось не таким далеким — но к тому моменту, когда нормальный мир исчез, а странный свет заструился над ними? Джоан в море, цепляется за плавающую холщовую сумку, выбрасывает свою свободную руку в отчаянном жесте и чудовище... чудовище...

А если что-то сотрясло основы времени и пространства? Что если огромный зверь слишком массивного объема, слишком высокого роста существовал в одном мире со всем прочим — с обычными животными и растениями, деревьями и скалами? Что если перенести его назад во времени или перебросить через некоторое невероятное пространство, потому что он не имеет права быть там, где он есть.

И если бы разрушение привело к таким катастрофическим последствиям, что они смирились с этим, посреди какого-то огромного всплеска неестественного света.

Как безумно было верить в это — и даже думать об этом?

Достаточно безумно, несомненно. Опасная мания... и он бы решительно выбросил такие мысли из головы, даже если бы не слышал просьб Джоан.

Она не могла знать, о чем он на самом деле думает. Он был уверен в этом. Но она старалась, как могла, удержаться на пути, ведущем назад к здравомыслию, убедить его, что должно быть некое логическое объяснение всего произошедшего.

Он знал, что ему придется отвергнуть почти все, что она сказала, просто потому, что не было никакой возможности объяснить, что произошло, и устоять в холодном свете разума. Но несмотря на это, он был благодарен. Почему-то было нечто утешительное в простом осознании: она разделяет его убеждения, и намного лучше говорить об этом, чем хранить молчание.

— Это означает, что мы были спасены, — сказала она. — Я не солгала тебе, Дэвид. Ты полагаешь... мы отключились и оставались без сознания очень долгое время. А они... ну, посадили нас на самолет, чтобы быстрее доставить нас в больницу. Но самолет сбился со своего курса и попал в аварию...

— Где, Джоан? На дальнем севере? Это должно было бы означать, что пилот исчез и бросил нас здесь, на этом выступе скалы, замерзать до смерти. Я задумался об этом на какой-то короткий момент. Но это уже совсем невероятно. Конечно, ты должна понимать...

— Но почему это так безумно? Он мог уйти, чтобы позвать на помощь...

— В этой замороженной пустыне? Как ты думаешь, какие у него шансы? И где самолет?

— Может, он упал недалеко отсюда. А мы вместе боролись, втроем, пока мы снова не потеряли сознание. Я имею в виду, мы могли очнуться на короткое время, и не сохранить воспоминаний о том, как мы, шатаясь, шли сквозь снег. Почему такого не могло быть? Если мы были в полубреду...

— Я скажу тебе почему, — сказал Дорман. — Ты упускаешь из виду кое-что крайне важное, практически исключающее такую возможность. Ты говоришь, что мы потеряли сознание в заливе, были подняты на борт лодки без нашего ведома, спаслись после крушения самолета в полусознательном состоянии и снова отключились после долгих блужданий по снегу. Если бы это случилось, шансы на то, что мы оба снова пришли в сознание почти в одно и то же время — около тысячи к одному.

— Есть кое-что еще, — сказал он, увидев, что она качает головой, упорно отрицая, как будто отказываясь поверить, что шансы могут быть так высоки. — Я плыл к тебе и как раз добрался до тебя, когда свет закружился над нами. На самом деле я не потерял сознание. Случилось что-то, не похожее на потерю сознания. Я никогда не испытывал ничего подобного...

Он остановился, сжав ее плечо.

— Все вокруг меня, казалось, меняется — море и земля, пляж и джунгли. Это длилось и длилось. Сотни различных пейзажей вспыхивали передо мной и очень быстро исчезали. У меня возникло ощущение, что все произошло в считанные минуты.

Ее быстрый вдох сказал ему все, что он хотел знать. Он умолк на несколько секунд, а потом спросил:

— Ты испытала что-то подобное?

— Да, но... это могло быть...

— Я знаю, что это могло быть. Но я вполне уверен, что не могло. Когда ты испытываешь потрясение и начинаешь воображать какие-то вещи, ничто не кажется

таким реальным. Но то, что я пытаюсь тебе объяснить, никак не связано с ощущением реальности. Как мы могли испытывать одно и тоже и очнуться в одно и тоже время — если невозможное спасение на море и авария самолета, по-твоему, могли произойти на самом деле? Шансы против этого возрастут на десять миллиардов к одному.

Прошло так много времени, прежде чем Джоан снова заговорила, что Дорман почти поверил: ему удалось убедить ее, что ничего не получится, если цепляться за представления, не способные принести уверенность — даже если они окажутся правдивыми.

Холод был их злейшим врагом. Так как они были полураздеты, то трудно представить, сколько они смогут продержаться на морозе, даже если встанут и начнут энергично двигаться. Но, по крайней мере, им было чем заняться; Дорман выжидал только потому, что чувствовал: Джоан должна успокоиться и принять неизбежное. Было то, что необходимо сказать; если кто-то из них начнет странную борьбу за то, чтобы остаться в живых, питая ложные надежды, обманывая себя — тогда они столкнутся с большими трудностями.

Вещи, которые следовало сказать, факты, которые следовало принять... и вдруг Джоан сделала еще одну попытку объяснить произошедшее, теперь четко осознавая, что первая попытка потерпела неудачу, когда она столкнулась с неумолимой логикой Дормана.

— Дэвид, те горы льда должны тянуться на мили, — сказала Джоан. — Они по форме не похожи на горы. Они больше похожи на то, как полагается выглядеть леднику — вертикальный пласт льда, очень толстый, несколько миль в длину. Некоторые из них именно такие. Ледники в Швейцарии сегодня выглядят немного иначе, но...

— Это ледник, — прервал ее Дорман. — Не может быть никаких сомнений. Размер, форма, толщина не имеют большого значения. Некоторые из них выглядят почти так же, как огромные, покрытые снегом горы. Другие намного тоньше, похожие на панели из стекла, наползающие на равнину, которая покрыта, как эта, снегом и льдом, посреди которых кое-где выступают голые камни.

— Те ледники в Альпах в среднем около четверти мили в толщину и шесть или семь миль в длину. Но есть один большой в Антарктике, называется Бирдмора, в две сотни миль длиной. Есть еще несколько маленьких в Норвегии, но ледник Тистиг огромен. Фактически...

Он посмотрел ей в глаза — и умолк.

— Я все это знаю, Дэвид, — сказала Джоан. — Я думала, что та стеклянная панель средней толщины — если ты так хочешь ее называть — больше похожа на ледник, чем на гору. Если ты хочешь, чтобы я сказала иначе: «абсолютно уверена»... Хорошо. Ты, кажется, действительно решил опровергать все мои слова.

В ее глазах на мгновение вспыхнул гнев. Но вдруг вспышка угасла, и руки Джоан сомкнулись вокруг плеч Дормана.

— Мне очень жаль, дорогой. Я не могла выбрать худшее время для того, чтобы вспылить. Но я изо всех сил стараюсь думать о чем-то, что поможет объяснить, как мы здесь оказались — как мы могли попасть туда, где мы есть. Теперь я понимаю, что мои рассуждения о спасении на море и авиакатастрофе довольно странные. Но это не так странно, как позволить себе поверить в сверхъестественное. Должно быть какое-то рациональное объяснение. — Она остановилась на минуту, а затем яростно продолжила. — Мы можем закончить тем, что поверим в волшебные ковры и потеряем всякую спо-

способность рассуждать. Но я бы не хотела, чтобы это произошло.

— Этому должно быть решительное объяснение, — сказал Дорман, кивнув. — Но чтобы найти его, мы должны начать с исключения всего, что не имеет смысла. Мы уже добились хорошего результата. Мы сузили список. Теперь, я думаю, мы на правильном пути, и ты достигла цели так же быстро, как я — может, немного раньше меня.

— И все-таки что ты имеешь в виду, Дэвид?

— Ты временами проявляешь удивительную сообразительность. Тебя осенило внезапно. Я смог увидеть это в твоих глазах еще до того, как мы начали говорить о ледниках. Вот почему я болтал чепуху, чтобы разобраться... ну, вывести тебя. Всегда можно добиться хорошего результата, когда двое умных и наблюдательных людей приходят к одному и тому же выводу.

— Я ценю этот комплимент. Но разве это не хвастовство?

— К черту ложную скромность, Джоан. Сейчас не время для этого. У нас у обоих хорошие мозги — и ты сама знаешь это.

— И к какому именно выводу пришел мой хороший мозг?

— К тому, который мне сложнее всего принять. Был своего рода невозможный для понимания временной сдвиг, и мы теперь находимся не в Мексике двадцатого века. Мы перенеслись обратно в эпоху оледенения. Трудно определить, в какое именно время. Ледниковых периодов было больше одного, и последний мог быть менее суровым, чем некоторые другие.

Теперь он смотрел мимо нее, его глаза расширились в изумлении. Холщовая сумка, которую Джоан взяла на пляж, лежала совсем рядом с ее рукой. Она выглядела сухой, как и одежда девушки.

— Ты никогда не расстанешься с этой сумкой! — сказал Дорман. — Ты осознаешь, какое значение этот факт может приобрести в сложной последовательности событий, которую ты всерьез выстроила? Спасение на море, полет на самолёте и авария, огромное количество людей беспокоились о тебе, двигая тебя, перенося тебя из одного места в другое. Этот мешок вырвали бы из твоих пальцев еще до взлета самолета, если не раньше. Ты не смогла бы прибыть сюда, все еще сжимая его.

Джоан снова начала дрожать.

— Дэвид, я ужасно замерзла — и напугана, — прошептала она, сжимая крепче его руку; ее пальцы впились в его кожу. — Если бы наша одежда промокла, мы бы уже замерзли. Мы должны быть благодарны за это, я думаю. Но больше нам не за что благодарить.

Вдруг она начала подниматься на ноги, с явным намерением заставить его встать вместе с ней и ощутить ледяные потоки воздуха, несшиеся прямо на них через замёрзшую пустыню.

В лодке она отчаянно пыталась заставить его сесть, а теперь она делала ровно противоположное, и это немного его разозлило; в холодном потоке воздуха не было ничего такого, что оправдывало бы мужчину, который пытался укрыться от ветра. Конечно, это не трусость. Огромная глыба прямо перед ними могла обеспечить защиту, пусть и незначительную, от пронизывающего ветра. Если бы он был один, все могло сложиться совершенно иначе — и, конечно, сложилось бы. Он остался бы на равнине среди снега и льда, потому что он был человеком, наделенным чрезмерным безрассудством и глупостью.

Но было, безусловно, разумнее остаться в убежище из валунов, пока они не смогут решить, что им делать и как спастись от холода — и от смерти.

Дорман крепко сжал запястье Джоан и заставил ее снова сесть.

— Подожди, — сказал он. — Мы обязаны немного подумать о нашей самой серьезной проблеме. Не знаю, что с теплой одеждой, но, может, здесь есть что-то, чем нам удастся ее заменить. Без спичек нам никак не развести огонь.

Взгляд, который он устремил на Джоан, казалось, напугал ее своей суровостью, потому что девушка немного отодвинулась от Дэвида. Несмотря на то, что Дорман очень сильно старался скрыть от нее свои подозрения относительно мрачных перспектив, которые их ожидают, он не мог предельной серьезностью улучшить ситуацию — ситуацию, которая через час—другой, в крайнем случае, может утратить для них значение.

Пытаясь успокоить ее, он постоянно прилагал усилия, чтобы преодолеть нерешительность; теперь Дорман поднес к глазам бинокль, который, в отличие от сумки, мог лишь утонуть вместе с ним: настолько крепко держался на поясе водонепроницаемый корпус. Дорман ничего не почувствовал, когда очнулся в море, стараясь удержаться на воде — крепление оказалось надежным и не разболталось.

Он был очень легкий, каким и полагается мощному биноклю, а также компактным — просто прекрасный оптический прибор. Но когда Дэвид смотрел на равнину, то не чувствовал восторга, который он всегда испытывал от точности и безупречной работы прибора. Его беспокоили только далёкие склоны, казавшиеся такими же близкими, как ровные пространства снега и льда, окружавшие валун.

Долгое время Дэвид смотрел молча; он видел только плоские поверхности поднимающихся и опускающихся склонов, ни один из них не был достаточно высоким, чтобы нарушить однообразие равнины; Дорман мог ох-

ватить взглядом огромные расстояния — три или четыре мили пространства открывались ему при малейшем повороте бинокля.

Затем он резко опустил прибор, повернулся и коснулся плеча Джоан.

— Там человек в толстых мехах, пересекает равнину в четверти мили от нас, — сказал он.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Дэвид, пожалуйста... не пытайся обмануть меня, только для того, чтобы я почувствовала себя лучше. Нам никогда не могло так повезти.

— Там один человек, — сказал Дорман. — Повезло ли нам — я не знаю. Мы не знаем. Мы не знаем, кто он и как он отнесется к нам.

— Как он выглядит?

— Большой, крепкого телосложения, примерно моего возраста. В нем нет ничего необычного — кроме того, что я не могу разглядеть черты его лица.

— Тогда откуда ты знаешь, что он примерно твоего возраста?

Это был глупый вопрос, банальный, неважный, и Дорман знал: только напряжение, в котором она находилась, заставило ее заговорить об этом.

— Просто у меня сложилось такое впечатление, — сказал он. — На самом деле для этого нет оснований. Молодой или старый, он может быть недружелюбным...опасным. Он может...

Дорман резко остановился и посмотрел на нее со странным выражением в глазах.

— Без меховой одежды мы замерзнем до смерти через два или три часа, — сказал он. — Этот человек носит меховую одежду и это должно означать, что он знает, где мы можем взять еще меха. Но если он враждебен и откажется помочь нам... — Дорман заколебался, надеясь, что может не продолжать.

— Я знаю, что тебе придется сделать, — сказала Джоан, избавляя его от этой необходимости. — Либо его жизнь, либо наши...

— Только если он откажется нам помогать, — сказал Дорман. — Если мне придется убить его, чтобы выжить, я сделаю это. По крайней мере, попытаюсь. Он может убить меня. Ты понимаешь? То, что я говорю, шокирует тебя?

— Должно быть, — сказала Джоан, — если бы тебе пришлось принимать такое решение в другое время, в другом месте. Но не здесь, Дэвид, не в этой ужасной пустоши, о которой мы ничего не знаем. Мы не знаем, каким диким, первобытным, жестоким он может быть. Хорошо — если он, в самом деле, не нападет на тебя, я полагаю, он не имеет права отказать нам в помощи, независимо от того, какой он бесчувственный. Но если он окажется опасным и тебе придется... Теперь это меня не шокирует, Дэвид.

— Если это заставит тебя чувствовать лучше... — сказал Дорман. — Может быть, мне удастся убедить его помочь нам, если я одержу победу в поединке...

Джоан покачала головой.

— Этого не будет, Дэвид. Либо его жизнь, либо наши — если он откажется сказать нам, где мы можем добыть себе теплую одежду. Не спрашивай меня, откуда я знаю. Мы оба знаем это, иначе мы не говорили бы так.

Дорман больше ничего не сказал. Было достаточно правды в ее словах — и он осознал, что не стоит сбрасывать со счетов ее мнение и пытаться спорить с ее интуицией.

Он поцеловал ее, прежде чем спустился с уступа, снова крепко обнял на мгновение, поцеловал ее волосы, губы и глаза.

— Я только что выиграла поединок битву с собой, Дэвид, — сказала она. — Я прошу тебя просто остаться

здесь и позволить мужчине идти своей дорогой. Я бы лучше замерзла до смерти с тобой, чем осталась бы одна. Тогда я подумала, насколько лучше бы было, если бы ни один из нас не умер...

— Я бы не стал тебя слушать, — сказал он.

— Я тоже это знала, конечно. И это помогло мне примериться с моим разумом.

— Я вернусь, — сказал Дорман. — Не выходи из-за валуна. Я не хочу, чтобы он тебя видел.

— Хорошо, дорогой. Но будь осторожен...

Дорману потребовалось всего мгновение, чтобы перебраться от уступа к валуну, обойти его и выйти на замерзшую равнину. Как только Дэвид оказался в нескольких футах от валуна, он наклонился и поднял один из многочисленных больших и круглых камней, лежавших у основания огромной глыбы.

Глава 5

Когда Дорман двинулся по ледяной равнине, он мог рассчитывать только на силу своих рук и на тяжелый камень, если ему придется сражаться; легко было рассуждать о том, что все легенды на его стороне.

Все героические мифы, все рассказы о подвигах с незапамятных времен воздавали должное мужчинам, которые храбро сражаются за свою жизнь, вооруженные только грубым оружием или вообще без оружия. Вовсе обязательно быть великаном-убийцей, чтобы противостоять Голиафу, как противостоял прославленный тезка Дэвида Дормана. Одно уже то, что Дэвид даже не носил пращи и ничего не знал об особенностях своего противника — каким бы бесконечно хитрым и безжалостным тот ни оказался — уже давало ему право думать, что стал славным продолжателем древней традиции.

Но он не испытал никакого удовлетворения от этой мысли, вовсе никакого. Как он мог быть уверен, что человек, которого ему, вероятно, удастся одолеть в рукопашном бою — если случится чудо — не носит при себе оружие. Вполне возможно, что это не сильный и смелый мужчина, а какой-то бедный, перепуганный нищий, лишенный каких-либо примечательных качеств, в том числе и добрых чувств, отличающих истинных самаритян. Означает ли это, что неведомый человек заслужил, чтобы на него напали и убили?

Отказать в помощи напуганным чужакам, даже зная, что незнакомцы могут умереть — это, безусловно, не слишком хорошо. Но это, в самом деле, не преступление; вряд ли следовало за такое карать смертью.

Дорману потребовалось приложить усилие воли, чтобы выбросить подобные мысли из головы. Ему было необходимо напомнить себе, что он будет бороться за не-

что большее, чем его собственное выживание; он будет отстаивать жизнь Джоан, так же, как свою, а на другой чаше весов будет жизнь неизвестного человека, который, если он окажется презренным и жестоким, просто лишится права на жизнь.

Это, конечно, выходило за рамки спора. И иногда о таких вещах совсем не обязательно думать — просто нужно действовать. Необходимо забыть, что у тебя есть совесть, чтобы избежать губительных колебаний.

У человека есть врожденный инстинкт самосохранения, как сказала Джоан. И это, вероятно, так и будет продолжаться, пока звезды не упадут с неба.

Он прошел треть пути по направлению к движущейся фигуре и остановился на мгновение, чтобы еще раз поднести бинокль к глазам и посмотреть вдаль. Человек, казалось, приближался очень медленно. Он пробирался через то, что казалось необычайно массивным сугробом, и останавливался время от времени, чтобы наклониться и очистить пространство перед собой широкими взмахами рук.

Дорман не мог точно определить, в каком направлении он двигался, потому что один раз человек вернулся и пошел снова под углом к прежнему пути, который он, казалось, избрал минутой раньше.

Рядом с ним виднелось несколько неровностей ландшафта, которые могли обеспечить убежище, в том числе три огромных, покрытых снегом валуна и то, что представлялось длинным каменным строением с неровными, словно обломанными краями. Его вершина выступала над поверхностью льда, как колючки гигантского дикобраза, позолоченные солнцем, и в основании сооружения, которое не полностью скрывал лед, виднелись глубокие щели, из которых исходило тусклое мерцание. Казалось, солнечный свет разбился на ряд крошечных

огоньков, танцующих в глубинах расщелин, в которых в противном случае царила бы непроглядная тьма.

Было что-то странное и мрачно угрожающее в строении, которое при обычных обстоятельствах вызвало бы у Дормана любопытство и заставило бы исследовать объект с близкого расстояния. Но сейчас все внимание Дэвида было приковано к закутанному в мех человеку.

Дорман был совершенно уверен, что человек двигался к какой-то цели, которая была крайне важна для него, цели, которая была, очевидно, скрыта от глаз резким подъемом равнины в ста футах или около того от места, где мужчина упорно работал.

Он как будто призадумался на мгновение, решая, как лучше продолжить работу; возможно, все дело в том, что его продвижение затрудняли каменное строение и массивные сугробы. Но сейчас мужчина двигался мимо постройки неуклонно, не просто направляясь к высокому склону, а продвигаясь прямо к некой точке на возвышенности с непреклонной решимостью. Именно такую решимость, сказал себе Дорман, следует проявить и ему — как можно скорее.

Он опустил бинокль и снова начал приближаться к мужчине, крепко сжимая камень. По крайней мере, это было оружие, но он не заблуждался: оно не будет иметь никакого значения в том случае, если у одетого в мех человека есть ружье или пистолет.

Огнестрельное оружие? Возможно ли это, если Джоан права и они на самом деле вернулись в ледниковый период? Нет и еще раз нет — если она была права, конечно. Но как он может быть уверен в чем-либо, когда в один миг он бултыхался в заливе, а в следующий момент — или почти тотчас же — брел по ледяной равнине в своей пляжной куртке, которая осталась совершенно сухой?

Если они оказались далеко в прошлом, разве они могли так скоро натолкнуться на другого человека? Разве все антропологи не сходятся на том, что в далеком прошлом все население земли не превышало полумиллиона мужчин, женщин и детей? Сто тысяч – наиболее вероятная цифра. Наиболее вероятная.

Ему понравились эти слова, и он повторил их. Нигде нет безопасности, но если бесплодная пустыня, которая простиралась перед ним, была густо населена – где-то там, за холмом, к которому брел закутанный в меха мужчина — тогда коэффициент безопасности значительно снизится. Дэвид был в этом уверен, как не был уверен ни в чем другом.

С ростом человеческого населения возрастал и уровень насилия, и даже в доядерный век ему страшно было представить разрушения, которые могли вызвать огромные скопища дикарей ледникового периода, объединенных в племена, беспощадные в своей свирепости.

Они оказались бы в большей безопасности в мире, откуда полностью исчезли люди, если бы находились в полном одиночестве среди ужасного опустошения — последние мужчина и женщина на Земле. Безусловно, лучше замерзнуть насмерть, чем умереть от каменного топора, брошенного врагом, или поджариться на медленном огне, чувствуя, как исчезает надежда на спасение.

Но сейчас было неподходящее время, чтобы занимать себя такими мыслями, и Дорман заставил себя думать только о том, как близко он сможет подобраться к оде-тому в мех мужчине, не привлекая к себе внимания. Ему следует вести себя как можно осторожнее, чтобы звук шагов не выдал его раньше времени. Но это не мешало путнику резко повернуться и долго смотреть на него пока он не окликнет его повышенным голосом в дружеском приветствии.

Все зависело от этого — от его способности убедить одетого в мех мужчину в своей дружелюбии, преодолеть его возможную враждебность, прежде чем страх и подозрение заставят незнакомца броситься вперед и сразиться на равнине с появившимся из ниоткуда врагом, возможно, размахивая грубо сделанным топориком из камня, или ужасающей булавой или каким-то другим первобытным оружием, остро наточенным и способным убить.

Если одетый в меха мужчина повернется и преждевременно заметит его, велика вероятность, что произойдет нечто подобное. Если, конечно, мужчина не жалкий трус, и он не убежит в диком ужасе, исчезнув за склоном холма, скрывшись от преследования и не дав ненавистному незнакомцу возможности спастись от холода.

Но мужчина не повернулся, а Дорман теперь подошел на такое близкое расстояние к нему, что начал думать, будто его страх был безосновательным.

Это была вполне естественная ошибка, за которую его вряд ли следовало винить. Есть случаи, которые можно предвидеть. Но есть и другие, настолько маловероятные, что о них и не задумываешься, пока они не произойдут.

Одетый в мех мужчина, видимо, столкнулся с некоторым препятствием под ногами во время своего медленного продвижения по снегу и льду — возможно, острый камень врезался ему в пятку или глубоко вонзился в стопу — и развернулся, приподняв правую ногу.

На мгновение он замер с опущенной головой, разглядывая свои ноги. Но теперь он поднял взгляд и посмотрел на равнину. Дорман почувствовал, как во всех его мышцах усиливается напряжение; он готовился к столкновению, которого не надеялся избежать, если его голос прозвучит не так громко, как следовало бы. А он

все еще не подошел достаточно близко. По крайней мере, он мог попытаться. Возможно, если он закричит во всю силу своих легких...

Но закричал одетый в мех мужчина, прежде чем Дорман успел приложить ладони ко рту и набрать в легкие побольше воздуха. Он проковылял вперед несколько футов и взмахнул руками, а его голос так вибрировал, так насыщен эмоциями, что Дорман был уверен: он услышит каждое слово, даже если оно прозвучит с большого расстояния.

— Я к вам подойду. Стойте, где стоите — или продолжайте идти. Но если пойдете, будьте осторожны. Земля здесь ненадежна.

Он остановился на мгновение, а затем продолжил, повысив голос:

— Слава богу, мы не одни! Я не знаю, кто вы, но по виду вашей одежды могу догадаться.... Самое лучшее сейчас — выяснить, где мы находимся.

Это было невероятно, но благодаря внезапной вспышке интуиции, которая помогла преодолеть интеллектуальные препятствия, Дорман сразу понял, к чему ведет мужчина в меху. Просто две головы лучше одной. Он сказал «мы» — выходит, у него тоже есть спутник, а может, и несколько спутников — и все они могут объединить усилия и попытаться выяснить, что именно произошло.

У него не осталось никаких сомнений, что этот человек был американцем, потому что его юго-западный акцент казался очень заметным. И его слова вообще не имели ничего общего с речью варвара времен неолита, которая была бы совершенно непонятна человеку из двадцатого века. Конечно, так долго раздумывать об этом просто нелепо. Но его облегчение и благодарность были столь велики, что Дэвиду захотелось рассмеяться.

На мгновение его на самом деле охватила радость — дикая, но снимающая напряжение. Затем он, не обращая внимания на предупреждение своего нового друга о «ненадежности» земли подо льдом, двинулся вперед, чтобы присоединиться к мужчине. Дэвид шел настолько неосторожно, что дважды едва не споткнулся. Он почувствовал, что их дружба уже скрепилась, она уже тверда и непоколебима. Иногда такое может произойти быстро, когда вселенная содрогнется и все знакомые ориентиры исчезнут, а голос, твердый и взволнованный, обратится к тебе с какого-то еще сохранившегося маленького острова, где царит здравый смысл.

Пока Дэвид не оказался в нескольких футах от своего нового друга, он не мог понять, насколько велик был мужчина. Дорман всегда отличался крепким сложением, но с детства больше интересовался научными занятиями, чем спортивными, одетый в меха мужчина был выше его, по крайней мере, на пять дюймов, и, по крайней мере, на четверть шире в плечах.

Его рука мгновенно взметнулась; мужчина крепко схватил Дормана за руку и пожал — сильно, но не чрезмерно, что только усилило уважение Дормана. Рукопожатия, от которых трещат кости, всегда его возмущали; он никогда не мог понять, почему эти чрезмерные жесты иногда считаются признаками искренней дружбы.

— Я Харви Эймс — из Аризоны, — сказал великан. — Случилось что-то очень страшное. Я не думаю, что сейчас подходящее время, чтобы говорить об этом. Вы выглядите полузамершим и, похоже, очень устали. Я бы выглядел и чувствовал себя так же — если бы был одет в пляжную куртку и сандалии. Мы должны раздобыть вам какую-нибудь теплую одежду, и поскорее.

— Со мной есть еще кое-кто — в такой легкой одежде, — Дорман услышал свой голос прежде, чем его новый друг обратил внимание на состояние, которому по-

завидовал бы только совершенно голый человек, и то вряд ли. Сейчас началось онемение больших пальцев ног, но мучительная боль все еще ползла вверх по обеим ногам и до самых плеч. Его легкие тоже сжимал холод, и боль колола в груди всякий раз, когда он делал глубокий вдох и задерживал его на мгновение.

— Я ношу еще одну шкуру под этой, такую же тяжелую, — быстро сказал Эймс, не отрывая глаз от пляжной куртки Дормана, от того места, где она была туго подпоясана и могла скрывать небольшое оружие. — Если на вас есть нож, мы могли бы разделить эти меха и сделать три одеяния.

Дорман покачал головой.

— Я мог бы воспользоваться ножом, если бы вы оказались тем, за кого я вас принял — носящим мех варваром. У меня есть только этот камень, да и он не был бы особо хорошим оружием. У меня нет навыков метателя камней.

Он показал своему новому другу камень, а затем бросил его на землю; камень заскользил по льду, пока не скрылся в сугробе.

— Со мной женщина, — продолжал он, поворачиваясь и показывая в направлении, откуда пришел. — У нее есть защита от ветра, потому что она сидит на корточках позади того большого валуна, который тяжело заметить отсюда. Но я полагаю, вы сможете это сделать. Она ждет меня, чтобы...

— Вы не должны мне ничего говорить, я могу догадаться, — сказал Эймс, прервав его. — Она ждет, когда вы вернетесь с дорогой меховой шубой. Не существует более верного способа понравиться женщине. Я всегда это знал, конечно. Но я в этом убедился окончательно в течение последних двух недель. Со мной тоже есть женщина.

На мгновение его глаза весело прищурились. Затем мужчина снова стал серьезным.

— Вас бы оправдали за мое убийство, — сказал он, — если бы я не оказался менее цивилизованным глупцом из Аризоны. Не один варвар эпохи неолита не расстался бы со своими мехами без борьбы.

— Я не собирался бороться с ним, а попытался бы содрать мех у него со спины, — сказал Дорман. — Но я полагал, что смог бы уговорить его отвести нас в заваленную мехами хижину, где мы могли бы помочь себе сами. Если бы он отказался и проявил недружелюбие, то возникла бы ужаснейшая проблема...

— Конечно, я знаю, — сказал Эймс. — Я бы тоже очень не хотел ничего подобного делать. Но иногда у тебя просто нет выбора.

— Я совершенно уверен, что в конечном итоге я бы умер. Поэтому я очень рад, что все сложилось иначе.

На мгновение Эймс застыл, пристально разглядывая Дормана.

— Ясновидение всегда путает меня, всякий раз, когда я сталкиваюсь с ним — потому что я совсем не обладаю этим даром и не уверен, что признаю его. Но эта заваленная мехами хижина... Ну, это не так далеко от истины; когда ты убиваешь животных ради еды, остается довольно много шкур. Мы занимаемся этим уже в течение двух недель и бросаем шкуры в глубокую яму, которую выкопали прямо снаружи нашего... я полагаю, вы можете называть его иглу. Мы построили дом сами, из кусков льда.

Небольшая радостная улыбка снова искривила губы Эймса.

— Не очень хорошая идея держать шкурки внутри, когда они не обработаны подобающим образом, и две шкуры, которые я ношу, воняют, с этим я ничего поделать не сумел. Но они согревают меня и согревают Тлану

и это главное. Те, которые мы прикопали, должны и вас согреть, а их извлечение не займет много времени. Свежий лед сковывает все, что мы закапываем, за полдня, но мы вырыли эту яму, чтобы не задумываться о подобных вещах. Мы просто хотели верить, что теплая одежда у нас всегда будет.

В его глазах сверкнули мрачные искорки.

— Я не так хорошо управляюсь с луком и стрелами. Лук, который я сделал, довольно груб, а животных не слишком много. Если у нас закончится пища, то от тепла нам будет немного пользы.

Затем Эймс сделал поразительную вещь. Он сунул руку под наружную шкуру и вытащил пистолет. Это был длинноствольный «сорок пятый»; мужчина потряс им, держа указательный палец на спусковом крючке.

— Он висел у меня на бедре, когда... это случилось, — сказал Эймс. — Я горный инженер и ходил с оружием, потому что... ну, никогда не знаешь, что может случиться. Несколько мерзавцев есть в каждой команде из пятидесяти человек. У меня осталось только три пули. Я использовал остальные, прежде чем сделал лук.

Он вернул пистолет, судя по всему, в кобуру, привязанную к плечу или бедру и полностью скрытую под мехами.

— Я подстрелил зверя, который выглядел как огромный муравьед с белоснежной шерстью, — сказал он. — Конечно, этого не могло быть, потому что здесь нет насекомых. А еще медведя — небольшого, черного с белыми полосами на спине. Я поначалу решил, что это очень большой прямоходящий скунс. Я сделал лук, когда мне пришло в голову: только сумасшедший израсходует всю обойму.

— Теперь эти пули на вес самого лучшего золота, — добавил он с усмешкой.

Эймс выпрямился и снова окинул взглядом всю равнину.

— Твоя спутница молода, надо предположить — если только ты не был с незамужней тетушкой, когда небо обрушилось на вас, как это случилось с нами.

— Она моложе меня, — сказал Дорман. — Мы оба археологи.

— Тебе лучше пойти ее забрать, — сказал Эймс. — Нам не далеко идти. Иглу как раз за этим почти вертикальным склоном, прямо впереди. Но склон не так крут, как кажется с виду.

Он остановился на мгновение, а затем сказал:

— Археологи, да? В доколумбовом месторождении? По-вашему, это была Мексика, прежде чем... — Он прервал себя. — Мы поговорим об этом позже. Мы могли бы сэкономить минуту или две, я думаю. Но я не хочу, чтобы в моей голове начали взрываться молнии. Не сейчас. Вы можете знать что-то, чего я не знаю, но это подождет, пока мы не успокоимся немного. Мы должны отогреться и в первую очередь развести огонь. Ваш здравый рассудок может немного пострадать, а может пострадать и серьезно — если вам придется смотреть только на снега и льды.

Он начал снимать с себя меха.

— Вы можете оставаться на холоде в чем мать родила в течение примерно тридцати минут, не рискуя жизнью, если вы не перестанете двигаться, как бы низко не опустилась температура. Я имею в виду, «низко» в пределах разумного — не в Сибири, наверное. Но я думаю, у нас здесь потеплее. Я под защитой, а вы нет. Вы возьмете обе эти шкуры — одну для себя и другую для... Вы не называли мне ее имя.

— Джоан Рейнс, — сказал Дорман. — Я также не называл своего. Дэвид Дорман.

— А вы родом из...

— Тоже с запада, — сказал Дорман. — Северная Дакота. Когда я был ребенком, то купался нагишом в холодных горных потоках. Так что я просто собирался сказать вам, что возьму одну шкуру для Джоан.

— Не дури, — сказал Эймс. — Твоя кожа синеет.

Он приспустил свою верхнюю меховую одежду ниже колен и снял ее. Затем Эймс наклонился, поднял мех и бросил Дорману, который поймал шкуру на лету. Она была еще тяжелее, чем он поначалу думал.

Глава 6

Нижнее одеяние Эймса было такого же цвета, как и то, которое он снял — коричневая шкура с проседью; но с виду она казалась немного более гладкой, как будто животное, с которого сняли мех, принадлежало к семейству бобровых или каких-то других земноводных грызунов, которые стали гладкими от постоянного пребывания в воде.

Кобура для пистолета, сделанная из черной кожи, свободно болталась на бедре, но ремешок, к которому она была прикреплена, был затянут достаточно туго и немного сужал одежду на талии; костюм из-за этого слегка напоминал тунику.

Эймс быстро отстегнул кобуру и бросил ее на землю, по-видимому, не задумываясь о том, что удар может привести к выстрелу и три «золотых» пули, которые все еще оставались в пистолете, могут пропасть впустую. Дорман был совершенно уверен, что от удара большой пистолет не мог разрядиться или взорваться. Но он слегка вздрогнул, когда кобура скользнула по ледяной поверхности точно так же, как недавно выброшенный камень, и остановилась рядом с тем местом, где он стоял.

Это был знак доверия Эймса, подумал Дэвид; ведь человек настолько торопился снять с себя верхнюю одежду и даже не остановился, чтобы шагнуть вперед и подобрать оружие. Это могло означать только одно: Эймс был человеком сострадательным, способным представить, что Джоан ждет за валуном и что тепло ей необходимо даже больше, чем мужчине, который хотя и был легко одет, но много двигался.

Дорман считал свои потребности менее важными и поэтому хотел уже настоять на том, чтобы Эймс оставил

себе нижнее одеяние вопреки уже высказанным разумным соображениям. Но прежде чем Дэвид успел возразить, вторая шкура уже лежала у ног Эймса, а он стоял совершенно голый на ледяной равнине.

Дорман уставился на него, шокированный, недоумевающий. На груди и плечах Эймса были огромные, воспаленные волдыри и ссадины, которые начали заживать, но все еще имели уродливый вид.

— Меня сильно потрепало и побило, когда рухнула десятитонная землеройная машина, не на меня, конечно, но достаточно близко, чтобы отшвырнуть меня на большое расстояние, — сказал Эймс, как будто чувствуя, что должен извиниться перед Дорманом за такое неожиданное потрясение. — Вдобавок я получил несколько ожогов. Пламя...

Он резко остановился, его взгляд переходил от шкуры, которую он только что снял, к чему-то, находившемуся довольно далеко, в стороне от того места, где стоял Дорман. Плечи Эймса напряглись; казалось, мышцы почти начали пульсировать; мужчина встревожился; Дорман, заметив его беспокойство, в тревоге обернулся и посмотрел в ту же сторону.

Длинное, вертикальное каменное строение больше не было неподвижным. Оно начало не только двигаться, но и изменять форму, чего неодушевленный предмет просто не имел права делать. Когда объект сгорбился и медленно поднялся, его зазубренная вершина перестала напоминать ряд игл дикобраза, выступающих из-под снега и льда. Верхушка распахнулась как веер, на ней выступили ребра и шипы, между которыми растягивались полупрозрачные полосы, которые светились на солнце морозным блеском.

Снег в основании каменного строения быстро двигался, кружился и поднимался в порывах ветра, обна-

жая залитые светом щели, придававшие объекту странный вид, отмеченный Дорманом с первого взгляда.

Что-то темное и уродливое поднималось теперь из окружающей белизны, как будто оголенная каменная плита отталкивала снег в сторону, подбрасывая его высоко в воздух. Подъем был таким быстрым, что предмет в два раза увеличился в размере, прежде чем Дорман угадал, что это такое. Его сердце замерло.

Длинноголовый, качающийся зверь, который двигался по замерзшей равнине, казалось, перенес его назад во времени, назад в момент кошмарной нереальности, когда именно этот монстр заставил его почувствовать, что только видения безумцев реальны, заставил его поверить, что существо пытается избавиться от дикой ярости, пожрав всю Вселенную, уничтожив все звезды одну за другой.

Огромный зверь, казалось, не подозревал, что он не одинок на равнине. Он продолжал раскачиваться из стороны в сторону, его голова была опущена, как будто он только что пробудился от спячки и искал, чем удовлетворить свой голод среди снега и льда — укрытия маленьких животных, возможно, с их пушистыми обитателями, лежащими возле входа, или какие-нибудь быстроногие ящерицы, защищённые от холода.

Монстр двигался, изгибаясь всем телом, его передние конечности почти касались снега. Но даже в таком положении он возвышался над равниной; вдруг он вытянулся в полный рост и медленно повернулся.

Дорман знал, когда чудовище увидело его, он угадал тот момент, когда существо впервые заподозрило, что два маленьких человечка глядят на него, слишком ничтожные, чтобы представлять физическую угрозу и все же отчего-то опасные. Дорман мог сказать, что знал — хотя он не смог бы объяснить, как именно узнал это.

Теперь огромный зверь вышел из оцепенения – он приближался прямо к ним прыжками, словно кенгуру. Он продвигался так быстро, что на мгновение показался искаженным изображением в зеркале, его короткие передние конечности выглядели еще короче, чем на самом деле, а задние удлинялись, расстилались, растекались, а затем снова обретали форму. Солнечный свет блестел на его рыжей, покрытой мехом голове и ниспадал на веерообразную поросль на спине, а длинный, конический хвост был окутан светящимся текучим ореолом. Монстр был бы точной копией чудовища в заливе – вот только он оказался гораздо крупнее.

Дорман услышал, как Эймс неистово выкрикивает предупреждение, и быстро отпрыгнул в сторону. Пистолет лежал почти у самых его ног, и он наклонился и схватил его, вытащив из кобуры одним рывком, опасаясь, что Эймс не сможет добраться до оружия вовремя.

Дэвид застыл неподвижно, сняв пистолет с предохранителя и положив палец на спусковой курок, наблюдая, как чудовищная тень вытягивается на замершей земле прямо перед ним.

Неужели он начал поднимать пистолет слишком поздно? Он на миг опустил взгляд, чувствуя, что если его вот-вот растопчут, то лучше этого не знать, а если он все еще может себя спасти, то сделает все возможное, сколько бы времени ему ни было отпущено.

Человек мог поднять пистолет, нацелиться и выстрелить так быстро. Если попытаться сделать это слишком быстро – значит, придется что-то пропустить, скорее всего — прицеливание.

Он был совершенно уверен, что прицелится хорошо, но тут увидел, что зверь все еще находился в сорока или пятидесяти футах от него, а его туловище представляло мишень в несколько квадратных ярдов.

Он медленно и осторожно прицелился и выстрелил.

Большой пистолет полыхнул огнем. Дэвид стрелял из оружия гораздо чаще, чем большинство ученых, но никогда не имел дела с пистолетами, которые давали такую отдачу или так жестоко рвали связки на руке.

Дормана едва не отбросило на землю и он, шатаясь, отступил назад, когда тонкая ленточка дыма закрутилась у его руки и рассеялась под внезапным порывом ветра, казалось, прорвавшегося из ниоткуда, чтобы опалить его холодом.

Огромный зверь не покачнулся и не упал. Но ничто не могло так быстро остановить его бег — разве только в воздухе не появился бы огромный ледяной экран.

Затем монстр медленно повернулся и пошел, погружаясь в снег, по замерзшей равнине, пока не скрылся за высоким холмом, тем самым, по склону которого тащился Эймс, когда Дорман впервые его увидел.

Когда Эймс заговорил, его полное спокойствие было таким же удивительным, как и внезапный, абсолютно неожиданный испуг зверя от одного выстрела, который вряд ли ударил в жизненно важное место на таком огромном, толстокожем и неуязвимом на вид теле.

— Похож на того, которого мы видели, только меньше, — сказал Эймс. — Но я говорил, что не собираюсь обсуждать это, пока мы не сможем более-менее строго контролировать свой разум. Возьми обе эти шкуры и одень — немедленно. Затем заberi... Джоан. Теперь нам нужно двигаться гораздо скорее.

Он протянул руку и взял пистолет из дрожащих пальцев Дормана.

— Ты хорошо поступил, мой друг, — сказал Эймс. — Ты спас свою жизнь — и мою. Я сомневаюсь, что смог бы действовать с подобным хладнокровием. Можешь считать это комплиментом, потому что я точно не тутодум, когда возникают ситуации, требующие немедленного решения.

— Теперь осталось только две золотые пули, — с сожалением добавил он. — Но я не жалею о потере этой.

Дорман уставился на него, его губы вытянулись в тонкую линию.

— Я хотел бы вернуть комплимент, если не возражаешь, — сказал он. — Никогда не думал, что кто-то может сохранять такое спокойствие в подобных обстоятельствах. Я чувствую, как будто макушку моего черепа снесло.

— Все судят о спокойствии мужчины по том, насколько он владеет своим голосом, — сказал Эймс, слегка вздрогнув, как будто что-то острое ударило его по больному месту, такому, как одна из ран на его груди. — Многие людей говорили обо мне такое. Но позволь мне кое-что тебе сказать. У меня нет никакого уважения к людям, неспособным испытывать сильные эмоции, даже когда им угрожает смертельная опасность. В моем случае, это просто обманчивая видимость.

— Он был похож на зверя, которого мы видели, — сказал Дорман. — Но мы не просто его видели. Он атаковал...

— Сделай одолжение, не сейчас, — сказал Эймс. — Я имел в виду именно то, что ты слышал. Говорить об этом сейчас будет ошибкой.

Два меховых одеяния лежали в четырех футах друг от друга на снегу, и Дорман взял то, которое Эймс ему бросил в первую очередь. Он уронил шкуру перед тем, как схватил пистолет, но теперь он снова взял одеяние в руку, прежде чем поднять другую шкуру. Он бросил легкую одежду на плечи, оставив ее болтаться словно плащ, и как раз поворачивался, когда Эймс сказал:

— Ты будешь чувствовать себя намного лучше, когда окажешься у теплого очага и познакомишься с Тланой. Она — полная противоположность спокойной женщины, но никто никогда не заставит ее признать это.

— Двум женщинам, у которых есть много общего, как правило, удастся сохранять спокойствие гораздо лучше, чем одной, — сказал Дорман. — Они получают поддержку друг от друга. В самом деле, в чрезвычайной ситуации женщины справляются лучше, чем мужчины. Вот почему они могут оставаться такими хладнокровными в военных госпиталях или в машинах скорой помощи, едущих между воронками от бомб.

Он похлопал по шкурам, лежавшим на его плечах.

— Ты получишь их обратно, прежде чем мы начнем этот подъем, неважно, как близко расположена ваша хижина из ледяных блоков. Но в одном ты прав. Мне они понадобятся минут на двадцать.

— Можешь быть чертовски уверен, что я прав, — сказал Эймс. — И я не приму их обратно, независимо от того, как часто ты купался в холодных горных ручьях, когда был ребенком. Когда мне исполнилось двенадцать, я часто уходил в море в январе, гораздо дальше к северу от Аризоны, я плавал в течение получаса и потом обсыхал на солнце, играя в баскетбол на пляже. А я не был особо крепким юношей. — Он кивнул. — Вот что я пытаюсь сказать — все дело в том, что говоришь себе. Ты говоришь себе, что не можешь замерзнуть — и не замерзаешь. Тело человека может выдержать куда более низкие температуры, чем думает большинство.

— Что ж...

— Я просто позанимаюсь физическими упражнениями, пока вы не вернетесь. Это не должно занять больше семи или восьми минут.

Дорман повернулся и зашагал в ту сторону, откуда пришел. Пять минут спустя он возвращался с Джоан по снегу.

Глава 7

Это была самая миниатюрная женщина, которую Дорману когда-либо приходилось видеть. Или так он думал в тот момент, стоя внутри ледяной хижины. Потом Дэвид вспомнил, что видел более десятка лилипутов в своей жизни; конечно, она не была такой же крошечной, как они.

Тем не менее она была ростом в четыре фута, и все что окружало ее, казалось хрупким и очень изящным — от изысканной формы ног, обутых в кожаные сандалии, до ее прекрасного, похожего на камею лица.

Она сидела в глубине хижины, которую он не мог назвать иглу — девушка ни в коей мере не походила на эскимоску, несмотря на теплый цвет ее загорелой кожи — и угасающие угольки костра, громоздившиеся в кругу маленьких камней, бросали мерцающие отблески на ее голые плечи и темные, распущенные волосы.

Дорман повернулся и уставился на Джоан, чтобы узнать, разделяет ли она его удивление. Он был почти уверен, что да, потому что Джоан молча смотрела и, казалось, почти не слушала, что говорил Эймс.

Эймс вошел последним и перегородил вход стоявшей рядом огромной рамой, как будто он знал: совершенно не нужно, чтобы солнечный свет струился в хижину и озарял крошечную голову девушки, подчеркивая ее красоту, которую свет от костра так очаровательно раскрывал.

— Мне снова приходится извиняться перед тобой за свое неловкое, резкое поведение, Тлана, — говорил Эймс. — Ты пережила столько потрясений за последние несколько дней, большей частью они были неприятными, поэтому я должен был подготовить тебя к этому —

кроме того, сегодняшнее потрясение может вызвать радость. *Мы больше не одни.*

Эймс прервался на мгновение, чтобы затоптать искры, которые надуло туда, где он стоял, легким ветерком с другой стороны; ветер проникал в помещение, хотя окон в хижине не имелось. Затем Эймс быстро продолжил:

— Это Джоан, а это Дэвид. Они пересекли границу совсем недавно, чуть позже меня, но не подрывали землю твоего отца. Все, что они подорвали, находилось в глубоких джунглях — хотя боюсь, что когда-то это тоже была собственность твоих предков. Они высадились с катера в нескольких милях к северу от твоей земли, провели какое-то время в джунглях, а затем снова вернулись на берег.

— Но зачем? — спросила крошечная женщина, быстро поднявшись на ноги и осмотрев сначала Дормана, а затем Джоан недоверчивым, настороженным взглядом.

— Они археологи доколумбовых месторождений, — сказал Эймс. — Я не уверен, что археологи тебе нравятся больше горных инженеров. Но если ты смогла побороть это довольно неразумное предубеждение в моем случае...

Он прервался во второй раз; глубокое убеждение отразилось в его глазах.

— Я уверен, тебе не трудно окажется думать о Дэвиде и Джоан как о друзьях, на которых мы можем положиться, друзьях, наделенных довольно необычной способностью сохранять твердость, когда все принципы мироздания постепенно исчезают. Я точно определяю таких надежных людей. Может потребоваться какое-то время на то, чтобы привыкнуть друг к другу, а может, единство будет достигнуто мгновенно. Со мной это случилось очень быстро. Это один из немногих талантов,

которыми меня наделила природа, чтобы возместить некоторые значительные недостатки.

Теперь Тлана стояла рядом с Эймсом; она преодолела расстояния от огня до дверного проема, сделав семь или восемь стремительных шагов. Почти все недоверие исчезло из ее глаз, но она не отводила взгляда от лица Дормана, стоя перед ним в свете костра.

— Где... как вы познакомились? — спросила она.

— Я увидел его издалека, — ответил Дорман, продолжая крепко сжимать руку Джоан; точно так же Эймс продолжал сжимать крошечную руку женщины, чувствуя: в этой встрече было что-то такое, что могло показаться противостоянием; но вскоре все сомнения разрешились.

Нет — он выбрал неудачное слово. Это больше напоминало диалог, единение взглядов, как только что сказал Эймс — только теперь четыре головы вместо трех стремились добиться полного доверия, преодолеть все преграды на пути к пониманию.

— Издалека? — спросила Тлана. — Харви тебя увидел? Если да — вы были в опасности. Мы живем в страхе — в таком сильном страхе, что любому, кто появится вдалеке, будет угрожать опасность. У Харви осталось три пули.

— Уже две, — сказал Эймс, крепче сжав ее руку.

— Две? Так ты пытался застрелить его! А если бы ты не промахнулся...

— Нет, Тлана, — сказал Эймс, качая головой. — Он увидел меня прежде, чем я его. Мне угрожала бы опасность, конечно, если бы он был вооружен. Он думал, что я дикарь из каменного века...

— Мы немедленно с эти разобрались, — быстро сказал Дорман. — Он продолжал говорить мне, как он рад видеть меня — такого же человека из мест, которые все еще можно было обнаружить на картах, прежде чем

карты стали бессмысленными и мы... — Он не знал, как продолжить. Потом он сказал: — Я обрадовался ему не меньше, чем он мне.

— Я убедил его ни о чем не беспокоиться, а только согреться, и добраться сюда как можно быстрее, — сказал Тлане Эймс. — Я хотел, чтобы он с тобой познакомился, и... ну, есть некоторые вещи, о которых не следовало бы говорить, когда нет тепла, нет безопасности, нет ничего, что может уберечь тебя от ощущения, будто ты стоишь на высоком обрыве, глядя вниз в абсолютную темноту. Или, возможно, на что-то похуже темноты — на зубастую голову, которая может рвать тебя на куски, утягивая на дно.

Затем впервые заговорила Джоан:

— Женщине тяжело так разделять свои мысли, — заметила она. — Если бы я упала прямо в бездну, то захотела бы поговорить о своих шансах на выживание в том случае, если я ударюсь обо что-то, способное смягчить падение. То есть если бы я была не одна, я имею в виду... если бы кто-то падал вместе со мной.

На мгновение она посмотрела прямо на Тлану.

— Я вполне уверена, что вы тоже так думаете. Не говорить об этом, не выставлять это напоказ, даже если нет тепла, нет безопасности, и ты можешь умереть, прежде чем сможешь разобраться во всем — это кажется мне глупым. Поэтому я рассказала ему больше, чем Дэвид, несмотря на то, что он не хотел меня слушать.

— Я не пытался вас остановить, — сказал Эймс. — Но думаю, что это было глупо в сложившихся обстоятельствах. Видите ли, когда происходит что-то невероятное, что заставляет вас думать, будто вы живете в другой Вселенной, отличной от той, которую вы принимали как само собой разумеющуюся, тогда вам нужно попытаться рассуждать обо всем разумно. А вы не можете этого сделать, если ваши эмоции ведут вас в слишком непред-

сказуемом направлении с самого начала. Вы не сможете вернуться к тому, с чего начали — к готовности поверить, что есть нормальное, здоровое, полностью обоснованное объяснение всему, и проблема только в том, чтобы найти его.

— Я говорила ему, — продолжила Джоан, как будто не слышала Эймса, — что на нас напало в заливе огромное морское животное. Мы были в маленькой рыбацкой лодке и пытались загарпунить чудовище. Но оно пришло в бешенство и опрокинуло лодку, а нас выбросило в море. Тогда мы...

Джоан резко прервалась и Дорман сразу понял, почему. В глазах Тланы сверкнул испуг, и она начала так сильно дрожать, что Эймс был вынужден прижать ее ближе к себе и положить руку ей на плечо, чтобы успокоить.

На мгновение он сердито посмотрел на Джоан, а затем, казалось, понял, что она говорила импульсивно и с неким основанием. А как могло быть иначе, спросил себя Дорман, если больше нет смысла оставлять переживания, которыми следовало бы в какой-то мере поделиться, непознанными и не обговоренными? Конечно, очень эмоциональные искажения, о которых предупреждал Эймс, скорее возросли бы, а не уменьшились, если и дальше игнорировать случившееся.

Эймс быстро дал понять, что у него нет никакого желания щадить крошечную женщину, тяжелое испытание, по его мнению, вероятно, она могла вынести, но испытание могло оказаться куда сильнее, чем он рассчитывал.

— Мы должны поговорить об этом сейчас, Тлана, — сказал он. — Мы должны рассказать им, что именно произошло с нами. У летчиков-испытателей есть хорошая фраза на такой случай, «сделать первый шаг». Стоит нам только сделать первый шаг, как все может стать

гораздо яснее. — Он указал в сторону огня. — Нам лучше сесть, прежде чем мы начнем. Я посмотрю, что можно сделать с огнем. Я сказал Дэвиду, что мы разожжём огонь, как только доберемся сюда, но вижу, в этом нет необходимости. Я просто подброшу еще несколько веточек, и у нас будет прекрасное, теплое пламя.

Он кивнул Дорману, его губы скривились в улыбке, которая казалась немного притворной.

— Вы даже не представляете, как тяжело собрать дрова, не слишком влажные, чтобы они не только тлели. Или большую кучу сырых веток. Большие бревна тоже не годятся — нет топора, которым их можно рубить.

— А что с вентиляцией? — Дорман услышал в своем голосе озабоченность, более заметную, чем ему хотелось бы. — Огонь внутри помещения постоянно горит — это, должно быть, очень опасно...

— Вот именно. Мы не даем ему долго гореть, — сказал Эймс. — Есть кое-какая вентиляция — восходящий поток, я полагаю, можно так его назвать — из щелей между блоками льда. Я построил иглу с этой мыслью в голове. И дверь, как вы заметили, не закрывается. Это просто отверстие во льду.

— Но как вам удалось построить иглу без инструментов для резки льда?

— У нас был большой каменный топор, — сказал Эймс. — Но мы его потеряли.

Он посмотрел на Тлану, как будто полагал, что разговор может снять напряжение, которое все еще заставляло ее дрожать.

— Скажи ему, что ты почувствовала, когда мы наткнулись на него, Тлана, — сказал он — Ты была напугана больше, чем сейчас, но тебе не понадобилось много времени, чтобы оправиться от шока. Ты знала, что это значит, и я тоже. Но мы договорились думать только о

том, как нам посчастливилось заполучить этот инструмент.

— Да, я знала, что это значит, — сказала Тлана, таким слабым и дрожащим голосом, что Дорману пришлось напрячься, чтобы разобрать слова. — Это значит, что мы здесь были не одни. Но это не так... — Она посмотрела прямо на Дормана. — Встретить кого-то, похожего на нас — кого-то, кого мы знаем и можем доверять. Только какой-нибудь человек из примитивного племени мог оставить такое оружие на снегу. Там были следы, ведущие от него, но это были не только следы человека. Следы напоминали следы великана, только больше — гораздо больше. Вовсе не человеческие...

Тлана начала дрожать еще сильнее, и Эймс крепче сжал ее плечо.

Он, казалось, сожалел о том, что попросил ее говорить, потому что в его глазах появилось нечто, похожее на тревогу. Но Тлана теперь не хотела молчать.

— Это было оружие, а не инструмент. Оно было таким тяжелым, что я даже не могла его поднять. И никакое лезвие из металла не могло быть острее.

— Оружие — или инструмент, — быстро сказал Эймс. — На самом деле нет никакой разницы, Тлана. У первобытных людей не было оружия, которое не использовалось бы в качестве инструментов. Или такого было очень мало.

— Только Харви смог поднять его, — продолжила Тлана, как будто не слышала. — У него сила великана, но он никогда раньше не использовал ее с умом. Ох, я могла только рыдать о том, как плохо он ей распоряжался — поднятие машин, которые другие мужчины не могли поднять, бурение дыр в земле, уничтожение деревьев и цветов...

— Тлана испытывает очень сильное отвращение к некоторым вещам, — сказал Эймс. — Но она не чувство-

вала ничего такого по отношению к топору. Мне понадобилось два дня, чтобы построить иглу. Но одним топором я никогда бы этого не смог сделать. Мне пришлось соорудить несколько первобытных рычажных устройств, используя камни и бревна. Но топор оказался огромным подспорьем. Около двух третей ледяных блоков удалось смонтировать из отдельных фрагментов. Единственная проблема — как перенести их и установить на место.

— И вы говорите, что потеряли топор? — спросил Дорман. — Как это случилось?

— Мы оставили его снаружи иглу, а наутро он исчез. Я почти уверен, что его... забрали обратно. Вряд ли он исчез сам по себе. Но нельзя быть ни в чем уверенным в такой пустоши, как эта. Расщелина во льду могла открыться и закрыться ночью, топор мог провалиться туда. Не было следов на снегу, если это имеет какое-то значение. Я сомневаюсь в этом, потому что снег, пусть и понемногу, но почти каждую ночь выпадает, и следы могли быстро исчезнуть.

Тлана, казалось, прилагала усилия, чтобы справиться со своим волнением, потому что она медленно высвободилась из нежных объятий Эймса и выпрямилась, развернувшись; глаза ее вспыхнули.

— Зверь, которого мы видели — возник из-под земли, — сказала она. — Мой брат рассказал бы об этом больше, потому что он верит в древние легенды. Я тоже верю, хотя я ходила в колледж в Мехико, и меня вы могли бы назвать образованной молодой леди. Я даже прослушала курс археологии, хотя я не специализировалась по этому предмету. Профессора там очень эрудированные — некоторые из них, по крайней мере. — Она пожала плечами. — Когда я вернулась на землю своего отца, все это, казалось, ушло от меня. Я снова стала простой де-

вушкой, принадлежащей родной земле. Я горжусь этим. Я никогда не стыдилась того, кто я есть — или была.

— Тлана дочь чрезвычайно богатого землевладельца, — сказал Эймс. — В команде, с которой я работал, часто говорили в шутку, что ему принадлежит по меньшей мере десятая часть всей Мексики. Преувеличение, конечно. Но я не думаю, что Тлана когда-либо думала о себе, как о дочери землевладельца. И я уважаю ее и восхищаюсь ее умением всегда оставаться собой.

— Мой отец когда-то был батраком, — сказала Тлана. — Я никогда об этом не забываю и никогда не хотела забывать. А также не забываю своего брата. Он смотрит в прошлое, где слава нашего наследия сияет, словно огромная звезда, горящая в глубинах ночного неба.

— Существует только одна Тлана, — сказал Эймс. — Во всем мире — только одна. Я уверен в этом. И не смотря на то, что произошло, иногда я чувствую, что должен считать себя счастливейшим из мужчин.

— Не всегда — только иногда? — с упреком спросила Тлана; на мгновение, казалась, она забыла о волнении, которое ее охватило, когда Джоан рассказала о гигантском морском животном в заливе, а Эймс напомнил о находке топора.

И теперь они пересекли хижину и подошли к огню по гладкому, утоптанному снегу, и Эймсу больше не приходилось поддерживать Тлану. Три шкуры были растянуты на полу, покрывая почти всю поверхность, и в основном люди передвигались именно по шкурам. Но был в хижине также клочок люда и участок, где снега было по щиколотку; когда они подошли к огню и уселись, то на крошечных ножках Тланы, казалось, появились сверкающие алмазами туфельки, как у Золушки.

Эймс наклонился и подбросил еще несколько веточек в огонь, прежде чем сесть рядом с ней.

Дорман обнял Джоан за талию, придвигая ее ближе к себе; в течение долгого времени они молчали, как Эймс и Тлана, глядя в огонь, следя, как веточки вспыхивали ярким пламенем и свечение распространялось по всей хижине.

Затем они начали говорить, сперва Дорман, а затем Джоан и наконец Эймс, в это время Тлана продолжала молча смотреть на танцующее пламя, как будто она могла увидеть в глубинах огня огромного зверя, которого снова описывал Эймс, появляющегося из пещер, глубина которых неведома человеку, окруженного странным светом.

Огонь снова угас, только тлели угольки; больше не осталось вопросов, которые нужно было задать и на которые следовало ответить, и они знали: это мог быть только огромный зверь — или свет — изменивший привычный мир зеленых холмов и долин и обращенных к морю утесов, превратив все это в заледеневшую равнину.

Глава 8

Дорман сидел посреди ледяной хижины на плоском, футовой высоты камне, по форме весьма похожем на скамеечку для ног, с гладкой верхней частью. Человеческие руки не обрабатывали его, но долгое выветривание придало камню полезную форму; это оправдало действия Эймса, который полмили тащил валун по снегу и наконец поставил его перед огнем.

Камень он установил, чтобы порадовать Тлану, еще до прихода гостей. Но теперь он стал очень хорошим сиденьем, достаточно низким, чтобы позволить Дорману перевернуть холщовую сумку, не поднимая ее больше чем на восемь или десять дюймов над полом, и высыпать содержимое на самую большую из шкур, покрывавших пол хижины от входа до того места, где Джоан и Тлана сейчас сидели корточках.

Эймс остался стоять, разглядывая невероятные предметы, обнаруженные в сумке. Пятнадцать или двенадцать слайдов, перетянутые резинкой; маленький диапроектор; пять или шесть археологических инструментов, видимо, предназначенных для тонких работ на каменных стенах храма, поскольку они были довольно малы и по форме напоминали сверла; компас, который выглядел, как будто его позаимствовали у бойскаута в Штатах и слегка состарили; увеличительное стекло и четыре довольно крупных и замысловатых с виду научных прибора, которые были достаточно впечатляющими, чтобы возместить в целом незначительную ценность содержимого сумки.

— Надеюсь, там нет ничего такого, что может взорваться и разнести нам головы, — сказал Эймс; хотя он говорил легкомысленно, Дорман не был полностью уверен, что замечание не было искренним и серьезным.

— Я не доверяю археологам, не способным разобраться с тем каменным топором, о котором я говорил.

— Если вам от этого станет лучше, — сказал Дорман. — то я расскажу, как именно этот странный набор всякой всячины оказался у меня в сумке. Мы проводили большую часть времени на пляже, и я не хотел сидеть совсем без дела. Мы сделали около тысячу фотографий, но было несколько слайдов, которые я хотел изучить более внимательно, под увеличительным стеклом. С самого начала проектор лежал в сумке, и я забыл взять его с собой.

— Но зачем технологическое оборудование? Оно выглядит довольно сложным.

— Все дело в том, что я прихватил его с собой. Я хотел его проверить. Специализированное оборудование требует постоянной отладки. Вам не нужно смазывать детали или что-то подобное. Но вы должны быть уверены, что все сложные детали находятся в рабочем состоянии; нужен постоянный контроль и кропотливая регулировка.

— На пляже было бы замечательно, если бы он мог бездельничать. Это было замечательно, конечно — но он такой дурак, — сказала Джоан. — Он всегда должен быть чем-то занят. Мы могли выбежать на линию прибоя и купаться некоторое время, а затем он мог забыть обо мне.

— Большинство мужчин такие же, — сказала Тлана.

— Я сомневаюсь, что Джоан сейчас может на что-то пожаловаться в этом отношении, — сказал Дорман. — Эти приборы так долго находились в воде, что я не могу представить, как они смогут работать — или сообщить нам то, что я хотел бы узнать. Но мы проверим...

— Что ты надеешься выяснить? — спросил Эймс.

— Побольше узнать о свете, который кружился над нами в заливе, и как вы говорите, кружился над вами с Тланой, когда зверь вышел из кратера.

— Вы действительно думаете, что эти приборы могут все объяснить? Свет к свету, я полагаю, так вы могли бы сказать.

— Если вы так сильно хотите пользоваться своими метафорами, валяйте, — сказал Дорман. — Но только помните — я этого не говорил. Я не могу ничего обещать.

— Так или иначе, что это за приборы? Что они должны делать? Я и правда хотел бы знать.

— Они измеряют радиацию, — сказал Дорман. — Различными способами. Один из них — счетчик Гейгера, у которого есть запоминающее устройство, вроде как компьютер, подключённый к нему. Он может сказать вам, каков уровень радиации был в любой момент времени, когда счетчик начинал срабатывать, даже если это случилось пять лет назад. Десять минут или пять лет — все равно. Затем прекрасная маленькая миниатюрная камера Вильсона, искровая камера, пузырьковая камера. И устройство фотоэмульсии, которое автоматически проецирует чувствительные пластины и затягивает их обратно, когда они уже достаточно экспонированы.

— О, Боже! И вы используете все эти новомодные приспособления в своей работе. Зачем?

— Нет ничего более важного, когда вы исследуете древние руины. Изучая процессы радиоактивного распада, можно определить точный возраст многих захороненных скелетов и артефактов. А иногда важно узнать, есть ли какая-нибудь опасная радиация в определённых местах джунглей...

— Видимо, удача не совсем покинула нас. Но я полагаю, мне не следует этого говорить. Находка того топо-

ра, даже если мы позже его потеряли, была исключительной удачей. Это может снова произойти. Чем больше мы узнаем о природе света, который видели, тем ближе мы к...

— Ты опережаешь события, — сказал Дорман, резко его прерывая. — Я должен сначала выяснить, что может сделать соленая вода — ну, даже со счетчиком Гейгера. Ни один хирург не может произвести вскрытие инструментами, которые проржавели.

— Прошло слишком мало времени для того, чтобы металлические части заржавели, — продолжил он после паузы. — Все будет зависеть от того, сколько воды налилось в сумку. Всего пара капель соленой воды могут испортить чувствительный научный прибор. Иногда просто достаточно дохнуть на него, чтобы помешать его работе.

— Вы сказали, что ваша одежда была такой же сухой, как наша, когда вы прибыли сюда, — сказал Эймс. — Сумка тоже просохла?

Дорман кивнул.

— Мне казалось, я говорил вам, что так и было. Должно быть, просто выскочило из головы. Но она плавала в воде в течение двух или трех минут до того, как свет закружился над нами.

— Я использовала ее в качестве спасательного жилета, — сказала Джоан. — Но она начала тонуть.

— Это не хорошо, — сказал Эймс. — Приборы, должно быть, сильно намокли.

— Мы узнаем через минуту, — сказал Дорман. — Они, кажется, в весьма хорошем состоянии. Не стоит возлагать слишком большие надежды на результаты этого испытания произойти. Что будет — то и будет.

— Значит, вы обнаружили это, — сказал Эймс с усмешкой.

Дорман поднял глаза и взмахнул рукой.

— Вы все окажете мне одолжение, если выйдете наружу, — сказал он. — Следующие пятнадцать минут будут посвящены истории а, когда вы сосредоточены на теоретически невозможном, не стоит думать о том, что кто-то за тобой наблюдает. Это так же важно для вас, как и для меня, и я был бы благодарен за поддержку трех благожелательных наблюдателей. Но я попытаюсь разрешить некоторые чрезвычайно сложные задачи.

Это была заслуга Эймса, а также Джоан и Тланы — они тут же все поняли. Джоан и Тлане пришлось надеть дополнительные шкуры, а Эймс только что вернулся из одной из двадцатиминутных прогулок по снегу вокруг; он осуществлял их через определенные промежутки времени для наблюдения; сейчас он закутался в две шкуры.

Он оставался у двери до тех пор, пока обе женщины не пересекли хижину и не вышли на белую равнину. Затем он повернулся и кивнул Дорману.

— Удачи! — сказал он.

— Спасибо, — ответил Дорман. — Думаю, она мне понадобится.

Двадцать минут спустя Эймс вернулся в хижину, за ним шли Джоан и Тлана.

Дорман уже не сидел на каменной скамеечке для ног, наклонившись над приборами. Он медленно расхаживал взад и вперед у огня, глубоко задумавшись; казалось, он не понимал, что больше не один, пока Джоан не заговорила с ним.

— Харви и Тлана могут терпеть холод гораздо лучше меня, — сказала она. — Это просто одно из открытий, которые я, вероятно, буду делать по двадцать раз в день. Ты сказал: пятнадцать минут. Но я подумала, что мы должны задержаться снаружи немного дольше.

— Она не давала нам вернуться, — сказал Эймс. — Я всегда уступаю привлекательным женщинам. Что ты нашел? Я уже почти боюсь расспрашивать.

— Достаточно, — сказал Дорман.

— Никогда не любил слушать, как кто-то говорит подобное. Это обычно означает плохие новости. — В голосе Эймса звучало беспокойство.

— Они не совсем плохие, — ответил ему Дорман. — В некоторых отношениях это похоже на чудо. Два из приборов работали отлично, а другие просто немного расстроились, когда собирали информацию.

— Если бы наша ситуация была немного менее мрачной, я бы сказал, что праздник состоялся. Мы едва осмеливались надеяться, что они вообще заработают.

— Вот именно, — сказал Дорман. — Это не улучшает нашу ситуацию. Это вообще не улучшает нашу ситуацию: знание, что никогда ни на земле, ни на море не видели такого странного света, как тот, который озарил нас. «Свет, которого никогда не бывало ни на море, ни на суше». Еще в детстве, когда я впервые прочитал эти строки — из Кольриджа, я думаю, а может, из Вордсворта или Шелли, — я провел долгие часы, пытаюсь представить, на что такой свет может походить. Теперь я знаю.

— Но это не может быть слишком странно — если бы ты сумел изучить его и проанализировать с научной точки зрения.

— Что заставляет тебя думать, что странное и невероятное не может влететь прямо к тебе в лабораторию на огромной скорости, как пуля. Высокоскоростная пуля. Это вполне может быть частью ключа к разгадке. Но сам ключ нагрелся, и он раскален добела, его нельзя ухватить. А еще он раскололся на три или четыре отдельных фрагмента.

— Вы не слишком-то много нам объяснили, Дэвид, — сказал Эймс, сочувственно и с мягким упреком. — Может быть, нам лучше продвигаться более медленно. Свет, который мы наблюдали, был видим. Я вообще не очень много знаю о свете, помимо того, что может знать обычный, хорошо осведомленный мирянин. Я горный инженер, и поэтому немного об этом узнал по долгу своей службы.

— Если бы вы были физиком-ядерщиком, то были бы сбиты с толку, — сказал Дорман. — Боже, да — вы были бы сбиты с толку. Я попытаюсь сформулировать это попроще. Приборы уловили все возможные виды радиационной энергии и инфра-излучения в видимом спектре, в свете, который кружил над нами. А также некоторые очень своеобразные виды радиационной энергии.

— Некоторые из них были бы нам неизвестны, если бы их не производили искусственно ядерные реакторы. Другие не поддаются анализу, но они продемонстрировали в одном или двух характерных элементах, связь с некими родственными, известными нам формами. Все радиоактивные процессы, которые можно представить в пространстве и на планетах Солнечной системы, должны сочетаться в этом свете. Обнаружилось огромное количество атомных процессов, но не все эти частицы энергии были идентичны космическим лучам, как мы их называем, они даже не соответствуют космическим лучам галактического происхождения, которые оставили следы деления в метеоритах.

— Что ты пытаешься мне сказать? — спросил Эймс.

И Джоан и Тлана придвинулись ближе к Дорману и посмотрели на него почти умоляюще, как будто они тоже разделяли недоумение Эймса и его возрастающее нетерпение.

— Мы знаем, как влияет окружающая среда на растительность; как нам известно, вся животная жизнь

оказалась бы на грани вымирания, если бы вся растительная жизнь исчезла с лица Земли. Что если зверь пришел из некой области, где радиационная энергия исходит от растительности? Некая область, где связь энергии и материи нарушаются и происходят взрывы высокоскоростных частиц в огромных масштабах. Все формы энергии, видимые и невидимые излучения дают возможность зверю в подобной среде развить свойства, которые пошатнут основы самой материи, если он вырвется из привычного окружения, из подземного мира.

— Подождите минутку, Дэвид, — сказал Эймс. — То, что вы узнали о свете, поразительно, это может стать объяснением — но не слишком ли многое приходится принять на веру? Все, что нам известно об этом звере: он появился из кратера, образовавшегося в результате взрыва динамита, а затем, должно быть, нырнул — или упал — в залив.

— Я не уверен, что ничего подобного не случилось раньше, — сказал Дорман. — Доисторическое чудовище, которое внезапно появляется в джунглях, вызывает невообразимые разрушения. Сразу после извержения вулкана, возможно. В мифологии ацтеков нет упоминания о таком случае, но они есть в легендах тольтеков и майя, в которых это становится едва ли не основным мифом, примерно с седьмого по десятый века. Тольтеки оказали огромное влияние на цивилизацию майя, но майя поклонялись и другим богам, дождя, ветра, плодородия, а также животным и змеям, поэтому легенда о доисторическом чудовище позабылась. Но вы сможете ее найти, если будете знать, в каком направлении искать.

— Что-то, обладавшее несомненным сходством с огромным зверем, мы видели в руинах храма, который исследовали, — сказала Джоан. — Оно было вырезано из кварцевого песчаника, и часть изваяния уже разрушилась. Мы не провели там очень мало времени.

— Хорошо, — сказал Эймс. — Давайте забудем ненадолго о тольтеках. Если вы ищете легенды, то Минотавр не так сильно отличался от зверя, которого мы видели. Он должен был быть большим, чтобы пугать детей больше двух тысяч лет.

— Четыре тысячи скорей всего, — сказал Дорман. — Это был троянский миф, прежде чем его позаимствовали греки.

— Хорошо, признаю свою ошибку.

Он посмотрел на Дормана, все его легкомыслие мигом исчезло.

— Я мог бы отчасти поверить в то, что вы только что сказали — насчет области, где мощные, цепные ядерные реакции продолжаются постоянно; по сравнению с ними расщепление урана выглядит как уголек в костре. Вы всерьез верите в полый мир — в то, что на самом деле может существовать такая область под земной корой?

— Я не верил в это, пока небо не упало на нас, как вы выразились при нашей первой встрече. Я даже не уверен, что теперь делать. Этот монстр мог прийти из... каких-нибудь других измерений пространства-времени, из другой части континуума... называйте это, как хотите. Мы ничего не знаем о каких бы то ни было многомерных мирах, потому что мы никогда не имели ни малейшего основания полагать, что они существуют.

— Было бы намного легче, — сказал Эймс, — поверить, что какое-то гигантское доисторическое животное, последнее в своем роде, случайно упало в пещеру в глубоких джунглях и оставалось в ловушке под землей, пока авария во время ведения горных работ не позволила ему вырваться через расширенный взрывом туннель. Существо, редко попадающееся людям на глаза, никогда не выходило из джунглей.

— Возможно, это не так далеко от истины, — сказал Дорман. — Что-то подобное могло произойти — полмиллиона или два миллиона лет назад. Зверь, предок того, которого мы видели, возможно, попал в ловушку именно таким образом в далеком прошлом, и естественный отбор позволил его потомкам выжить в подземном мире, лишенном растительности, в мире радиационной энергии. Конечно, речь о двух зверях — о самце и самке. Долгие века адаптации, мутационных изменений, могли превратить зверя, которого мы видели, и других, ему подобных, в энергогенерирующих чудовищ.

— Если мы сможем блокировать ядерные взрывы глубоко под землей, почему так трудно поверить, что может существовать некая область, глубоко внизу, где радиоактивные атомы создают триллионы электрон-вольт, не медленно, в результате процессов радиоактивного распада, а быстро и постоянно?

— Оказавшись здесь, не слишком тяжело в это поверить. Но вы намекали на что-то, что вызывает гораздо больше доверия, — сказал Эймс. — Может быть, я ошибаюсь. Но вы, кажется, готовы признать, что такое чудовище не может появиться на поверхности земли, не разрушив, по крайней мере, до некоторой степени, связи между материей и энергией на базовом уровне — я говорю об отношениях пространства и времени. Вы, кажется, готовы поверить, что каким-то необъяснимым образом небольшая часть пространственно-временного континуума была разорвана, и нас вернуло назад в прошлое.

Дорман начал что-то говорить в ответ, но собеседник жестом попросил его замолчать.

— Пожалуйста, Дэвид — выслушайте меня. Вы серьезно утверждаете, что свет, который кружил над нами, мог это сделать, мог перенести нас через последовательность быстро растворяющихся — полагаю, вы могли бы

назвать это временными рамками — в последний ледниковый период, или, возможно, еще раньше? Не уничтожив нас? Как мы смогли прожить даже пять минут, подвергшись такому радиационному облучению?

— Я не знаю, — сказал Дорман. — Но отнюдь не исключено, что мы были защищены каким-то образом от самой радиации, что только воды залива, непосредственно окружавшие нас — а в вашем случае земля — испытали временной сдвиг, перенеся нас с собой в прошлое.

— Корабль на море может оставаться спокойным и совершенно неподвижным в центре гигантского шторма. В стержне каждого урагана существует область абсолютного спокойствия. Но если штормовой ветер мог разогнаться и покинуть землю — чего, конечно, он не мог сделать — разве не было бы весьма вероятным, что он утащит корабль за собой?

— Удар молнии может подействовать таким же причудливым образом — взорвать дерево, под которым стоит человек, сорвать всю одежду с его тела и не повредить ни волоска на его голове.

— Но приборы в этой холщовой сумке уловили радиацию. Джоан сказала, что держалась за нее...

— Научные приборы весьма значительно отличаются от человека, — сказал Дорман. — И приборы, и человек иногда могут вести себя странно, но точный прибор вряд ли сумеет извлечь выгоду из своей удачи. Это просто случилось, вот и все. Радиация была уловлена случайно, резко и не так точно, как мне бы хотелось. Ее воздействие было зафиксировано единожды, в то же время доза была смертельной и могла уничтожить нас немедленно.

Затем заговорила Джоан; хотя ее голос дрожал, как и прежде, Дорман был слишком поглощен тем, что обнаружили приборы, и не мог понять, что Джоан нужно ус-

покоить. Но ее слова заставили его осознать, насколько она нуждается в поддержке; на мгновение ему показалось, что все остальное не имеет ни малейшего значения.

— Как мы можем быть уверены, что не подверглись опасному воздействию радиации? — спросила она. — Узнаем ли мы немедленно — или через неделю, или через месяц? А что если через год...

— Мы узнаем, если это действительно произошло, — ответил Дорман, коснувшись ее рукой и притянув поближе к себе. — Нет ни ожогов... ничего. Но я намерен проверить это, разумеется. Приборы все скажут нам.

В следующие полтора часа ледяная хижина стала чем-то вроде медицинской клиники. Дорман никогда раньше не выступал в роли врача, и он чувствовал себя немного неловко, проводя проверки, для которых ему пришлось попросить Эймса, Тлану и Джоан снять всю одежду.

Эймс подбросил побольше веток в огонь, и все они разделись и снова надели свои шкуры; Дорман вскоре пришел к выводу, что больше ничего не может сделать. Оставалось только спокойно спать, не испытывая волнений и метаний, которые были бы неизбежны, если бы люди сомневались в том, сохранились ли какие-то признаки радиоактивности.

По крайней мере, их радиационный фон был в норме, как быстро продемонстрировал счетчик Гейгера. Но последовали и другие проверки, которые следовало провести; в голове Дормана остались сомнения относительно точности его диагноза. Даже радиация, которая не оставила никаких следов, может привести к осложнениям через несколько лет. Но он не думал, что такое случится, и он был достаточно осторожен, чтобы придерживаться все свои опасения — впрочем, весьма незначительные — при себе.

Глава 9

Джоан внезапно проснулась, подумав, что она слышала кого-то — или что-то —двигающееся снаружи хижины. Но, наверное, сказала она себе, она ошиблась. Мысль о том, чтобы встать и разбудить Дормана, она отвергла сразу. Она не ложилась спать большую часть ночи и теперь уснула глубоким сном, недалеко от места, где спали Эймс и Тлана, лежавшие в нескольких футах друг от друга, укутавшись, как и Джоан с Дорманом, в тяжелые меха.

Джоан не сильно бы удивилась — и конечно, не смущилась бы — если бы они спали, свернувшись в объятиях друг друга. Присутствие двух незнакомцев — теперь друзей, конечно — возможно, сделало такое проявление интимности неловким и неуместным. Они как будто были гостями, приехавшими на выходные на многолюдную «вечеринку» в загородном доме и заночевавшими в одной и той же комнате, потому что на всех гостей места не хватило.

Но учитывая, куда они попали и на сколько могли здесь задержаться до возвращения домой, было бы безумием ожидать, что они постоянно будут скрывать все возрастающую близость.

Джоан была почти уверена, что их отношения развивались очень быстро. Они жили на волоске от смерти больше двух недель, делили невообразимые опасности, которые угрожали им ночью и днем. И то, что Эймс сказал о Тлане, недвусмысленно указывало: он испытывал прилив страсти, какую только может испытывать мужчина.

Он был либо безумно влюблен в Тлану, либо счел ее невообразимо привлекательной; если бы его попросили выбрать между Тланой и сотней других женщин, то не

могло возникнуть никаких сомнений в том, какой выбор он сделал бы.

Джоан внезапно поняла, что ее бы не шокировало и не слишком удивило, если бы он опустил шкуру на плечо Тланы и заснул, прижавшись к ее обнаженному телу.

Она также понимала, что в обычных обстоятельствах возмутилась бы, став невольной свидетельницей такой близости, особенно в присутствии человека, которого она любила. Само присутствие и наблюдение за происходящим уже в какой-то мере делало ее участницей.

Она никогда не верила в искренность супружеских пар, которые отвергали обычную сдержанность, она считала новоявленную «вседозволенность» таким же лицемерием.

Но это не значило, что нет обстоятельств, которые могут на время изменить привычные представления. Человеческой природе свойственны ограничения, но мужчины и женщины, которые думали, что следующий день — или следующий после него — вполне может оказаться последним, вряд ли заслуживали строгих обвинений за нарушение приличий. Вряд ли следовало винить мужчину, который заключал в свои объятия женщину, внезапно ставшую для него самой дорогой, который страстно занимался с этой женщиной любовью, даже в присутствии других.

Преграды, конечно, можно было возвести: в ледяной хижине нетрудно поставить перегородку. Но не всегда и не везде такие перегородки уместны — в мире, где великие опасности и неожиданности подстерегают на каждом шагу, от заката до рассвета. Любовь не утратила смысла и целительной силы даже тогда, когда смерть стала неизбежностью. И когда вы шли долиной смертной тени, обычные условности могли утратить большую часть былого значения.

Случится ли это с... Тут Джоан остановилась, на мгновение решив, что не стоит даже рассуждать о возможности того, что пришло ей в голову. Но только на мгновение. У нее не было причин скрывать от себя то, что, по ее представлениям, абсолютно истинно. Только какие-то причудливые остатки пуританских представлений удерживали Джоан от того, чтобы уснуть в объятиях Дормана, в дни мучительной неопределённости, которые они провели в одиночестве в диких джунглях. Но в этом пугающем мире снега и льда...

Всего несколько дней, может быть, не больше. Не было оправдания тому, что до сих пор между ними ничего не произошло — кроме того, что она никогда не поощряла легкомыслия, и Дорман уважал в ней это качество, отличавшее Джоан от многих других женщин. Вероятно, в прошлом его привлекали совершенно иные особы противоположного пола.

Джоан резко села, холодная дрожь страха заставила ее прислушаться к тому, что творилось в полумраке. Непривычные звуки по-настоящему напугали ее; Джоан позабыла обо всех прочих размышлениях.

Неподалеку от хижины кто-то двигался — ошибки быть не могло. Хруст снега слышался отчетливо; он сопровождался резкими вдохами и выдохами.

Два или три раза в своей жизни Джоан сталкивалась с выбором стратегии поведения — одно действие казалось осмысленным и разумным, а другое — опасный и глупый. Казалось, в ее характере было что-то, превращавшее опасный вариант в своего рода вызов; она забывала об осторожности и в каком-то ослеплении бросалась навстречу опасности.

Наверное, девять женщин из десяти — нет, девяносто девять из ста — разбудили бы лежавших рядом мужчин. Но знание о том, что ее безопасность под угрозой, за-

ставило Джоан принять решение: выяснить все самостоятельно.

В конце концов, будет не слишком рискованно, сказала она себе, проползти украдкой к высокому, продолговатому отверстию, которое Эймс вырезал во льду и, которое служило дверным проемом, и выглянуть в ночь. Ей, конечно, следует соблюдать осторожность и не высываться из отверстия, а просто осторожно взглянуть направо, туда, где кончалась стена и туманное тусклое свечение простиралось на несколько футов.

Она не думала, что это будет трудно сделать: просто на мгновение высунуть голову в ночь, посмотреть на снег прямо перед хижинкой, откуда, казалось, доносился хруст.

В полутьме, полной контрастных теней, бледно-серых и чернильно-черных, фигура спящего Дормана казалась больше, чем она была на самом деле. Хотя его нельзя было назвать, как Эймса, почти гигантом, его тело казалось худым и крепким, без единого грамма лишнего веса.

Когда Джоан проходила мимо Дэвида, в голове у нее мелькнула поистине женская мысль. Ей и Тлане повезло больше, чем многим женщинам, подвергающимся постоянной опасности. Их обеих охраняли хорошие мужчины, которые были рядом в случае опасности. Даже когда делаешь глупость и позволяешь себе забыть, что любовь — это улица с двусторонним движением, все же отрадно это знать.

Ее поведение противоречило тому, что было основой любовных отношений: отвергать человека, который готов прийти на помощь при первой же возможности. Она обманывала спящего человека так же, как себя, не позволяя ему проснуться. Но теперь было слишком поздно сожалеть о своем предательстве. Джоан шла так быстро, что уже находилась у входа в хижину, она вы-

глянула наружу, держась ладонью о край ледяного блока, который был подрезан, когда Эймс обустроивал вход.

Поначалу она разглядела только белую гладь снега и льда, разбитую на шахматный узор света и тени. Ночь была не безлунной. Но луна скрывалась за плотными облаками прямо над головой, и свет, который просачивался сквозь них, никак нельзя было назвать ярким.

Однако становилось немного светлее из-за того, что свет падал на миллионы ледяных кристаллов, которые сияли словно алмазная пыль, кружась в потоках неутраченного ветра.

Белая гладь продолжала двигаться, когда Джоан осматривала прилегающее пространство; снежная воронка то сужалась, обнажая голые камни, то снова расширялась.

Следы виднелись не очень ясно, и только тогда, когда ее глаза приспособились к наружному свету, Джоан смогла определить, что это такое — пятипалые отпечатки поразительного размера, которые не мог оставить прямоходящий зверь.

Это наверняка были человеческие следы, потому что все детали углублений, вплоть до подошв, в точности напоминали отпечатки босой ноги человека, оставленные, положим, на мокрой глине. На белой снежной поверхности следы читались четко, хотя ей и потребовалось немного больше времени, чтобы их разобрать из-за яркого света и небольших углублений, которые ветер оставлял в постоянно движущейся белизне.

Джоан было трудно поверить, что эти следы оставил мужчина среднего роста с размером ног почти в пятнадцать дюймов. Но удивление не уменьшало ее тревоги — наоборот, тревога усиливалась, когда Джоан мысленно измеряла отпечатки.

Какой-то инстинкт предупредили женщину, что ей угрожает огромная опасность; даже в этот краткий миг осторожного наблюдения она подвергалась риску, который не воспринимала достаточно серьезно.

Джоан почти убедила себя, пока шла по хижине, что звук издает какое-то животное, движущееся по снегу. Возможно даже, что звук вызван обвалом нависшего сугроба, при внезапном, необычайно сильном порыве ветра. Были и другие вероятные причины. Но она не хотела верить, что услышанное — звук шагов человеческих ног, ступающих в ночи по одеялу из снега и льда.

Голые ноги. Ноги великана? Какой человек станет ходить босым по ледяной равнине? Конечно, варвар каменного века изготовил бы для себя какую-нибудь обувь. Одна лишь мысль о первобытном человеке, подошвы которого настолько привычны к холоду, была довольно пугающей. Но еще больше Джоан встревожила вероятность того, что, пока она выглядывала из хижины и изучала следы мужчины, вряд ли он оставался в неведении, вряд ли думал, что она не знает о его присутствии.

А что, если он сейчас смотрит на нее — сидя на корточках в тени, где постоянно движущийся снег сливается со скалами, которые обнажил ветер, и наблюдает за ней с диким коварством в глазах?

Она сделала ошибку, выйдя слишком далеко на свет, не ограничившись тем, что выглянула наружу. Она быстро осознала это и тут же шагнула назад. Но отступление оказалось недостаточно поспешным.

Что-то твердое сжало ее талию, и ее вытянули, резким и внезапным рывком, прямо из хижины на снег.

Она начала кричать, но что-то столь же твердое зажала ей рот и помешало закричать.

Джоан почувствовала, что ее подняли, и начала яростно бороться. Она яростно вертелась, стуча кулаками

по тому, что на ощупь напоминало доску, покрытую мехом; Джоан почти тотчас поняла, что ее прижали к мощной, заросшей волосами груди.

Прежде, чем она смогла разглядеть лицо похитителя, он далеко унес ее по снегу, по-прежнему крепко сжимая ее талию, но теперь используя другую руку, чтобы иным способом помешать ей крикнуть. Он убрал руку с ее рта и держал ее лицо прижатым к своей груди, скрестив пальцы у нее в волосах и толкая ее лицо вперед и вниз до тех пор, пока ее нос и рот едва не расплющились. Ее рот, прижатый к железным ребрам и таким же железным мышцам его грудной клетки, не мог ни открыться, ни закрыться, и она чувствовала, что вот-вот задохнется.

Она перестала бороться, понимая теперь, насколько бесполезным будет сопротивление, и только тогда, когда ее отнесли на значительное расстояние от хижины, похититель немного ослабил хватку и позволил ей поднять голову.

На мгновение, ее единственной заботой стало то, как бы втянуть побольше холодного воздуха в разрывающиеся легкие. За каждым вздохом следовал резкий укол боли, и, если бы прошла еще одна минута, Джоан была уверена, ей уже больше не понадобилось бы дышать.

Она решила, что отнюдь не жалость заставила мужчину отказаться от мысли о том, чтобы задушить ее. Но когда она подняла глаза и увидела жестокое, тонкогубое лицо, смотрящее на нее сверху вниз, то, что он вообще ее пощадил — по какой-то причине — стало просто невообразимым.

Как мог обладатель такого лица, со всеми его примитивными инстинктами, возбужденными насилием до предела, остановиться и проявить сдержанность? Смог бы зверь из джунглей, такой же возбужденный, жажда крови которого вышла из-под контроля, резко повер-

нуться и уйти от какого-то мелкого животного, не убив его?

«О, Боже, нет!» — подумала Джоан. И все же ее больше не душили. Вместо этого дикий великан с огромными бровями — хотя едва ли можно было назвать его великаном, несмотря на огромный размер голых ног — теперь медленно, почти нежно, поставил ее на снег.

Человек опустил Джоан и затем, как только она встала на ноги, отступил в сторону и внимательно оглядел женщину узкими, тускло блестящими глазами, с пугающего рода неторопливостью изучив все ее тело, от лодыжек до взъерошенных волос, которые он только что сжимал.

Но так ли уж это страшно? — с удивлением подумала она. Разве он не просто изучает ее с простой, естественной любознательностью, свойственной человеку из другого века, который до этого никогда не видел подобной женщины?

Было в нем что-то, не казавшееся диким, заставившее ее почувствовать, что он не так уж жесток.

Жестокость его была кажущейся; следовало сделать поправку на первобытные формы лица и тела; музейные реконструкции внешнего облика людей эпохи палеолита не могли подготовить человека двадцатого века к чему-то подобному: что, если бы ему в самом деле представилась возможность вернуться назад во времени и посмотреть на варвара ледникового периода во плоти?

Его волосы были спутаны и всклокочены, лицо покрыто коркой грязи, а губы — резко скошены. Но даже это могло быть обманчивым впечатлением, не имеющим особого значения. Жестокость может принимать различные формы, и иногда человек с добрыми инстинктами может в основе характера сохранить какие-то жестокие черты, он может стать чрезмерно жестоким,

когда столкнется с чем-то враждебным и его гнев выйдет из-под контроля.

Джоан почему-то догадалась, что огромный человек не испытывал к ней ненависти; изгиб его губ – это просто биологическая особенность; видимо, человек не контролировал свои лицевые мышцы.

Внезапно, он сделал удивительную вещь. Он повернулся и указал на бескрайнее пространство снега и льда впереди. Луна вышла из-за облака, и равнина была залита серебристым сиянием. Но лунный свет, казалось, еще ярче озарял массивные плечи высокого варвара, на которых виднелись тонкие, переплетающиеся полосы меха.

Не произнося ни слова, мужчина пошел по снегу. Отойдя на десять или двенадцать шагов, он резко повернулся и знаком приказал Джоан шагать за ним. Она повиновалась, зная, что у нее нет выбора.

Глава 10

Человек может проснуться после глубокого сна и обнаружить, что мир совсем не изменился и обрадоваться, потому что он не хотел бы его менять. Или, если человек заснул, чувствуя себя несчастным, желая умереть, он может проклинать и солнце, и луну, и звезды, не находя никаких улучшений в своей судьбе, не радуясь тому, что начался еще один тоскливый день.

Ни один человек не хотел, чтобы мир изменился, больше, чем Дорман — он мечтал вернуться из замороженной пустыни в... да, во влажные тропические джунгли центральной Мексики. Но первое его чувство, едва он открыл глаза — это была радость.

Мир вряд ли мог измениться сильнее, вряд ли тени могли стать уродливее. Но одна часть мира не изменилась, и эта часть стала, в некотором смысле, всей его жизнью.

Эту часть звали «Джоан», и в ней таились холмы, реки и долины, залитые солнцем безмятежные прекрасные пейзажи, озера, блестящие в лунном свете, и далекие горные деревни, где поют и пляшут от заката до рассвета.

Он проснулся в неудобном положении, неловко согнув одну руку и навалившись на нее так, что она онемела. Дорман поднял руку, потряс, пытаясь согнуть пальцы и не смог. Он массировал ее другой рукой, постепенно чувствительность возвращалась.

Все тело, безусловно, находилось в ином состоянии, нежели рука — Дорман был полон жизни, не нуждался в реанимации, несмотря на тот факт, что даже две шкуры не смогли сохранить тепло так, как он надеялся, и холод пробрал его до костей.

Но там все еще была Джоан — Джоан рядом с ним или совсем недалеко — и он почувствовал внезапный прилив желания: вскочить на ноги и удивить ее, нагнувшись и взяв ее на руки. Он хотел сказать: «Эй, маленькая лентяйка. Ты проспала так же, как один или два раза в джунглях, когда на нас смотрела тысяча глаз».

Он поднялся на ноги, даже не глядя в ее сторону, потому что желания приносят больше удовольствия, когда их удовлетворение откладывают, когда можно немного потянуть время — от мысли к ее воплощению.

Затем Дорман резко повернулся и посмотрел вниз — Джоан там не было. Он быстро окинул взглядом хижину.

Тревога, которая неожиданно его охватила, началась с холодного предчувствия, но быстро превратилась в нечто гораздо худшее; кровь прилила к вискам; и Дорман почувствовал, что его мозг готов взорваться.

Он встал у входа в хижину и выглянул наружу прежде, чем мысль о том, чтобы разбудить Эймса и Тлану, пришла ему в голову. Он посмотрел вниз на землю и поначалу увидел только сплошной покров снега, запятнанный, здесь и там, мутными отблесками рассвета.

Затем он увидел следы — одну пару отпечатков, ведущих к серому, высоко выступающему валуну почти в тридцати футах от того места, где он стоял.

Он не мог представить себе человека, который оставил такие огромные отпечатки на снегу: наверное, не меньше Эймса и, конечно, такого же роста.

Он не видел никаких маленьких отпечатков в непосредственной близости от крупных и где-либо на снегу — и совершенно никаких признаков борьбы.

Дорман повернулся и возвратился в хижину. Он подошел туда, где спали Эймс и Тлана, и встряхнул их — сначала Эймса, потом Тлану, не говоря ни слова.

Было бы лучше, подумал Дорман, если бы он поначалу не пытался заговорить. Его голос перейдет в сдавленное рыдание и тем самым увеличит недоумение Эймса, которого так внезапно разбудят.

Крупные мужчины, казалось, всегда просыпаются медленно, тратя много времени на то, чтобы согнать сон — гораздо больше, чем мужчины среднего размера. Дорману приходилось отмечать это в прошлом. Но его злила мысль, что неспешное пробуждение Эймса может задержать возвращение Джоан; и Дорман начал стучать Эймса по плечу, решительно и неотступно. Тлана уже проснулась и смотрела на него испуганными, вопрошающими глазами.

— Что такое? — спросила она. Затем, почти тотчас: — Где Джоан? Что случилось с Джоан?

— Она пропала, — удалось выдавить Дорману. — Когда я проснулся — ее здесь не было. На снегу снаружи есть следы.

— Следы? О, нет. Топор! Он, должно быть, вернулся.

Теперь Эймс начал просыпаться, стараясь изо всех сил принять сидячее положение. Он, казалось, слышал, что сказал Дорман — или, возможно, только то, что сказала Тлана — потому что его первые слова были:

— Топор! Украден, разумеется — его украли. Он вернулся, говоришь? Я боялся, что он...

— Он вернулся и увел Джоан! — Дорман услышал звук своего голоса как будто со стороны. — Там следы на снегу.

Эймс выпрямился и схватил Дормана за руку.

— Боже, это плохо. Господи! Но мы их найдем, не волнуйся, Дэвид. Мы возьмем пистолет и лук. Тлана, возьми стрелы.

— Эти следы меня беспокоят, — сказал Дорман. — Если снег выпал ночью, и они отошли на небольшое расстояние...

— Мы сделаем все, что сможем, — сказал Эймс, встав на ноги и попытавшись стряхнуть остатки сна. — Постарайтесь успокоиться. Мы сделаем, все что сможем...

— Этого для меня достаточно, — сказал Дорман. — Но нам нельзя терять время. Я не знаю, куда ее унесли. Я только проснулся и обнаружил, что она пропала.

Теперь уже точно проснувшись, Эймс повернулся к Дорману.

— Вы уверены, что ее унесли? Может быть, она забеспокоилась и вышла на время — до того, как тот человек появился...

— Нет, я так не думаю; там были только одни следы.

Эймс потянулся и крепко сжал запястье Тланы. Но его большая рука, казалось, скрыла почти всю ее ручку.

— Ты не пойдешь с нами, — сказал он. — Ты будешь в опасности здесь — совершенно одна. Но ты окажешься в гораздо большей опасности, если станешь нас сопровождать.

— Почему бы тебе не остаться здесь с Тланой и не позволить мне идти одному, — сказал Дорман. — Я не думаю...

Эймс покачал головой:

— Тебе понадобится помощь, — сказал он. — Я сделал лук, и теперь хорошо владею этим оружием. И нам оно понадобится.

— Тогда тебе лучше оставить Тлане пистолет.

— Нет! — воскликнула Тлана. — Вам нужно и то, и другое. Харви оставлял меня одну и раньше — много раз. Ему приходилось, иначе у нас не было бы еды.

Эймс повернулся и удалился в темный угол хижины. Он наклонился и поднял большой лук; его тетива сверкнула в свете костра. Эймс вернулся туда, где стояли Дорман и Тлана, перекинув лук через плечо.

— Нам лучше идти, — сказал он.

Внезапно он обернулся и заключил Тлану в свои объятия, прижав к себе.

— Мы вернемся, — прошептал он, обняв ее покрепче. Он попытался снова заговорить, но тут же умолк.

Затем он вышел вместе с Дорманом из хижины на замерзшую равнину.

Глава 11

Это был мир неподвижности, в котором все, казалось, находилось в движении. Это не парадокс, который можно было легко объяснить или решить, потому что все движения были утонченными, таинственными, скрытыми.

Осматривая все это безлюдное пространство снега и льда, Дорман не мог обнаружить ни малейшего движения за снежными наносами, которые постоянно обдувал ветер. Тем не менее уголком глаза он уловил отблеск того, что казалось показалось таящимся темным силуэтом, укрывающимся в тенях и движущимся в них; силуэты скапливались около выступов на камнях, разбросанных по равнине здесь и там, их вершины двигались в лучах рассвета.

Стоило ему шевельнуться, чтобы уловить их движения — силуэты немедленно исчезали. Но в тот момент, как он снова двинулся в путь, они вернулись, и было тяжело отогнать томительное чувство, что за ними с Эймсом каким-то совершенно непостижимым образом тщательно следят издалека, и каждый их шаг известен преследователям.

Их уверенность, что Джоан можно найти, что они каким-то образом добьются успеха, преодолев все препятствия, чуть-чуть поколебалась, когда мужчины подумали о размерах равнины и количестве каменных строений, которые могли дать убежище человеку, похитившему девушку.

Но внезапно вся их уверенность вернулась. Теперь были видны не только огромные следы, но и сопровождавшие их маленькие.

Конечно, не совсем «сопровождавшие»: следы Джоан — они не сомневались, что это Джоан оставила малень-

кие отпечатки сандалий на снегу — тянулись за следами того великана в двадцати пяти или тридцати футах.

Следы начались недалеко от хижины и теперь тянулись без перерыва.

Одно уже то, что Джоан не шла рядом с великаном, заставило Дормана резко остановиться; он понял, что это могло значить.

— Он не тащит ее с собой, — сказал он, сжимая руку Эймса. — Он позволяет ей идти за ним. Она не могла попытаться сбежать. Если бы она ушла недалеко, а он бы вернулся за ней и потащил ее назад, снег был бы изрыт.

— Я бы сказал, что она сильно напугана и делает разумные вещи, — сказал Эймс. — Наихудшее, что она могла бы сделать — привести в ярость зверя, сражаясь с ним.

— Зверя? Следует ли нам так думать? Все варвары чудовища?

— В каком-то смысле это правда, конечно, — сказал Эймс. — Но нам следует оставаться реалистами в этом отношении. То, что кажется обычным для первобытных людей каменного века, может показаться нам достаточно жестоким.

— Но люди разные.

— Я надеюсь, что вы правы, — сказал Эймс.

Они шли дальше в молчании, но когда удалились всего на полмили от хижины, Дорман снова остановился.

— Я почти уверен, что кто-то следует за нами, — сказал он. — Я только что посмотрел назад, и там была тень на снегу — как будто быстрая тень, которая исчезла за этой длинной грядой камней, которую мы миновали минуту назад.

Он быстро повернулся, прежде чем Эймс смог возразить — как он сделал однажды — что их окружают бесчисленные и немилосердные иллюзорные преследовате-

ли, если они ошибутся и предположат, что тени могут вести собственную таинственную жизнь.

Дорман не ожидал, что Эймс станет возражать слишком сильно, но очень удивился, когда тот сказал:

— Я тоже это видел; думаю, будет лучше вернуться и взглянуть.

Они пошли назад в сторону каменной гряды, передвигаясь как можно быстрее, стараясь не споткнуться и не поскользнуться на ледяной равнине.

— Если хочешь поймать тень, нужно разобраться со своим разумом, — сказал Эймс. — Если ты в необходимом безумном состоянии, может быть, у тебя получится. Но нам лучше не рассчитывать на это.

— Тени, как правило, отбрасывает кто-то, — сказал Дорман.

— Хорошо, мы все узнаем через минуту.

Зазубренная вершина каменного хребта выступала над равниной. Снег был довольно глубок у основания скалы, и два человека провалились в него почти до колен, прежде чем достигли другой стороны, где склон был не таким крутым.

Посреди каменного склона сжалась темная фигурка — но это была не тень. Фигура поднялась, как только появились Дорман и Эймс, и превратилась в крошечную женщину. Несмотря на ее миниатюрность, Дорман на миг подумал, что была Джоан, которая постоянно присутствовала в его мыслях.

Но только Тлана могла быть такой крошечной, и иллюзия исчезла в считанные секунды. Эймс помог ее разрушить, выкрикнув имя и поглядев на девушку с сердитым недоверием, когда она, казалось, почти летела в его объятия.

Он обнял и удержал ее на мгновение, затем отпустил, нахмурившись.

— Я мог бы догадаться! — бросил он. — Если ты приняла решение — почему не сказала мне? Я умолял тебя не усложнять все это. Ты знала, как тяжело мне было...

Она заставила его замолчать, встав на цыпочки и приложив пальцы к его рту.

— Ты рад, что я здесь, — сказала она. — В глубине души — ты рад. Мне пришлось подождать, конечно — пока вы не отошли от хижины слишком далеко, чтобы повернуть назад.

Она быстро повернулась и посмотрела на Дормана; что-то в выражении ее лица заставило его подумать, что меньше всего Тлана верит в его прощение.

— Я задерживаю вас, — сказала она. — Дорога каждая минута, а я заставила вас вернуться и искать меня. Я намеревалась присоединиться к вам, но вы, наверное, заметили, как я брожу взад и вперед между камнями.

— Все в порядке, — сказал Дорман. — Мы потеряли не больше пяти минут. Десять, в крайнем случае. Мы, возможно, идем по следам Джоан уже час или даже больше. Мы не знаем, как далеко она может находиться сейчас.

— Следы Джоан? — удивилась Тлана. — Я видела только огромные следы.

— Следы Джоан начались недалеко от хижины, — объяснил Дорман. — Ее, должно быть, подняли и понесли. Там не было следов борьбы — нигде вдоль тропы, по которой мы следовали.

— Если мы найдем следы Джоан — это, должно быть, принесет тебе большое облегчение.

— Так и было, в каком-то смысле, — сказал Дорман. — Это исключает возможность того, что... ну, это доказывает, по крайней мере, что она все еще может ходить без посторонней помощи. Но потом я вспоминал, что сказал Харви, прежде чем мы покинули хижину — она, возможно, встала и вышла наружу, прежде чем пришел

незванный гость. Это очень тонкая тростинка, за которую можно уцепиться, но, если человек отчаялся, то он преувеличивает подобные возможности. Если мы нашли ее следы рядом с огромными следами — значит, тростинка порвалась.

— Тлана, станешь ли ты счастливее, если узнаешь, что взвалила дополнительный груз на мои плечи? — спросил Эймс. — Ты знаешь, что со мной случится, если что-то случится с тобой?

— Ты скоро простишь меня, — сказала Тлана. — Ты думаешь, что знаешь себя, но я одна единственная, кто тебя понимает.

— Может быть, ты права, — сказал Эймс. — Я не знаю о себе слишком многого — но я знаю, что могу быть очень расчетливым, реалистичным человеком, когда есть что-то, что нужно сделать. Сейчас это значит найти Джоан — помочь Дэвиду найти ее, прежде чем ей причинят какой-то вред. И ты сделала решение этой проблемы гораздо труднее. Теперь мне следует беспокоиться еще и о твоей безопасности.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась?

— Да, я хотел бы этого. Но я чертовски хорошо знаю, что ты не хочешь. Таким образом, нам всем придется идти вместе. Я не могу представить себе ситуацию, в которой женщина была бы большей помехой.

Пять минут спустя они снова шли по следу, Тлана шагала рядом с Эймсом, а Дорман двигался немного впереди.

Дорман знал, что, хотя Эймс все еще притворялся злым, он втайне радовался, что Тлана присоединилась к ним. Это было вполне естественно, и он чувствовал бы то же самое, если бы Джоан решила присоединиться к нему в каком-нибудь другом опасном предприятии. Это было вполне естественно — захотеть уберечь того, кого ты любишь, от всякой опасности. Но любви свойствен-

нее и эгоизм, и когда приходилось балансировать на краю, всякого можно было ожидать.

Они шли примерно еще милю, прежде чем отметили какие-то изменения в ледяном ландшафте. Вдали появилось что-то, напоминавшее каменное строение или высокий сугроб, но они не могли определить, что это такое, пока не подошли к неизвестному объекту на сто футов.

Глава 12

Это было убитое животное. Оно лежало, растянувшись посреди долины, выставив четыре ноги, торчавшие вертикально над покрытым мехом телом — из него торчали темные древки трех стрел.

Чем ближе они подходили к существу, тем больше убеждались, что оно мертво, потому что тело зачленело, и его окружал широкий круг запекшейся крови на льду и снегу.

Зверь был огромным, не таким огромным, как существо в заливе или то, с которым столкнулись Эймс и Дорман. Он выглядел как огромный, белошерстый бобер с длинными, острыми зубами, обнажёнными в гримасе смерти.

Тлана крепко вцепилась в руку Эймса, как только они подошли к существу; ее глаза расширились от удивления.

— Ни один из тех зверей, которых ты убил, не достигал и десятой части этого, — выдохнула она. — Нам бы хватило свежего мяса на месяц.

— Оно, кажется, принадлежит к семейству грызунов, — сказал Дорман. — Но что это за вид — ну, это, кажется, не слишком важно сейчас. Что-то другое, наверное, имело куда большее значение в данный момент.

Договорив, он повернулся к Эймсу; его взгляд стал вопросительным.

Эймс кивнул.

— Ты имеешь в виду...стрелы...

— Поблизости варвары-охотники, — сказал Дорман. — Мы не могли бы отыскать более убедительных доказательств этого.

— Я не уверен, — сказал Эймс. — Они могли быть кочевниками — и они могли уже далеко уйти.

— Но неужели они бы просто убили зверя и ушли, не намереваясь вернуться за ним? Если, конечно, он не напал на них, а они убили его, чтобы защититься...

— Было бы ошибкой оставаться здесь и выяснять, — сказал Эймс. — Там может бродить немало варваров-охотников. Шансы невелики; вряд ли тот, кто убил этого зверя — это тот, кто утащил Джоан.

— Тогда совсем не имеет смысла стоять здесь, когда следы могут сказать нам, в каком именно направлении он пошел, — заметил Дорман. — Но я все еще думаю, что неподалеку может находиться какое-то первобытное поселение — скопление хижин из ледяных блоков, возможно.

— Возможно, если бы мы покружили, прежде чем продолжить путь, и осторожно поискали его, то получили бы определенное преимущество. Нас, вероятно, не застали бы врасплох, мы бы точно знали, с какого рода странностями столкнулись. Но я бы этого не советовал сейчас.

Тлана первой обнаружила новые следы. Было не удивительно, что ни Дорман, ни Эймс сразу их не увидели; снег вокруг убитого зверя был сильно истоптан, когда существо билось в судорогах, прежде чем рухнуть на равнину.

Дорману было легко представить эту борьбу: огромный зверь, готовый к бою, и охотник — или охотники — крошечный на фоне его необъятности, отступающий в страхе и посылающий стрелу за стрелой, все быстрее, прямо во врага. Или там были спокойные и бесстрашные, варвары, одетые в шкуры из животных, и в то же время грозные, наблюдательные и опытные, полностью уверенные в себе?

Тлана тверже сжала руку Эймса и потащила его вперед, указав вниз на два очень отчетливых отпечатка на примятом снегу, совсем близко от убитого зверя.

— Харви, взгляни! — воскликнула она, ее голос дрожал. — Эти отпечатки такие же большие, как те, которые мы ищем. Чуть больше, я думаю...

И Дорман и Эймс уставились на отпечатки, не говоря ни слова.

Потом Эймс пожал плечами:

— Само собой разумеется, все отпечатки, которые мы найдем, будут примерно одного размера, — сказал он. — В противном случае, это будет означать, что великан, который унес Джоан, был своего рода антропологическим курьезом, совершенно отличающимся от членов своего племени, или, если хотите, назовите их родственниками. Существует вероятность, конечно, что мужчины обычного размера и великаны бродят по этой равнине бок о бок, но это кажется маловероятным. В эпоху первобытного оружия народ, похожий на великанов, истребил бы своих мелких соперников.

— Или поработил их, — сказал Дорман. — В таком случае, мы могли бы увидеть и меньшие следы.

Эймс немного помолчал, а потом сказал:

— Я так не думаю. Далекое прошлое было, вероятно, совсем не похоже на то, каким мы его представляли. Взгляните. Вы видите много разбросанных больших следов и тут же начинаете думать о племенной войне, начале рабства и сложной социальной организации вместе с войной. Я предпочитаю просто думать, что люди огромного роста бродят по этим равнинам. Они просто большие, вот и все — у них, вероятно, есть несколько довольно скверных обычаев, с нашей, так называемой «цивилизованной» точки зрения.

Эймс поморщился, порицая себя за те страдания, которое он невольно причинил Дорману. Он увел Тлану от следов, поближе к зверю, и махнул рукой в сторону той цепочки отпечатков, по которой они следовали.

— Сейчас время имеет огромное значение, — сказал он. — А мы потратили его слишком много.

Дорман кивнул, печально согласившись, и вскоре они снова двинулась по равнине. Следы тянулись перед ними без малейшего разрыва. Дорман слегка успокоился, потому что боялся: следы могут внезапно исчезнуть и смениться бесконечными просторами нетронутого снега.

Они преодолели, должно быть, еще около мили, когда они наткнулись на другого убитого зверя.

Второй зверь оказался еще больше, чем первый, и из его тела торчала по меньшей мере дюжина стрел с длинными древками. Он был похож на слона, а его огромные бивни глубоко врезались в лед возле нелепо искривленного, покрытого шерстью тела. Красное пятно растекалось из бивней по льду, но огромная гора плоти, которая возвышалась над клыками, заставила Эймса и Дормана резко остановиться. Тлана ошеломленно вскрикнула, будто не веря своим глазам.

Тем не менее, когда Эймс наконец заговорил, его голос был так же спокоен, как тогда, когда чудовище, совсем не похожее на это и куда более ужасающее, удалялось неровным шагом по равнине после выстрела Дормана.

— Это шерстистый мамонт, — сказал он. — Теперь у нас есть указание на время. У нас есть первый признак того, что это может быть только последний ледниковый период. Век крупных млекопитающих — и человека эпохи плейстоцена.

Дорман был готов закричать, как и прежде; ведь случившееся нарушало какие-то принципы, лежавшие в основе его существования. *Как ты можешь оставаться таким спокойным!*

Затем он вспомнил, что сказал ему Эймс: он казался спокойным человеком только внешне; мысленно Дорман покался.

— В обычных обстоятельствах я захотел бы взглянуть на него поближе, — продолжил Эймс не так спокойно. — Я хотел бы провести здесь неделю, просто глядя на него, просто стоя спокойно и погружаясь в атмосферу чуда. Настоящий мамонт! После этого я бы начал проводить измерения и ожидать прибытия экспедиции.

Дорману хотелось возразить и напомнить, что таких мамонтов находили в Сибири довольно часто — их туши были закованы в замерзшую почву; даже мясо так хорошо сохранилось, что его можно есть без всякой угрозы для жизни. Но живой зверь — или только что убитый — да, это было по-другому. И вновь ему стало стыдно за свои поспешные решения.

Затем его беспокойство за безопасность Джоан ожило снова и все остальное, казалось, утратило для него всякий смысл.

Не потребовалось никаких уговоров с его стороны, однако, чтобы заставить Эймса и Тлану двинуться дальше. Лицо Эймса сейчас помрачнело, как будто время, которое они потеряли, несмотря на его краткость, очень беспокоило его. Он не только разделял озабоченность Дормана о безопасности Джоан, но и волновался о том, как напряжение и неопределенность могут повлиять на его друга, если не найдется ничего, что даст им какую-то надежду.

...Третий зверь лежал на равнине как раз за небольшой возвышенностью, которая скрывала его из виду до тех пор, пока путешественники не оказались почти над ним.

Это был огромный, белоснежный кабан. Его бивни казались почти такими же длинными, как у мамонта, и он был лишь немного меньше размером. Из него торчало

восемь стрел, одна вонзилась в шею. Зверь лежал на боку; он, очевидно, долго бился в агонии, потому что снег вокруг него был сильно разбросан в разные стороны и обнажился обширный участок голой земли, которая блестела, как отполированная медь, в лучах рассвета.

Следы подходили ближе к зверю, чем к двум другим, и Эймс остановился на мгновение, прежде чем спуститься по дальней стороне склона, и поднял руку в предупредительном жесте.

— Отойдите назад, — сказал он. — Там что-то есть — я не уверен, но я могу поклясться, что его бока немного шевельнулись, как будто он еще жив. Нам не следует подходить так близко, как к тому огромному бобру. Лучше не повторять ошибку.

— Не понимаю, как он может быть жив, — сказала Тлана. — Восемь стрел — и одна из них в шею.

— Давайте не будем рисковать, — быстро сказал Дорман. — Харви прав. Мы можем снова вернуться к следам достаточно легко, если будем держаться по крайней мере в ста футах от него, пока не отойдем на значительное расстояние.

— Нам лучше даже не спускаться по склону в этом месте, — сказал Эймс. — Это может привести нас слишком близко. Подождите...

Он указал на верхнюю часть склона.

— Просто пройти около семидесяти футов, — сказал он. — Это будет уже достаточно далеко. Мы сможем немного увеличить расстояние, когда снова окажемся на ровной земле.

Минуту спустя они спускались, казалось, на безопасном расстоянии. Но как только они достигли подножия склона и увидели, что кабан начал шевелиться, то осознали, что совершили ошибку.

Судорожная дрожь прошла по его телу, и прежде чем он смог развернуться и, пошатываясь, подняться по

склону, зверь с трудом поднялся на ноги, а потом помчался прямо на них, его красные глаза блестели, а его бока, залитые кровью, резко поднимались.

Обезумевший от боли монстр двигался так быстро, что оказался меньше чем в тридцати футах от склона, прежде чем Эймс смог извлечь свой большой лук из тонкого футляра из меховых шкур на плече, вырвать стрелу из колчана, свободно висевшего на талии, положить стрелу на тетиву, оттянуть тетиву и тщательно прицелиться.

Не более десяти футов отделяли заряженного кабана от склона, когда стрела нашла свою цель, вонзившись прямо между маленькими глазками зверя и заставив его содрогнуться и замереть.

Обе его передние конечности подогнулись, и зверь неуклюже повалился вперед, голова еще фута три проехала по снегу. Потребовалось много времени, прежде чем монстр умер; он стал казаться еще чудовищнее и уродливее, когда искра жизни угасла. Тело, которое осталось на замерзшей равнине, когда последний, судорожный спазм закончился, напоминало не дикого кабана, какого-то зверя с белым мехом, неопределенной формы, с раздробленными костями.

Эймс повесил свой большой лук обратно на плечо и затянул полоски меховой шкуры, чтобы убедиться, что оружие будет прочно держаться на месте. Он с беспокойством посмотрел на Тлану, которая, казалось, с большим трудом успокаивалась. Она немного покачивалась, но, когда Эймс двинулся вперед, чтобы успокоить ее, отмахнулась.

— Нет — мы должны продолжать, — сказала она, ее голос дрожал от наплыва эмоций. — Как будто ничего не случилось. Мы не должны останавливаться сейчас, даже не стоит говорить о том, как сильно нам повезло, что мы живы.

Дорман, который вообще не двигался, протянул руку и опустил ее на мгновение на плечо крохотной женщины. Он нежно сжал пальцы, зная, что Тлана поймет его правильно, догадается, что он благодарит ее за мужество и беспокойство.

Теперь не было никакой необходимости держаться в стороне от убитого зверя. Они вернулись к тому месту, где следы тянулись по снегу неразрывной двойной цепочкой.

Не было никаких указаний на то, что Джоан спотыкалась и падала, хотя путешествие оказалось уже довольно долгим. За это, по крайней мере, Дорман был благодарен.

Сколько миль, подумал он, они прошли, после того, как хижина стала совсем маленькой и исчезла в океане белизны? Четыре или пять, несомненно — может быть, и больше.

Теперь они брели молча, по-прежнему потрясенные увиденным. Насильственная смерть явно пришла на равнину, и хотя животные, убитые охотниками, не были чем-то необычным в мире, из которого они пришли, здесь все было совсем по-другому. Не только размер животных, но и дикая природа мира, где такие свирепые звери охотятся друг на друга и на человека, наполняла холодом сердце Дормана.

Разве это не означает, что охотники также учатся с детства ходить в смертной тени, всегда готовые убивать — больших зверей, безусловно, и, возможно, своих соплеменников, когда возникали споры по поводу добычи?

Разве могли чужаки, оказавшиеся в таком мире, говорящие на неизвестном языке, наделенные особой внешностью и повадками, просто возмутительно отличными от здешних, ожидать от них милости?

Ровная поверхность снова сменилась легким подъемом, когда Дорман услышал отдаленный бой барабанов.

Глава 13

Дорман остановился первым, напрягая слух, стараясь убедиться, что невероятный звук не был рожден ветром — дующим сквозь какую-нибудь далекую каменную пещеру с гулкими стенами или вздымающим снег таким образом, что он создавал своего рода резонатор.

Вначале, звук был очень слабым, но в одно мгновение стал громче; Дорман знал, что его могли издавать только настоящие барабаны, по которым ритмично стучат руки людей. Они слишком сильно напоминали барабаны из джунглей, которые он слышал не только в Мексике, но и во всех частях мира, куда только попадали люди с записывающими устройствами.

Он изучил все виды барабанной дробы, которые слышали на Земле в двадцатом веке, а также музыку древних; это стало частью долгих исследований, которыми он занимался, пытаясь получить направление от музея в это доколумбово месторождение.

Теперь остановился Эймс, а за ним и Тлана.

— Барабаны, — сказал Эймс. — Это невероятно. Человек эпохи палеолита не мог изобрести барабаны. Они не из эры необработанного камня.

— Не могли? — спросил Дорман. — Как насчет стрел, которыми убили тех животных? Нет ничего такого уж сложного в барабанах. Это всего лишь самый примитивный музыкальный инструмент.

— Но у них нет музыки, — запротестовал Эймс.

— Ой, да бросьте, — сказал Дорман. — Она, вероятно, предшествовала языку жестов или гортанной речи. У них были барабаны, ну, и другие звучные инструменты. Я всегда так думал, а сейчас я в этом уверен. Ты не можешь ожидать, чтобы музыкальные артефакты сохранились в течение миллионов лет. Грубо обтесанные

камни из так называемого древнего каменного века, были, вероятно, просто детскими игрушками.

Дорман продолжил после паузы:

— Хенли написал: «Ритмы копируются у природы, когда музыка пребывает в младенческом состоянии». Эти барабаны копируют такие ритмы прямо сейчас.

— Скажи мне кое-что, — сказал Эймс. — Как давно появился мамонт? Я имею в виду — нет ли каких-нибудь геологов, которые полагают, что последний ледниковый период был не так давно? И что люди, которые охотились на мамонтов и мастодонтов, могли быть варварами неолитического периода?

— Мы просто не знаем наверняка, — сказал Дорман. — Все зависит от того, какую геологическую временную шкалу мы предпочитаем. Она отодвигается все дальше и дальше в последние годы. Я бы сказал, по предварительным оценкам, плейстоцен должен был наступить, по крайней мере, миллион лет назад, хотя некоторые геологи полагают, что он еще не закончился. И миллион лет назад человек был, по крайней мере гипотетически, палеолитическим.

— Это чертовски запутано, — сказал Эймс. — По крайней мере, мне всегда так казалось. Миллион лет может означать то же, что и пятьдесят тысяч лет, не так ли — на другой геологической шкале времени?

— Может, и да. Вот почему мы точно не знаем, какими были люди из последнего ледникового периода — были они дикарями каменного века или варварами времен неолита. И я не уверен, что когда-нибудь была такая вещь, как дикарь каменного века, если только ты хочешь пройти весь путь обратно к рассвету человека. Мы не знаем, как далеко человек эпохи палеолита мог продвинуться в некоторых направлениях культуры. Существуют быстро исчезающие артефакты, которые не

смогли бы сохраниться в наш век, даже если бы их похоронили с людьми каменного века.

Барабанная дробь теперь приближалась. Звуки были совсем не похожи на музыку аборигенов или на какие-то сообщения, передававшиеся барабанами глубоко в джунглях Африки и Южной Америки. Они казались простыми — и в то же время сложными.

Почему-то это насторожило Дормана.

Тлана подошла ближе к Эймсу, и теперь они оба стояли, глядя на равнину впереди, неподвижно и внимательно, как будто боялись, что малейшее движение может сделать их слух менее острым.

Звук стал почти оглушительным, когда широкий участок равнины впереди заполнили движущиеся фигуры. Их внезапное появление, решил Дорман, должно означать, что склон скрывал какую-то более или менее глубокую низину.

Теперь люди столпились на вершине; они были уже не просто темными силуэтами на фоне неба. Барабанщики, казалось, шли быстрее, но и остальные двигались достаточно быстро.

Они были не так высоки, как думал Дорман, руководствуясь только их следами. Ни один из них не был меньше шести с половиной футов в высоту, а большинство — значительно выше. Их было пятьдесят или шестьдесят, и солнечный свет блестел на их каменных орудиях — длинных и тонких, по форме напоминавших копья, и других, коротких, похожих на топоры, привязанные к запястьям полосками кожи. Барабаны были огромными, и такими же были люди, которые их несли, их массивные кулаки поднимались и опускались, как будто они били по наковальням, создавая некие невидимые скульптуры в такт стуку пальце.

Лица поразили Дормана сильнее всего. Это были почти первобытные люди времен рассвета человечества —

если можно доверять музейным реконструкциям — и они нимало не походили на кроманьонцев. Почти также поразительным показалось и их одеяние. Некоторые почти ничего не носили, другие прикрывались тонкими меховыми шкурами, охватывавшими поясницу. Другие носили клочковатые меха, которые вряд ли защищали от холода, потому что скудная одежда оставила плечи обнаженными, а нижние конечности были и вовсе голыми.

Они так отважно бросали вызов холоду, что Дорман испугался, когда сократилось расстояние, отделявшее варваров от Эймса — который по какой-то непонятной причине шел по равнине прямо к ним: Дэвид подумал, что эти существа могут быть такими же хладнокровными и неуязвимыми во всех отношениях.

Эймс находился в десяти футах от барабанщиков, которые продвигались колонной по двое; Харви резко остановился и поднял руки. Дорман вдруг осознал: Эймс по глупости предположил, будто жест дружбы, примитивный по своему происхождению, окажется универсальным.

Было слишком поздно кричать, что он совершает ужасную ошибку, что это жест может означать множество вещей, что существовали первобытные племена, которые предпочитали верить, будто данный жест означает вызов, готовность вступить в борьбу со смертью — или смертное оскорбление.

Беспокойство Дормана усилилось, когда он увидел, что все барабанщики перестали двигаться и отбивать ритм. Позади них тоже воцарилась тишина, вся равнина замерла в неподвижности.

Тлана, казалось, разделяла его тревогу, потому что теперь в ее глазах было еще больше страха, чем в тот момент, когда она впервые увидела барабанщиков и

людей с каменным оружием, которые толпой шли через перевал.

Все произошло так неожиданно, что поначалу Дорман даже не мог поверить: то, чего он боялся, произошло на самом деле. Один из самых высоких воинов — из-за барабанов Дэвид не мог не думать о них как о воинах или о первобытных охотниках — прошел мимо барабанщиков и встал лицом к Эймсу; во взгляде его тлея едва сдерживаемая ярость. Каменный топор висел в руке, резко согнутой в локте; кулак был плотно сжат.

Человек был почти семи футов ростом и держался как предводитель. Вдруг его рука взметнулась — вместе с топором — и обрушилась на голову Эймса.

Топор пронесся в нескольких дюймах от черепа Эймса, но кулак опустился на правую сторону его головы и отбросил Харви в снег.

Дорман стряхнул оцепенение, которое ненадолго им овладело, и бросился по снегу туда, где лежал Эймс, безжизненный, неподвижный. Тлана изо всех сил вцепилась в его руку.

— Нет, подожди! — умоляла она. — Ты только убьешь себя, а он бы этого не хотел. Вспомни, что он сказал: «Джоан была мудра и не стала не сражаться». Выждав, ты сможешь сделать больше для его спасения.

Ее голос сорвался, на мгновение, а затем она продолжила с еще более дикой настойчивостью.

— Он начинает двигаться. Дай ему подняться. Он поймет, что делать. Мы не должны их злить.

Дорман не обратил бы внимания на ее совет; он чувствовал, что может сделать больше, чем человек, сваленный таким жестоким ударом, он может остановить высокого воина — но времени на это не оставалось. Эймс пролежал на снегу не более нескольких секунд; поднявшись, он поднял руку и эхом повторил слова Тланы.

— Не подходите — оставайтесь там, где вы есть! — кричал он. — Мы должны убедить их, что мы не опасны.

У Дормана промелькнуло в голове: очень сомнительно, что высокий воин мог опасаться Эймса; за спиной варвара стояло множество соплеменников, а Эймс был явно беззащитен. Очевидно, жест, который сделал Эймс, разозлил его. Но теперь Эймс не был застигнут врасплох, и это, по крайней мере, заставило его выкрикнуть слова, на которые, кажется, стоило обратить внимание. Эймс вооружился тем единственным, что у него оставалось — терпением и хладнокровием; он понимал, что стоявший перед ним великан должен немного успокоиться.

В противном случае — смерть, быстрая и безжалостная; наверняка и Тлану не пощадят.

Восхищение и уважение Дормана по отношению к Эймсу возросло, когда он увидел, как большой человек обходил Харви. Эймс качал головой, разводил руками, изображая беззащитность, указывал высокому воину, что он не носил другого оружия, кроме лука, висевшего на спине; демонстрируя это, он распахнул свое меховое одеяние. Дорман уловил блеск металла и понял, что это пистолет. Но ему показалось, что высокий воин вряд ли сочтет его оружием.

Или все-таки.... Конечно, он этим озадачен, и если у него возникнет мысль, что перед ним какая-то смертоносная громовая палка...

Сомнения Дормана сменились облегчением, когда он увидел, что высокий воин позволили Эймсу опустить одежду и прикрыть кобуру пистолета, висящую на талии; он не пожелал осматривать оружие.

Возможно, он боялся прикоснуться к нему, но убедил себя, что, если бы металл был по-настоящему опасен, Эймс не спрятал бы его от врага. Невозможно предугадать, как механическое приспособление — да и любой

металлический предмет — будет воспринято в культуре каменного века, когда с ним столкнется разум, не способный представить металл в другом состоянии, кроме естественного.

Эймс продемонстрировал свое бессилие спокойно и смело, позволив воину увидеть, что он подчиняется обстоятельствам только потому, что у него нет выбора. Он встретился с взглядом воина, не проявляя страха, и хотя, будучи обычным человеком, он вряд ли мог не испытывать опасений, но все же продемонстрировал величайшее самообладание.

Вполне возможно, что существовали люди, которые любили жизнь, но на самом деле совершенно не боялись смерти. Этого нельзя исключить, но почему-то Дорман не думал, что Эймс был таким человеком. Он никогда не встречался и не разговаривал с такими людьми, и вряд ли можно было сказать, что он сам испытывает подобные наклонности. Стоять перед лицом смерти, сохраняя хладнокровие, и не тревожиться о том, когда настанет твой последний час — это две совершенно различные вещи. Теперь высокий воин отошел на несколько шагов от Эймса и начал ходить взад и вперед. Он не сводил глаз с Харви, но бросал случайные взгляды в сторону Дормана и Тланы, как будто проверяя, что они не попытаются сбежать.

Это движение чем-то напоминало хождение взад-вперед человека двадцатого века, погруженного в свои мысли, не способного решить какую-то неприятную проблему — хотя сходство могло быть чисто внешним. Но постепенно положением изменилось и усложнилось: высокий воин перестал расхаживать по прямой линии, он стал медленно обходить Эймса, не один, а полдюжины раз, по-прежнему не сводя глаз с Харви.

Может, это значит, нервно подумал Дорман, что высокий воин исполнял своего рода магический ритуал —

предназначенный, возможно, для изгнания опасных злых духов из тел чужаков? Это было достаточно распространенной практикой среди индейских племен в бассейне Амазонки и в других местах, но это, казалось, плохо согласовывалось с предшествующим поведением воина. Если бы он боялся, что Эймс одержим демонами, стал бы он рисковать, сбивая его с ног ударом, прежде чем выгнать духов? Для первобытного ума не было более надежного способа вытолкнуть злых духов из тела одного человека и заставить их броситься в тело другого – вот неизбежный результат такого акта насилия.

Дорман вдруг решил, что высокий воин просто кружил вокруг Эймса, стараясь наблюдать за ним со всех сторон, пытаясь убедиться, что он не совершил ошибки, отказавшись убить противника.

Сейчас на равнине началось движение, беспокойство усилилось, и стало очевидно, что даже вождь племени мог вызвать нетерпение и недоверие, если он слишком долго не мог принять решение.

Если жест дружбы Эймса можно было неправильно истолковать, то нельзя было ошибиться в том, что означал жест высокого воина, переставшего расхаживать вокруг Эймса.

Он просто поднял руку и указал прямо на Дормана и Тлану, его костлявый указательный палец тыкал в воздух. Четыре вооружённых топорами воина, ростом чуть ниже лидера, немедленно отделились от беспокойной толпы, и направились туда, где стояли Дорман и Тлана.

Настал миг почти невыносимой неуверенности, когда сердце Дормана замерло, а потом бешено забилося в груди. Он испытывал странное чувство: каким-то совершенно ужасным образом острое каменное лезвие раскалывало его голову, рассекало череп, разделяло мозг напополам.

Затем он заковылял вперед – на поясницу ему давило что-то, что могло быть человеческим кулаком, но твердым как камень. Он знал, что его мозг был в безопасности, что ничего с ним не случилось, ибо солнечный свет по-прежнему ярко блестел на снегу перед ним, а Тлана шагала рядом.

Затем он поднял взгляд и увидел Эймса, дожидавшегося, пока они к нему присоединятся. Харви уверенно кивал. После этого Дэвид на мгновение пришел в замешательство; ему было трудно осознать, что все они двигались вместе по равнине в сторону, откуда пришли варварские воины.

Барабаны снова забили, и трое барабанщиков вышли вперед. По крайней мере, пленникам не приходилось думать, что они возглавляют процессию, не имея ни малейшего представления, как долго им удастся ещё прожить и к чему может привести движение в неправильном направлении.

Глава 14

Равнина не изменилась и все же пустота как будто стала более зловещей; казалось, за каждым склоном прятались темные фигуры, только и ждущие того, чтобы вскочить и присоединиться к идущим воинам, пополняя их призрачные ряды, возвращая погребенное прошлое Земли.

Дорман продолжал идти так же быстро; его непрерывно тыкали в поясницу или между лопатками — похоже, твердым кулаком, а иногда тупым концом каменного топора; у него не было возможности поговорить с Эймсом. А несколько слов, которыми им удалось обменяться с ним, не принесли утешения.

Несмотря на то, что к Эймсу вернулось привычное внешнее спокойствие — он никогда не проявлял чрезмерного волнения, — Харви не попытался скрыть от Дормана, насколько он беспокоится из-за Тланы.

— Я понятия не имею, что может твориться у них в головах, — сказал он. — Когда тот высокий парень, Человек Номер Один, принял решение на мой счет, я попытался разыграть самый лучший спектакль. Тлана готова была рухнуть на землю — да и ты выглядел не слишком хорошо. Я пытался заставить ее поверить, что абсолютно спокоен, что все будет в полном порядке. Но на самом деле не думаю, что мне удалось побороть их враждебность.

— Но если бы не получилось — разве этот дикарь с горящими глазами не сбил бы тебя с ног еще раз? Или он накинулся бы на тебя со своим топором?

— Возможно, нет, — сказал Эймс. — У меня такое чувство, что мы более полезны им живыми, а не мертвыми, что он просто потерял голову на мгновение. Он

неправильно истолковал мой дружеский жест, по-видимому.

— Я мог бы тебе это сказать, — заметил Дорман. — Посоветуйся с археологом, прежде чем снова совершить подобный опрометчивый поступок.

— Что было — то прошло, и осталось без последствий, — сказал Эймс. — Мы не имеем понятия, куда они ведут нас и что они для нас приготовили. Мне все это не нравится.

Он оглянулся на Тлану, когда говорил; лицо его помрачнело. Она плелась несколькими футами позади них и выглядела еще более крошечной, чем когда-либо, между двумя высокими варварами воинами, которые двигались по бокам от нее.

— Ты сказал — посоветоваться с археологом, — мрачно продолжил Эймс. — Мы могли бы воспользоваться советом антрополога, а также этнолога и десятком или более высококвалифицированных экспертов в смежных областях — в том числе и социолога с какими-нибудь знаниями, полученными из первых рук о том, какова была социальная структура в последнем ледниковом периоде. По крайней мере, хорошая догадка. Я всегда был не силен в разгадывании загадок.

Прежде чем Дорман успел сказать что-нибудь в ответ, его снова толкнули вперед и в следующий раз, когда Эймс поравнялся с ним, в глазах его друга было такое страдание, что Дорман подумал: лучше бы вообще не говорить ничего.

Они прошли по равнине две, а может, и три мили. Но ни один из варваров, казалось, не устал; барабаны продолжали непрерывно и ритмично стучать.

Затем равнина внезапно начала подниматься под необычайно острым углом и беспощадные толчки в спину Дормана стали такими частыми, что ему пришлось передвигаться в два раза быстрее, чем раньше. Процессия

прошла по вершине склона и спустилась туда, где почва снова стала ровной, под громовой бой барабанов, отражавшийся эхом в ушах Дормана и почти оглушавший его. Затем внезапно все остановились.

Впереди них вырисовывалось высокое, совершенно круглое ледяное сооружение, похожее на амфитеатр, и, хотя Дорман не мог сказать, где остановилась процессия, но в любом случае они больше не были под открытым небом; хотя ему все одно казалось, что они не входили ни в какое помещение.

Рядом располагалось сооружение поменьше, тоже круглое, с большим дверным проемом, вырезанным во льду и похожим на тот вход, который Эймс вырубил топором в ледяной хижине; на тот самый вход, которым воспользовалась Джоан, когда встала ночью и была похищена. Насколько было бы лучше, если бы хижине вообще не имелось дверей, если бы Эймс пригласил их всех внутрь, и немедленно завалил вход; если бы он зажег огонь и позволил бы им в духоте спокойно уснуть и отойти в вечность.

Дорман заставил себя выкинуть все подобные мысли из головы и уцепить за старый трюизм — пока есть жизнь, есть и надежда. В тот момент подобная идея не казалась ему совсем уж нелепой.

Теперь его снова толкали вперед, в сторону двух сооружений. Быстрое возвращение заставило его осознать, что пока воины будут стоять без движения, их пленникам придется куда-то отправиться. Эймсу и Тлане тоже пришлось идти вперед в сопровождении четырех вооруженных топорами воинов, которые всю дорогу шли по обе стороны от Тланы и прямо позади Эймса, постоянно тыча в пленников тупыми концами топоров.

По сигналу Человека Номер Один, как назвал его Эймс, они отделились от остановившейся процессии и заставили пленников преодолеть сто футов снега и льда,

которые отделяли основание склона от того, что казалось амфитеатром ледникового периода. Дорман первым добрался до сооружения из блоков льда. Но прежде чем он смог рассмотреть его и измерить взглядом с близкого расстояния, его ткнули вперед, в меньшее сооружение, примыкающее к большому.

То, что произошло потом, случилось так быстро, что на мгновение показалось фантасмагорией, иллюзией из света и теней, высоких языков пламени, нелепо согнутых и скачущих ужасных фигур. Они, казалось, были решительно настроены схватить его и бросить в огонь, прежде чем он оправился от ошеломляющего удара, нанесенного посреди спины.

Дорман понесся вперед, вытянув руки, чтобы удержаться от падения, и натолкнулся на окаменевшую стену льда, отбросившую его назад.

Затем он встал на колени на снегу и медленно повернулся; зрение постепенно прояснялось. Прежде чем Дэвид смог разглядеть, кто коснулся его, чьи руки вцепились в его тело и куда его потащили, — он уже осознал, что не стал жертвой фигур из темноты, намеревающихся затащить его в огонь.

Голос, который сопровождал его, не принадлежал тому какому-то дьявольскому чудовищу, это был знакомый голос. Вскоре Дэвид перестал сопротивляться, почувствовав нежные, трепетные прикосновения.

Когда его зрение окончательно прояснилось, он не смог разглядеть лицо Джоан в свете огня, потому что она вцепилась пальцами в его волосы и притянула к себе его голову, чтобы поцеловать — безумно, страстно, прямо в губы.

Наконец их губы встретились, и долгое время не смыкались, и восторг и сладость были в длящемся поцелуе, и они не хотели останавливаться даже для того, чтобы перевести дыхание, они не задумывались ни о

чем, кроме того, как можно уничтожить время и остаться в бесконечности этого чудесного мгновения.

Они все еще сплетались в одном бесконечном объятии, когда Эймс и Тлана вошли, спотыкаясь, в маленькое круглое ледяное сооружение.

Глава 15

Они снова были вместе. Но если время, пока отсутствовала Джоан, казалось долгим для Эймса и Тланы, то для Дормана оно было вечностью; эта вечность казалась невыносимой, каждая минута разлуки усиливала его постоянно возрастающие сомнения и терзания; безумные образы никак не покидали его сознания.

Они непрерывно беседовали около часа; потребовалось много времени, чтобы известить Джоан обо всем произошедшем. Хотя и Джоан не молчала, только сейчас она помогала им объединить две части того, что в противном случае оказалось бы запутанной головоломкой, превосходящей по сложности все прочие головоломки в мире.

Этот ребус как будто плавал в море тайн, и они делали все возможное, чтобы вырвать его из воды, прежде чем он полностью исчезнет из виду.

Они сидели у костра, немного большего и горящего более ровно, чем тот, который Эймс вынужден был поддерживать, подбрасывая хрупкие веточки в очаг посреди ледяной хижины. Казалось, за их спинами находилась хорошая вентиляционная шахта, потому что они не испытывали никакого неудобства от дыма и испарений.

Вокруг них танцевали отблески света от костра, озарявшие ледяные стены, которые были примерно пятнадцати футов высотой и отличались идеально круглой формой. Окружность была достаточно велика, и площадь сооружения была примерно в три раза больше, чем у той хижины, которую построил Эймс, полагаясь лишь на каменный топор и свои инженерные познания.

Несколько варваров перекрыли входное отверстие массивным блоком, напоминавшим надгробную плиту, вырезанную из льда; эта глыба служила дверью. Впол-

не возможно, Эймс и Дорман вместе могли бы откатить ее в сторону, но в данный момент у них не было ни малейшего желания так поступать.

Гораздо более важно — и, вероятно, менее самоубийственно, как полагал Дорман — было воздерживаться от таких попыток, пока Джоан не умолкла и пока он не сможет снова заключить ее в свои объятия. Если ее слова убедят их, что попытка откатить камень представляется вполне разумной, у них было бы достаточно времени, чтобы взвесить шансы и сделать это немедленно или подождать, пока угаснет огонь. Последнее, вероятно, займет несколько часов, и в результате действие станет менее рискованным, так как с наступлением темноты вероятность успешного побега явно возрастет.

— Три мертвых зверя, которых вы видели, — говорила Джоан, — были убиты в один день новичком из племени. Они теперь считают его самым могущественным из охотников, почти богом.

— Но как ты узнала об этом? — спросил Эймс. — У них такой гортанный язык, который было бы трудно понять, даже если бы у нас оказалось... ну, что-то вроде Розеттского камня ледникового периода.

— Я видела новичка, — сказала Джоан. — Я видела его — и он говорил со мной. У меня не возникло совсем никаких проблем, я понимала каждое его слово. И у тебя тоже не возникнет никаких проблем, Дэвид. Он говорил на диалекте прибрежного района Мексики — полуиндейском, полу-испанском. Я уверена, что он, должно быть, сошел с ума — очень опасное сумасшествие — иначе он не схватил бы тебя в заливе и не утащил бы с собой, когда перевернулась лодка.

Дорман на мгновение уставился на нее, ошеломленный, недоверчивый.

— Ты имеешь в виду того бородатого парня, который пытался помешать мне добраться до гарпунной пушки? Этот сумасшедший, фанатик...

Джоан кивнула.

— Свет кружился и над ним тоже, Дэвид. В то время, когда он пытался забраться на перевернутую лодку. Помнишь?

— Я вряд ли забуду это, — сказал Дорман. — Но почему-то подобная мысль никогда не приходила мне в голову... О, мой Бог. Вот почему он шел за нами...

— Или шел впереди нас, — сказала Джоан, кивая. — В этом, кажется, нет ни малейшего сомнения, поскольку он здесь — в очень опасном месте. Он не только ненавидит тебя, Дэвид. Как только он увидел меня, он попытался — ну, он схватил меня за плечи и ударил по лицу. Я думаю, он убил бы меня, если бы один из тех... тех ди-карей не оттащил его в сторону. О, мне не следует их так называть. Тот, кто принес меня сюда, не поднял на меня руку после того, как опустил на землю, а тот, который спас меня, рисковал своей собственной жизнью. Как я вам уже сказала, после того, как сумасшедший убил зверей, они поклоняются ему почти как богу.

Эймс, казалось, разволновался гораздо сильнее, чем мог представить Дорман. Что его так беспокоило, кроме несколько неожиданного происшествия, из-за которого возникла угроза жизни Тланы.

— Он приказал варвару, который тебя принес, доставить тебя сюда? — спросил Эймс. — Я имею в виду... ты говорила с ним достаточно долго, чтобы это узнать.

— Нет, не достаточно долго, — сказала Джоан. — Но я не думаю, что он мог этому как-то помешать. Это был, возможно, варвар, который вернулся за своим топором. Он, вероятно, вернулся во второй раз, чтобы узнать о нас побольше. Подобное было бы вполне естественно для него — он проявил такое же любопытство, какое прояви-

ли бы мы на его месте. И когда я выглянула из хижины и увидела его, он решил доставить меня к себе в лагерь. Он, возможно, думал, что новичок, могучий охотник, проявит интерес ко мне как к женщине. Могучие охотники, мужчины, похожие на богов, тоже могут быть интересоваться женщинами.

— Он, кажется, довольно сильно интересуется женщинами, — сказал Эймс. — Но не совсем не так, как полагали варвары... Если ты правильно поняла его.

— Если я доберусь до этого сумасшедшего, то от него ничего не останется, и он уж точно не сможет ничем интересоваться, — пробормотал Дорман.

— Тебе следует радоваться, что так вышло, — сказала Джоан. — Если бы я заинтересовала его в том смысле, в каком предполагалось, у вас было бы в десять раз больше причин для того, чтобы пожелать его смерти. Он ударил меня только один раз. Удар был сильный, но моя щека даже не опухла.

— Это не относится к делу, — сказал Дорман. — Если он достаточно разозлился, чтобы тебя ударить, то его порочный нрав помешал бы ему остановиться. Что заставляет тебя думать, что он не продолжил бы и не изнасиловал тебя — если бы его не остановили. Ты не можешь быть такой наивной.

— Дэвид прав, — сказал Эймс. — Тлана в такой же опасности до тех пор, пока мы заперты здесь, а он остается жив. Убить его при первой же возможности должно стать нашей первой задачей — если мы наткнемся на него после того, как откатим камень. Тот факт, что он кажется каким-то маньяком, делает его еще более опасным.

— Я знаю, — сказал Дорман, кивнув. — Наши другие друзья могут быть намного менее опасными, несмотря на их первобытный вид. Тот, который принес Джоан, не навредил ей, а другой пришел ей на помощь. Они не все

такие, конечно. Те, которые продолжали толкать нас во время прогулки, на которую нам пришлось отправиться, были настоящими. И я не уверен насчет высокого воина. Твой жест — жест дружбы — мог разозлить его до предела.

Затем впервые заговорила Тлана:

— Они вполне могут проявлять благородство, — сказала она. — Некоторые из них могут быть жестокими, да. Как может быть иначе, когда они такие же люди, как мы. Но они живут на хорошей Земле, и они знают, как прекрасны яркие огни в небе и сменяющиеся времена года. Они хоть немного меняются, даже здесь. Здесь нет цветов, которые можно заботливо выращивать, но снег может быть таким же красивым. Но они не подрывают почву или не изобретают способов разорвать землю на куски.

— Опять она за свое, — сказал Эймс. — Бесполезно напоминать ей, что когда-то мы были такими же, как они. Или что их потомки в конце концов станут точно такими же, как мы.

— Не все их потомки, — сказала Тлана. — На Земле живут миллионы мужчин и женщин, которые все еще обитают близко в глубинах джунглей и не порывают связей с природой. Почему бы им не поклоняться могучему охотнику, как богу, даже если он может оказаться сумасшедшим? О, я знаю. Это, пожалуй, неправильно — убивать животных, даже ради еды. Уничтожать деревья и цветы, если речь идет только о еде. Но такое случается нечасто, и это всегда испытание — на ловкость и мужество; один человек против могучего зверя. Разве это не прекрасно — стать великим и непобедимым охотником? Почему бы ему не поклоняться как богу?

— Я мог бы назвать тебе полдюжины причин, — сказал Эймс. — Твой непобедимый охотник, Тлана, с таким же успехом может оказаться злостным мерзавцем. Он

может быть маньяком-убийцей или здравомыслящим человеком, в душе готовым на убийство. Ты не можешь судить о характере человека только по одной вещи, которую он делает хорошо. В противном случае я не имею ничего против убийства зверей.

— А я имею, — сказала Джоан. — Я не верю в убийство животных ради развлечения. Но мы выбрали очень странное время, чтобы поговорить о том, во что мы верим, а во что не верим. Наше положение чрезвычайно опасно. Мы можем, по крайней мере, согласиться с этим.

— Послушайте. Возможно, нам придется принять радикальное решение, и мы не можем позволить себе такого рода благородство, Тлана, мы не можем обеспечить врагу презумпцию невиновности. Когда речь идет о том, чтобы убить или быть убитым...

Он резко умолк, схватил Дормана за руку и указал на закрытый валуном проход, который был вырезан во льду. Валун двигался, его медленно, но неуклонно откатывали в сторону.

На мгновение показался слабый лучик света, затем огромный поток яркий поток солнечных лучей устремился в открытый проем, и шероховатая поверхность валуна скрылась из виду.

Шесть высоких воинов вошли в хижину, все они слегка наклонялись, когда миновали вход, который был на три или четыре дюйма ниже их голов. Воины выстроились вокруг четырех пленников.

Один из них произнес четыре слова на испанском, которые, как мгновенно понял Дорман, были позаимствованы у бородатого парня.

Грубо переведенные на английский язык, четыре слова означали: «Пошли! Время уже пришло».

Глава 16

Лютое пламя солнечного света нещадно опаляло них, наполовину ослепляя; в этих лучах высокие, заполненные зрителями ледяные уступы, которые возвышались над ними, казались непрерывно качающимися взад и вперед. Уступы, общим числом восемь или десять, были окружены огромными сооружениями из ледяных блоков, мимо которых им пришлось пройти. Шесть воинов беспощадно толкали пленников, пока не достигли позиции у основания нижнего уступа.

Солнце застыло почти прямо у них над головами, и лучи казались невыносимо яркими. Но свет, отраженный от снега и льда под их ногами и от возносящихся ввысь уступов, был гораздо более ослепительным. Не было способа укрыться от него, потому что всякий раз, когда они закрывали глаза, им казалось, лучи проникают сквозь веки прямо в голову.

Тридцать или сорок воинов на каждом уступе стояли почти неподвижно, глядя вниз; в руках они держали каменные топоры.

На мгновение приподняв головы, пленники смогли разглядеть только воинов, окутанных мерцающей дымкой. Тогда Эймс слегка коснулся плеча Дормана и указал вверх, на уступ, на котором возвышалась одна фигура; человек застыл так же неподвижно, как воины, скрестив руки на груди.

Бородатый парень нисколько не переменился. Он носил не меха, а невзрачную, несколько потрепанную одежду бедного мексиканского рыбака; на плечах висело пончо — то самое пончо, которое было на нем в холодных водах залива, когда юноша выпал за борт перевернувшейся лодки, не прекращая яростно сражаться с Дорманом.

Он нисколько не переменился — прежним осталось даже выражение лица. В его глазах по-прежнему блеснули искры безумия, видимые даже с большого расстояния, среди мерцания снега и льда. Он стоял на уступе, прямо напротив того места, где находился Дорман. Это был единственный уступ, на котором не располагались другие дикари — и одиночество лишь подчеркивало удивительный облик юноши; он напоминал изможденного ястреба, сидящего на краю пропасти и готового слететь вниз, чтобы наброситься на добычу, которую завидели его зоркие глаза.

Совершенно неожиданно позади Дормана началась суматоха; полуобернувшись, он заметил, что шесть воинов уходили прочь. Они удалялись от Эймса, Тланы и Джоан, направляясь к входу в ледяное сооружение, из которого вышли.

Тогда Дэвид почти развернулся, но прежде чем ему удалось привлечь внимание Эймса к переменам, которое произошли позади, воины исчезли, и они остались одни.

Было еще что-то, чего до сих пор не осознали ни Дорман, ни Эймс. Длинная двадцатифутовая нора между гладкой поверхностью льда, на которой они стояли, и нижним уступом. И из этого отверстия теперь стремительно поднималось нечто, сверкающее в солнечном свете — нечто чешуйчатое и огромное или ползло, или выходило из пещерной тьмы на свет на глазах у собравшихся наблюдателей.

Существу понадобилось не больше нескольких секунд, чтобы выбраться наружу и двинуться по льду в сторону Эймса. Оно приближалось и к Дорману, Джоан и Тлане, но вернее всего — к Эймсу, который сделал три или четыре быстрых шага вперед, завидев монстра.

Это была гигантская, белоснежная ящерица, почти такая же большая как первый из трех убитых зверей, на

которых они натолкнулись. И тут, совершенно неожиданно, громкий, ритмичный барабанный бой послышался снова, с одного из высоких уступов.

Дорману казалось невероятным, что Эймсу позволили сохранить большой лук, привязанный к плечу, что они не отобрали у него оружие даже во время заключения; лук приобрел бы огромное значение, если бы им каким-то образом удалось откатить валун. Это даже заставило Дэвида задуматься, не сошли ли воины с ума.

Но теперь он мог увидеть, что в их безумии была система. Отнять лук и вернуть его перед появлением зверя — это предупредило бы его об опасности почти тотчас же. Это помешало бы застать его врасплох и лишить жестокого, зрелищного развлечения, напряженного момента ожидания, когда быстрота ума и скорость руки Эймса будут важнее, чем сам лук.

Дорман услышал, как Тлана закричала от страха, и развернулся, чтобы убедиться, что девушка не потеряет голову и не бросится в сторону Эймса. Джоан стояла неподвижно, глядя на стремительно наступающую рептилию. Но Тлана уже начала шевелиться и Дорману пришлось встать у нее на пути и жестом приказать ей вернуться назад.

Теперь большой лук был у Эймса в руке, и он вытаскивал стрелу из колчана, висевшего на поясе. Он натянул тетиву, быстро сделал шаг назад и поднимал лук до тех пор, пока стрела не нацелилась прямо в голову чешуйчатого чудовища.

Раздался пронзительный, вибрирующий звук, когда стрела сорвалась с тетивы.

Огромная рептилия была в тридцати футах от Эймса, когда стрела с глухим звуком ударилась в середину ее чешуйчатого горла, заставив монстра встать на дыбы со звуком, похожим на резкий вздох.

Почему-то звук показался более пугающим, чем самый громкий рев раненого льва или тигра. Тварь на мгновение замерла в почти вертикальном положении, размахивая в воздухе своими когтистыми передними конечностями. Затем оно опустилась на четыре конечности и помчалась вперед.

Эймс отступил на несколько футов, но зверь снова почти навис над ним, когда еще одна стрела нашла свою цель, в этот раз прямо между глаз чешуйчатого чудовища.

Он вряд ли мог выбрать цель точнее, в более важном месте. Но зверь теперь передвигался стремительными прыжками, две стрелы, покачиваясь, торчали из его тела.

Одна из передних конечностей монстра внезапно ударила Эймса в грудь, бросив его на лед; тварь проскочила мимо человека и опустилась на землю в тридцати футах от него. Существо снова встало на дыбы, покачиваясь взад и вперед, и начало медленно поворачиваться.

Эймс не вставал. Он лежал на льду, большой лук валялся в двух ярдах от него, смятый колчан оказался внизу, в нем торчала лишь одна стрела.

Огромная рептилия не возвращалась к человеку. Она развернулась почти на 180 градусов и двинулась по направлению к Джоан и Тлане. Она снова упала на все четыре конечности и, казалось, умирала; длинное туловище судорожно тряслось. Это должно было замедлить ее продвижение по льду, но ни один здоровый зверь не мог бы двигаться быстрее.

В том направлении, в котором двигалась тварь, стоял и Дорман. Но он почти тотчас отскочил с ее пути; Дорману потребовалось не более пяти секунд, чтобы добраться до места, где лежал Эймс, и подобрать лук. Он

быстрым движением выхватил из колчана стрелу, направил ее на цель, туго натянул тетиву, выпрямив руку.

Он тщательно прицелился, держа лук на уровне плеч. Хотя он прежде никогда не целился из большого лука, и оружие вдруг показалось гораздо больше и тяжелее, чем было на самом деле, но стрела сорвалась с тетивы с таким же вибрирующим звуком, как та, которую выпустил Эймс в горло чешуйчатого чудовища.

Огромная ящерица снова встала на дыбы, и Дорман целился ей не в горло, а в другое место – туда, где находилось ее медленно бьющееся сердце.

Ничто теперь не имело значения, кроме того, как огромная ящерица падала, и облегчение охватило его, когда он увидел, что она резко застыла.

Он не поверил бы, что такой огромный зверь, броненосный и хладнокровный и совершенно не похожий на млекопитающих, мог так моментально умереть – ни за что не поверил бы, если бы не увидел, как это происходит.

Зверь совершенно не двигался после того, как рухнул на лед, даже не дергался. Он просто упал и лежал неподвижно.

Барабаны на верхних уступах продолжали бить в течение всего представления, даже когда воины смогли понять, что все идет не так, как хотелось бы. Но вдруг ритмичный бой барабанов прекратился и голос прокричал на испанском три слова, которые никому из воинов не было необходимости переводить, потому что это кричал сам бородатый парень.

В грубом переводе эти три слова означали: «Выпускайте другого зверя».

Глава 17

Тлана промчалась мимо убитого, рухнувшего зверя и теперь оказалась рядом с Эймсом и склонилась над ним. Сперва Дорман думал, что ее единственной заботой было выяснить, насколько сильно тот ранен. Он вовсе не сомневался, что это ее волновало прежде всего. Но когда он увидел, что Тлана роется в складках мехового одеяния, раздвигая их, то начал задумываться: не охватил ли ее какой-то внезапный приступ безумия.

Он застыл неподвижно, а потом двинулся туда, где она припала к земле. Только когда Тлана вытащила руки из-под шкуры, держа пистолет Эймса — казалось, ей нужны были обе руки, чтобы просто удержать его — и повернулась лицом к уступу, на котором стоял бородастый парень — тогда Дорман начал понимать ее намерения.

Ему все стало ясно, когда Тлана медленно встала на ноги и подняла пистолет — все еще держа его обеими руками — пока ствол тяжелого оружия не устоялся прямо на юнца.

Она выстрелила из пистолета, не представляя, как именно следует целиться, довольствуясь только тем, что направила его по возможности точно в ту сторону, где стоял юнец.

Грохот длинноствольного пистолета показался оглушительным.

На мгновение в голове у Дормана осталась одна-единственная мысль: насколько опасна и сильна могла быть отдача от такого большого пистолета для такой крошечной женщины. Дорман даже не знал, в какой именно момент бородач начал падать; когда Дэвид поднял взгляд, мужчины больше не было на уступе. Все, что увидел Дорман, — мгновенное движение, а затем уже

юнец лежал, распластавшись на льду у основания нижнего уступа; на его накидке расплывалось тусклое красное пятно.

Тлана пораженно вздохнула и закрыла лицо руками. Пистолет упал на лед, и Дорман подхватил его, когда бросился на помощь девушке, почти ожидая, что она упадет прежде, чем он успеет до нее добраться.

— Я думала, он был далеко, на Юкатане, — сказала она, дрожа. — Я узнала его, когда увидела, и его бедный мозг... Ой, я хочу умереть. Помоги мне умереть. Это не вина моего брата, что он родился таким гордым, с воспоминаниями об исчезнувшем величии.

— Твой брат. Ты не знала...

— Нет, пока не увидела его.

Эймс начал немного шевелиться и Дорман быстро наклонился, просунув обе руки ему подмышки и попытавшись поднять его. На мгновение ему показалось, что это безнадежно, а потом, совершенно неожиданно, Эймс встал сам. Большая часть его сил, казалось, вернулась именно в тот миг, когда он встал; Эймс как будто уже знал, что Дорман пытался ему сказать.

— Мы должны попытаться выбраться, прежде чем они...

Дорман не мог продолжить, потому что он забыл, о чем начал говорить. Он слышал голос Джоан, пытавшейся тоже что-то сказать Эймсу — или Тлане, которую она о чем-то умоляла. Он мог почувствовать, как его дергают за руку — старое, старое ощущение, которое стало настолько знакомым, что, казалось, всегда приближало к нему Джоан — и тогда... и тогда...

Все вокруг него, казалось, растворялось в сером тумане, и странные изображения проходили мимо него, как будто отдельными кадрами. Равнины снега и льда, а затем равнины, на которых совсем не осталось снега, и низкорослые деревья и птицы, которые могли бы быть

воронами, кружащие высоко в небе, а затем просто равнины, заросшие травой, зеленые земли, становящиеся золотистыми в свои последние дни, и возвращение того, что напоминало изначальные джунгли...

Прошло много времени — или, возможно, совсем мало, откуда он, на самом деле, мог знать? — когда все пейзажи и все кадры исчезли, и он обнаружил, что недоверчиво смотрит на Джоан, стоящую на бескрайней полосе залитого солнцем песка. Она махала ему и выглядела немного ошеломленной. Затем она встала на ноги и побежала прямо к нему; ее волосы развевались на ветру.

Эпилог

Больничный коридор был серым, мрачным и тихим, как обычный больничный коридор. Он мог находиться в Нью-Йорке, Чикаго или Лос-Анджелесе. Но все происходило не там. Это было в Мехико, и медсестры, мимо которых Дорман и Джоан проходили, направляясь к палате Эймса, поглядывали на них гораздо спокойнее, чем если бы больница располагалась в Нью-Йорке, Чикаго или Лос-Анджелесе. Ведь сейчас была сиеста. Но за этим исключением — не наблюдалось совершенно никакой разницы.

Эймс сидел в постели, когда они зашли в палату и плотно закрыли за собой дверь, а Тлана стояла рядом с ним. На столе у подножья кровати лежали цветы; чего-то подобного, несомненно, и следовало ожидать.

Сначала они улыбались Эймсу, и он улыбался в ответ. Затем все стали более серьезными.

— Ну, что вы решили? Какой ответ? — спросил он. — Или вы не приняли решение?

— Мы много размышляли об этом, — сказал ему Дорман. — Я убежден — и Джоан согласна со мной — что был своего рода временной сдвиг; сомнений нет. Когда зверь появился из-под земли — кажется, их было два — принесенная им энергия оказалась так велика, что она встряхнула (полагаю, я так и говорил однажды) саму основу материи. Она также сотрясла пространственно-временной континуум, и мы вернулись назад во времени.

— Вернулись — это хорошо, — сказал Эймс. — Возможно, по принципу магнитной волны...

— Возможно, имело место что-то подобное. Но волна не бесконечна. Она прошла, и мы вернулись назад.

— Это не могло произойти в более удачное время, — сказал Эймс. — Наши друзья-воины применили бы свои каменные топоры и свои копья в практических целях — с их точки зрения.

— Я боюсь, что так все и было бы, — сказал Дорман.

Эймс на мгновение замолчал. Затем он добавил:

— Где, по-твоему, эти два зверя сейчас? Что с ними стало? Они снова в ледниковом периоде?

— Я так не думаю, — ответил Дорман. — Не думаю, что они подходили тому миру больше, чем мы. Они, вероятно, тоже вернулись назад — туда, откуда пришли.

— Так ты все еще веришь, что могут существовать доисторические чудовища, выжившие глубоко под землей, превратившиеся, благодаря долгим векам эволюционной адаптации, в существ, способных вырабатывать миллиарды электрон-вольт?

— Я не знаю, — сказал Дорман. — Если существует такой полый мир, то он, должно быть, покрыт миллионами тонн камней, иначе эти звери появлялись бы гораздо чаще. Может, существует несколько отверстий, и нужно землетрясение или искусственный катаклизм, чтобы достаточно их расширить и дать возможность тварям сбежать. Полый мир, если он существует, может находиться очень близко к металлическому ядру Земли.

— А если он не существует?

— Звери могли прийти из какого-нибудь другого измерения. Но это кажется маловероятным, так как они вышли на поверхность после искусственного катаклизма. И мы не должны забывать легенды тольтеков, начинающиеся более тысячи лет назад.

— Да... ну, все что я могу сказать: это, надеюсь, никогда не повторится снова, по крайней мере, на нашем веку.

— Это очень эгоистично, — сказала Тлана, улыбаясь.

— Все мужчины немного эгоистичны по своей природе, Тлана, — сказала Джоан. — Как и большинство женщин.

— Есть еще одна вещь, которая все еще смущает меня, — сказал Эймс. — На самом деле, она меня просто поражает. Если мы вернулись назад, как ты говоришь, почему ты и Джоан оказались на пляже, который вы покинули, когда выплыли на рыбацкой лодке, чтобы поближе взглянуть на чудовище? Если вы вернулись точно туда же, где были, когда над вами кружился свет, почему вы тогда не плавали в заливе? И почему Тлана и я оказались в почти семи милях от земли ее отца?

— Если мы прошли в прошлое через какое-то искажение пространственно-временного континуума, — сказал Дорман, — то же самое искажение — времени, которое мы провели в ледниковом периоде — могло вернуть нас назад немного в другое место.

— Это единственная вещь, по крайней мере, за которую мы можем быть благодарны, — сказал Эймс.

Когда они покинули палату и пошли назад по коридору, Дорман оказался немного рассерженным.

— Единственная вещь, за которую благодарны! — сказал он. — Он будет думать об этом по-другому через неделю, когда у него полностью пройдет шок от удара, который нанесла ящерица — перед тем, как я пустил в нее стрелу.

— Ты имеешь в виду: есть еще одно, за что мы должны быть благодарны? — спросила Джоан.

— Не совсем. Но это так важно; он не имел права говорить подобным образом. Он должен чувствовать к Тлане то же самое, что я чувствую к тебе.

— Я знаю, о чем ты, — сказала Джоан.

РАССКАЗЫ

Всё к тебе вернется

Баннерман уверял, что ему понравится эта работа.

— Кромер, вы не найдете ничего лучше, — говорил Баннерман. — Прямо на вашей улице. Я оформлю документы, и завтра, прекрасным ранним утром, вы снова отправитесь на службу.

Казалось, Кромер всегда был безработным. Баннерман вызывал его, готовил новые документы, и у Кромера появлялась легкая работа на неделю или две.

Казалось, он просто не мог надолго задержаться на службе. Рано или поздно правда выходила наружу, и Баннерману стоило большого труда спасти Кромера от очередей на бирже труда. Все это было довольно неприятно. И если бы он еще смог вспомнить, как выглядит Баннерман.

Но, казалось, он не мог. Он получал работу, а затем терял ее. Если бы он только мог вспомнить...

— Да мистер Кромер. Прямо сюда, — говорил маленький человечек.

Казалось, он попал в какую-то лабораторию. С обеих сторон виднелись высокие окна без занавесок, и на столе, к которому он шел, стоял... Боже мой, это же невозможно!

Но там его ждал роскошный обед — от холодных закусок до десерта!

— Прислали прямо из отеля «Мидтаун», — сказал маленький человечек. — Вам стоит попробовать все блюда по отдельности.

Кромер кивнул. Он как будто знал, чего от него ждут.

— Они от нового шеф-повара, да? Что насчет самой птицы?

— Она с рынка Ричардсон Палтри. Полагаю, вы обратите внимание на нежность и жирность кожи и забуде-

те о приправе. Бройлеры Ричардсона — правильной формы, но отель думает сменить поставщика и обратиться к Зегарти и Рианперу.

— Хорошо, — сказал Кромер.

Он придвинул стул, сел и кивком заставил маленького человечка замолчать. На столе лежали вилки, ложки и даже бумажная салфетка. Он заткнул салфетку за жилет, взял ложку и приступил к работе.

— Хммм, — пробормотал он, когда что-то, по вкусу напоминающее куриный суп, скользнуло в его пищевод.

— Хммм, неплохо.

Он притянул к себе таблицу и сделал пометку.

— По этому блюду замечаний нет, — заметил он. — Попробуем салат.

Это был салат из помидоров и перца, украшенный кусочками огурца.

— Превосходно, — воскликнул он и сделал еще одну заметку.

На курицу у него ушло целых десять минут. Он украдкой посмотрел через плечо, прежде чем разорвал ее на части руками и превратил грудку и крылышко в сверкающую кучу костей. Он жевал ножку, когда кто-то позвал его из дальнего конца лаборатории.

— Вас просят к телефону, мистер Кромер.

У него сохранилось только смутное воспоминание о том, как он пересек лабораторию, поднялся на три пролета по лестнице и ответил на звонок. И в тот момент, когда он услышал голос Джейн Уайлдер, казалось, все встало на свои места. В его карманах были деньги, и он снова мог развлекаться. Он снова работал.

— Надень свою лучшую шляпку, сладенькая, — сказал он, — Мы будем праздновать.

Положив трубку, он вызвал в памяти ее образ: насмешки и презрение, отстраненность и недоступность.

Но теперь все изменится. Он снова работал и мог высоко держать голову.

Он мчался через весь город к ее отелю; и сердце начинало биться сильнее всякий раз, когда он смотрел на часы. Осталось всего пятнадцать минут, думал он, одиннадцать, восемь, четыре.

Казалось, это был сон. Спустя долгие годы они снова оказались вместе. Он сжимал ее в своих объятьях, и трепал волосы своими огромными, жадными руками.

— Ты никогда не пожалеешь, дорогая, — сказал он.

Джейн Уайлдер сморщила носик. Она не питала иллюзий на этот счет. Она будет жалеть каждую неделю, говорила она сама себе, что вышла замуж за мужчину, который не мог держать волка в страхе. Но в наши дни подходящих холостяков осталось не так уж много, а за тех, кто постарше, боролись более молодые и более привлекательные женщины, чем она.

Ни одна из многочисленных расчетливых одиноких девушек, подобных ей, бывшей стюардессе, не питала романтических иллюзий относительно зависимости от мужчин.

Кроме того, она всегда могла вернуть ему кольцо и переключиться на другой вариант — когда и если такой появится.

— У тебя новая работа? Другая работа? — спросила она, глядя прямо на него.

Кромер кивнул:

— Дорогая, теперь я дегустатор еды.

— Но как получилось, что ты просто взял и получил такую работу? — не отставала она.

Одна из основных вещей, которые ему пришлось усвоить — необходима осторожность. Он никогда не говорил о Баннермане с Джейн и не намеревался говорить о нем сейчас.

— Дорогая, не будем об этом, — сказал он. — Посмотри сюда, посмотри — у меня кое-что есть.

Он открыл бумажник и показал ей восемь хрустящих десятидолларовых банкнот.

— Восемьдесят в неделю, сладенькая. И скоро я получу прибавку.

Глаза Джейн начали слабо светиться. Она снова обняла его, и на мгновение он ощутил совершенное удовлетворение.

— Пойдем туда, где мы сможем потанцевать, — сказала она.

*

Полчаса спустя, сидя за уединенным угловым столиком в клубе «Десять часов», Кромер с некоторым удовлетворением отметил, что все смотрят на Джейн Уайлдер с восхищением. Она знала, как с помощью одежды подчеркнуть свои достоинства, и была во всех отношениях выдающейся женщиной.

— Давай потанцуем, — сказала она.

Кромер кивнул, поднялся и отодвинул свой стул. На танцполе он оставил попытки вспомнить, как выглядел Баннерман. Его переполняло счастье, и все мысли были заняты женщиной, которую он сжимал в объятиях в руках. Они кружились и кружились под звуки приятной музыки.

Кто-то тронул Кромера за плечо:

— Вас просят к телефону, сэр. Мистер Баннерман...

Словно ледяной червь выполз из основания позвоночника Кромера и двинулся вверх, то замирая, то ускоряясь. Кромер застыл. Официант отступил, а Джейн, казалось, одеревенела. В мечтательную музыку вальса вкрались ноты похоронного марша, как будто даже оркестранты почувствовали в поведении Кромера что-то нервирующее — словно в танцзал въехал гроб на колесах.

Двигаясь, как робот, Кромер отвел Джейн обратно к угловому столику и придвинул ей стул.

— Кто такой мистер Баннерман? — спросила она, внимательно посмотрев на него. — Почему он всегда посылает за тобой?

— Он не всегда посылает за мной, дорогая, — пробормотал Кромер. — Я не видел его... ну, довольно долго.

Он нагнулся, и поцеловал ее; лицо его было мрачнее смерти.

— Мне надо ответить на звонок, дорогая, — сказал Кромер. — Но я вернусь... обещаю.

— В прошлый раз ты не вернулся.

Кромер пристально посмотрел на нее:

— Я вернусь через пять минут, — заверил он.

*

Зачем он это сказал? Он все еще слышал голос Баннермана, яростно гудевший в трубке.

— Это последняя капля, Кромер. Я нашел тебе работу, которая была прямо на твоей улице. Ты понимаешь?

— Мне жаль, сэр.

— Надеюсь, это так. Бери такси и приезжай прямо сюда.

Теперь он, одетый в роскошный костюм сидел в такси, быстро несущемся по улицам; шляпу он сжимал между коленями.

— Какой адрес, приятель? — спросил шофер, сердито глянув на Кромера.

— Я уже сказал. Дубовая улица, 13.

— Приехали, приятель, — сказал шофер, паркуясь у обочины.

Снова те же старые ступени, крошащиеся, заплесневелые. Обои отодраны. Хотя у Кромера осталось только смутное воспоминание об отъезжающем такси, но все детали внешнего облика дома Баннермана, казалось, впечатывались в его сознание.

Поднимаясь по простой дубовой лестнице, он вынужден был цепляться за перила, чтобы не упасть; а когда Кромер достиг второго этажа, его слух настолько обострился, что он мог услышать, как падает булавка.

Он стоял у светло-желтой двери в середине коридора и приходил в себя; тут послышался голос Баннермана.

— Заходите, Кромер.

Кромер не хотел повиноваться. Не хотел встречаться с Баннерманом. Но было бы легче отрезать правую руку. У него не осталось иного выбора. В горле что-то булькнуло, и он вошел в кабинет Баннермана и закрыл за собой дверь.

Баннерман стоял в тени немного левее кристалла, черная фетровая шляпа скрывала его лицо. Он курил сигару, но вынул ее изо рта в тот момент, когда закрылась дверь.

— Я ждал этого, Кромер, — сказал он. — Ты упустил все возможности. Я пытался помочь тебе. Я говорил себе, что здесь отчасти есть и моя вина, но в этот раз ты не можешь оправдаться, Кромер, и тебе лучше даже не пытаться.

Кромер почти ничего не слышал. Его взгляд был прикован к огромной кристаллической сфере, которая стояла на черном ониксовом пьедестале в самом центре комнаты. Он видел сферу раньше, но сейчас ее заполнило кроваво-красное сияние, и там были два... да, два бледных силуэта выделялись на фоне зарева.

— Я знал, что тебя это поразит, Кромер, — сказал Баннерман.

Кромер был не просто поражен. Его глаза выпучились, зубы сжались, пот стекал по лицу. Он узнал одну прямую бледную фигуру. Это был маленький человек, который привел его в лабораторию. Он никогда не видел такого серого лица и таких негибких конечностей.

— Они... они мертвы? — прохрипел он.

Баннерман покачал головой.

— Отравление трупным ядом, — сказал он. — Они очень больны. И это все твоя вина, Кромер.

— Моя вина...

— Так я и сказал. Кромер, я приготовил несколько потрясающих рекомендаций для тебя. Я даже... ох, что толку. Ты одобрил ту еду, и два человека, твои помощники в лаборатории, угостились куриной ножкой, которую ты оставил. Ты оказался хорошим дегустатором.

Лицо Кромера стало мертвенно-бледным.

— Но курица была хорошей, сэр, — выдохнул он.

— Ты имеешь в виду, что для тебя она была хороша на вкус, Кромер?

— Да. Я...

— Кромер, как ты можешь быть таким глупым? Если для тебя она оказалась хороша, то она, должно быть, просто убийственна.

— Я не понимаю, сэр, — хрипло сказал Кромер.

Теперь заволновался Баннерман.

— Ты имеешь в виду, что у тебя случился еще один провал в памяти?

— Еще один провал в... у меня уже был один, сэр?

— Два, — едва не застонал Баннерман. — Неудивительно, что ты думал, будто с курицей все в порядке.

Горящий кончик сигары Баннермана описал дугу в темноте.

— Все ты вспомнишь, Кромер, — сказал он. — Посмотри в кристалл. Сконцентрируйся.

Кромер повиновался, его сердце как будто билось прямо о ребра.

В зареве, над двумя неподвижными работниками лаборатории, медленно появилась высокая истощенная фигура. Сначала обрела форму голова, затем костлявые плечи, и, наконец, возник весь силуэт, окутанный чер-

ным ореолом; кроваво-красное свечение от этой фигуры исчезало в глубинах сферы.

Неведомый силуэт, казалось, принадлежал тому, кого нельзя называть. На теле почти не было плоти, и зубы казались острыми, словно у хищного зверя; они как будто были направлены прямо на Кромера — неведомая тварь хотела вытащить его мозг из головы и обглодать все тело до костей.

— Кромер, это ты, — сказал Баннерман. — Ты видишь свой истинный облик.

Кромер не мог вздохнуть.

— Кромер, ты не станешь утверждать, что я не борюсь за своих подопечных. Я создал для тебя плотскую оболочку, которая может ходить по земле, и нашел тебе работу, прямо на твоей улице. Я думал, конечно, что ты сможешь послужить мне. Тебе нужно быть хорошим работником, хотя ты можешь быть и плохим работником, Кромер. Тебе надо завоевать доверие работодателя. Кромер, ты не справился с делом. Ты забыл, что сомнительная птица будет для тебя неплохой — а точнее, просто вкусной. Почему ты забыл, Кромер? Потому, что ты хотел убежать от самого себя?

Дьявольская улыбка появилась на лице Баннермана.

— Теперь ты знаешь, что ты такое, Кромер. Ты все еще хочешь сбежать?

— Хочу, хочу, — рыдал Кромер, — Я всегда хотел убежать. Я не мог этого выдержать.

— Понятно. Компенсационная амнезия. Кромер, ты можешь посмотреть правде в глаза. Что ты такое?

— О Боже, я...

Баннерман побледнел.

— Никогда... следи за языком, Кромер.

— Я лучше умру, чем буду тем, что я есть, — задыхался Кромер.

— Прекрати, Кромер, — укорял его Баннерман. — Возьми себя в руки. Будь мужчиной. Прими это, и я посмотрю, что можно сделать, чтобы найти тебе другую работу.

Пока он говорил, Баннерман снял шляпу, приоткрыв сверкающую лысину, посреди которой торчали два коротких рога.

Кромер упал на колени, в отчаянии царапая грудь.

— Что же? — спросил Люцифер. — Что ты такое, Кромер?

Голос Кромера звучал словно из могилы.

— Я вурдалак, — ответил он.

Конусы

Меркурий – это планета, ближайшая к Солнцу, и, вследствие этого, самая опасная из всех. Будет ли она исследована примерно в то же время, что и Юпитер, вероятно, зависит от скорости, с которой земная наука сможет изобрести жаропрочные космические корабли; ведь рядом с Солнцем радиация будет почти невыносимой.

На обращенной к Солнцу планете мы встречаем нашу первую форму жизни из чистой энергии, те существа, которые, во всей видимости, навсегда останутся чужды землянам. Такая форма жизни – единственный вид, который может существовать в мире, где разницы температур громадны и где электрические феномены отличаются чрезвычайной мощностью. Так как это единственный существующий вид – возможно! В любом случае, нет сомнений, что его портрет, приведенный здесь, невыносимо ярок – и логичен.

*

Они никогда не видели таких небес. Одна блестящая картина за другой, чудо за чудом на небесном своде. Земля – самая яркая из ярких звезд; Венера – маленькая, бледно-зеленая луна, повисшая в бездонных глубинах неба; Марс – крошечная красноватая точка. И все звезды галактики сияют яркими завитками и углами едва знакомых созвездий.

На Меркурии царила ночь – холодная ночь в маленьком мире нечастых ночей и дней. На дальней стороне тонкой поверхности ближайшего соседа Солнца чередовались сорокачетырехдневные интервалы солнечного света и тьмы, которые Гиббс Крейлей и другие члены

Первой Исследовательской Экспедиции Меркурия узнали и полюбили на своей родной планете. Маленькое небесное тело оборачивалось вокруг своей оси лишь раз за восемьдесят восемь дней путешествия вокруг Солнца; чередующиеся полосы света и тьмы проносились над тонкой металлической поверхностью планеты.

Там, где лицо Меркурия навечно отвертилось от Солнца, температура находилась в пределах нескольких градусов от абсолютного нуля; кислород там превращался в прекрасный белый снег. На светлой стороне, которую беспрерывно заливали солнечные лучи, жар отравлял и разрушал поверхность, и ни одна чуждая форма жизни не могла там долго просуществовать — неважно, как тщательно ее защищали люди. Но на узкой полосе, где свет и тьма чередовались, климатические и температурные условия были менее экстремальными, и там могла существовать защищенная человеческая жизнь, но только на протяжении короткого периода. Заключенный в гибкий металлический скафандр, увенчанный неподвижным шлемом, с пятидесятифунтовым грузом на бедрах и кислородными баллонами на плечах, человек мог там выжить — и исследовать новый мир.

Гиббс Крейлей, ученый-исследователь, возглавлял первую экспедицию с Земли на поверхность Меркурия. Это было настоящее вторжение, за которым стояли нестигаемая воля и дерзость человека, посвятившего всю жизнь этому моменту. Крейлей был представителем маленького племени нищих ученых — исследователей, фанатиков, которые не ведали осторожности. И он шел вперед с тех самых пор, как маленькая группа высадилась на поверхность незнакомой планеты.

Рядом с ним находилась его жена Хелен. Для нее дисциплина, ограничения и награды научного исследования были привычными; она великолепно дополняла сво-

его волевого мужа, поддерживая его почти невероятное увлечение обращенной к Солнцу планетой.

Уильяма Ситона, находившегося совсем рядом с четой Крейлей, раздражали чудеса природы; он предпочитал холодную точность инструментов, созданных людьми, образцы красоты, которую мог понять только инженер. Следом за ним шли Фредерик Паркерсон, биолог средних лет, и Ральф Уилкус, высокий, нескладный молодой человек, который преуспел в искусстве астронавигации и кулинарии. Эти двое, ставшие близкими друзьями, были одинаково увлечены очарованием и трудностями исследования; они жили ради того странного и нового, что мог принести следующий миг.

За ними следовали Том Грейсон, металлург, и юный Алан Уилсон, представитель Национального Биологического Института, по существу, лишенный воображения человек, чьи мысли целиком занимали проблемы передвижения и личной безопасности на этой невероятной планете. Они завершали список экипажа.

Исследователи отправились в самую длинную экспедицию со времени высадки на Меркурий. Они надеялись дойти до предгорий высоких, скалистых пиков, угловатые формы которых вздымались над удивительно близким горизонтом. За ними неясно вырисовывался огромный, дынеобразный корпус их космического корабля из кобальта и стекла, покрытый пятнами света, отраженного Венерой. Корабль находился где-то в миле от них, но его хвост уже скрыла искривленная поверхность планеты.

Крейлей прокладывал путь медленно, вдумчиво, осторожно. Ориентируясь лишь на свет импульсной лампы, он медленно шел вперед, шаг за шагом, аккуратно сверяясь с показаниями электро-динамометра. Сама поверхность, по которой шагала группа, была предательски таинственна; в частности, они знали, что ее нерав-

номерно покрывают шоковые точки, в которых сосредоточено чрезвычайно высокое напряжение. Один неверный шаг — и человек в скафандре заживо сгорит.

Эти шоковые точки были обнаружены несколькими днями ранее («днями» считались земные двадцать четыре часа, а не меркурианские), когда собака Крейлея наткнулась на одну из них. Ее тело превратилось в уголь под сверкающим ночным небом Меркурия. Крейлей снабдил собаку миниатюрным скафандром для животных, дополненным кислородным баллоном, нагревательными элементами и грузом, и она убежала чуть вперед, натянув поводок, как делают все собаки, когда хотят погулять. Теперь Скотти стал мучеником от науки.

После этого исследователи тщательно изучили электромагнитные свойства коры, протестировав ее, пока все странные и угрожающие феномены не стали для всех очевидными. Из-за сильных помех, создаваемых точками, им приходилось передвигаться в тишине, так как использование радиосвязи стало, очевидно, невозможным.

★

Маленькая группа медленно продвигалась по слегка светящейся поверхности Меркурия. Людей окутывала инопланетная атмосфера, зараженная тяжелыми газами и ионизированная космическими лучами. Их кислородные баллоны оставались единственной защитой против разъедающих ужасов марсианского воздуха.

Гиббс Крейлей, думая об этом и о длительном путешествии, которое они надеялись осуществить, снизил потребление кислорода из баллона, и знаком приказал остальным членам экипажа сделать то же. Он знал, что когда поток кислорода ослабеет, им всем станет труднее дышать, но кислород здесь был ценнее, чем вода в зем-

ной пустыне, и они не могли себе позволить растратить его.

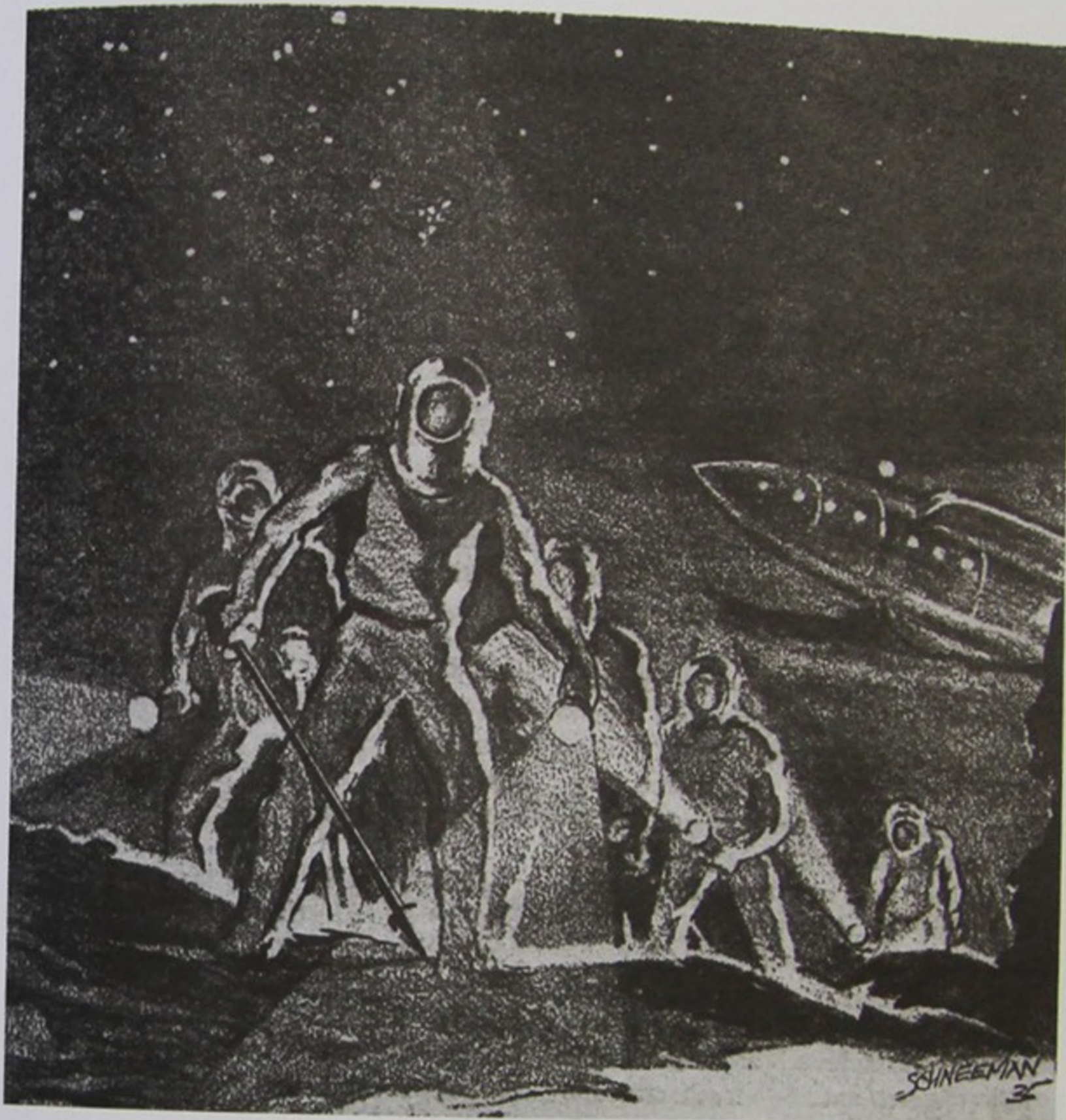
Мгновение спустя Крейлей с некоторым беспокойством заметил, что из всей группы только его жена не последовала указаниям. Он посмотрел на нее и указал на кислородный баллон. Она никак не отреагировала; поэтому, остановившись, он поднял свой динамометр и постучал штативом по ее баллону.

За толстым защитным стеклом шлема Крейлей увидел глаза Хелены, на миг расширившиеся от досады. Он знал, что она убеждена: в баллоне достаточно кислорода, чтобы проделать путь туда и обратно; они обсудили это до начала экспедиции. Очевидно, она не собиралась трогать вентиль; и, видимо, хотела упрекнуть мужа, постучав по его баллону в ответ.

В любом случае, она действительно подняла свой динамометр от земли и направила его в сторону Крейлея. Но когда металлическая палка поднялась вверх, а потом в его сторону — ученый внезапно застыл. Его электродинамометр зафиксировал невероятной силы заряд на пылающей земле прямо перед ним. И когда датчик Хелен коснулся его плеча, Крейлей бросился в сторону, обхватил колени жены и рывком оттащил ее в безопасное место.

К несчастью, юный Грейсон позволил себе отвлечься, заинтересовавшись странными действиями командира. На мгновение отведя в сторону детектор, он шагнул прямо в точку напряжения, оглянувшись через плечо на странное зрелище, которое представлял собой Крейлей.

На долю секунды Грейсон застыл в ярком круге света, который отбрасывал электрический фонарь. А потом виднелась только верхняя часть его тела — в слабом свете Венеры можно было различить судорожные взмахи рук. От вспышки пламени померк свет звезд.

Как сухие листья в доменной печи, ноги Грейсона мгновенно обратились в инертный пепел. Затем верхняя часть тела юноши рухнула в сторону Ситона. Потрясенный инженер на мгновение окаменел. Он просто стоял, вытянув свой детектор, как будто один лишь прибор, изготовленный человеком, мог дать ему защиту, когда все остальное не оказалось бесполезными.

За ним остальные члены группы в ужасе вышли вперед. Сквозь защитные очки они видели отвратительное зрелище безногого тела, взорванный скафандр, отлетевший вправо, на сверкающее красное поле, свет от

рыжеватых волос гальванически распространялся. Тело крутилось быстрее и быстрее – и затем пламя милосердно охватило его.

Крейлей усадил Хелен и положил руку ей на плечо, чтобы успокоить. Она застыла, покачиваясь, опустив взгляд, пытаясь осознать случившееся. Затем она собралась с силами и заняла место рядом с мужем. Они не пытались заговорить. Можно было обмениваться знаками, но никто не стал. Группа двинулась почти мгновенно, чтобы избежать паники – так летчики немедленно взлетают после крушения одного из самолетов. Случившееся было человеческой ошибкой, и они не могли себе позволить из-за этого останавливаться. Они, не торопясь, возобновили свое путешествие в темноту меркурианской ночи.

*

Примерно полчаса спустя Крейлей снова остановился, пристально вглядываясь вперед сквозь толстые стекла защитных очков. На освещенном фонариком круге почвы что-то шевелилось. Хелен увидела это и подняла правую руку, предостерегая мужчин, шедших позади.

Только Ральф Уилкус, возможно, не заметил сигнала и двинулся в зону подозрительной активности. Он не забился в конвульсиях и не сгорел заживо, а просто прошел дальше, отыскивая дорогу на безликой равнине и сверяясь с показаниями датчика.

Очевидно, это был не новый тип шоковых точек; но следовало изучить неизвестное явление. Все прочие исследователи не проявили такого безрассудства, как Уилкус; они сомневались и неохотно двигались вперед, осторожно обводя динамометрами зону подозрительной

активности. Ничего не происходило — только шевелилась поверхность песка, как будто от слабого ветерка.

Крейлей знал, что это не ветер. Ветряная антенна на шлеме Хелен даже не вибрировала. Он приподнял руки и фонариком подал сигнал остальным.

— Здесь что-то неизвестное, — показал он жестами. — Отойдите.

Они рассредоточились, стараясь определить размер странной воронки. В нескольких ярдах впереди Уилкус, обернувшись спиной к ним, продолжал идти вперед, его динамометр покачивался в луче фонарика.

Никто так и не узнал, то ли Уилкус не заметил сигнала Крейлея, то ли проигнорировал его: внезапно, почти мгновенно, слепящий фиолетовый свет вспыхнул в темноте над ним и справа от него; казалось, луч вытянулся и коснулся человека. Ужасно задрожав, Уилкус согнулся и прижал руки к животу. Его фонарик и датчик упали на землю.

На мгновение свет завис над ним — пульсирующий, яркий, алчный. Затем сияние потускнело и растворилось в темноте. Уилкус безвольно рухнул, как сдувшийся воздушный шарик.

Когда Крейлей поднял пострадавшего, ему показалось, что он держит в руках пустой скафандр. В свете фонарика под стеклом шлема Уилкуса виднелись два глаза: бессмысленные блестящие точки на бесформенном бескостном лице.

Крейлей выключил фонарик и на мгновение застыл в почти полной темноте, держа ужасный груз. Остальные подошли к нему, освещая фонариками окружающее пространство.

Хелен опередила остальных.

«Что случилось?» — показала она жестами.

Шлем Крейлея медленно качнулся; этот жест должен был выразить отрицание. Он снова включил фонарик и

направил его на шлем Уилкуса. Хелен не смогла сдержать крик. Лицо пострадавшего человека было жутким и невыразительным, его черты как будто стали восковыми. Но подергивание рта показывало, что юноша все еще жив. Но теперь подошли остальные; они столпились вокруг высокого ученого и его печального груза. Крейлей просигналил: «Нам надо вернуться. Уилкус тяжело ранен».

Паркерсон подошел к Крейлею и помог нести своего друга, хотя вес был так мал, что Крейлей мог справиться и в одиночку. Ситон поднял фонарик и датчик Уилкуса; исследователи, понурившись, двинулись в обратный путь по своим следам.

Они шагали медленно, с необычайной осторожностью, поводя датчиками перед собой; но они больше не обнаружили шоковых точек и без происшествий добрались до огромного блестящего корпуса космического корабля, неясно вырисовывавшегося на фоне неба среди однообразного ландшафта. Примерно в пятистах футах от кормы корабля динамометр Хелен зафиксировал электрическую активность, и группа осторожно обошла опасную зону.

Мгновение спустя они поднимались по металлической лестнице, протянувшейся по изогнутой кобальтовой поверхности. Маленькая группа заползла в огромные люки, спустилась вниз по другой лестнице и двинулась по узкому коридору, залитому холодным светом ламп. Затем Хелен повернула рычаг в конце прохода, и крышки люков с лязгом опустились на места. Послышалось шипение воздуха; перед ними открылся еще один люк.

Они оказались в диспетчерской, объединенной с жилым помещением. Крейлей осторожно опустил Уилкуса на одну из коек и сел, занявшись винтами шлема. Хелен и остальные тоже сели на койки; они замерли в безмолвии в холодном свете комнаты.

Крейлей первым снял свой шлем и затем сбросил скафандр, небрежно положив его на одну из скамей. Пока остальные освобождались от своих скафандров, он повернулся и начал откручивать шлем Уилкуса. Он старался действовать как можно спокойнее; он почти догадался, что ему предстоит увидеть; следовало мужественно это принять.

Но остальные не смогли. Когда Крейлей снял скафандр с пострадавшего, потрясенные мужчины почти тотчас же отвернулись. Хелен увидела скрюченное тело; на лице жертвы застыло идиотское выражение, изо рта текли слюни; конечности дергались; целых пять секунд она смотрела, не издавая ни звука, расслабив губы. Затем она упала без чувств.

Когда Хелен снова открыла глаза, она лежала на койке, скрытой автоматическим защитным экраном, обеспечивающим то уединение, которое она могла отыскать на судне. Паркерсон стоял рядом с ней. Поначалу Хелен не могла вспомнить, где она и что случилось; а затем память вернулась, и она тихо вскрикнула и опустила ноги на пол, попытавшись встать.

Паркерсон сел на край койки и сжал ее маленькие руки, слегка удерживая женщину.

— Испугалась? — спросил он.

Она покачала головой.

— Что случилось с Уилкусом?

Паркерсон избегал ее взгляда.

— Расскажи, — настаивала она.

— Он умер.

Казалось, напряжение исчезло с лица Хелен; она облизала губы.

— Я иду к Гиббсу, — сказала она, вставая на ноги. — Где он?

— В лаборатории, — ответил Паркерсон.

Он стоял рядом с ней с обеспокоенным видом, все еще держа ее за руку. Хелен посмотрела ему в глаза.

— Что... что такое, Парки?

— Я... ничего...

— Уилкус был твоим другом...

Паркерсон нетерпеливо взмахнул рукой.

— Он был больше чем другом. Мы выросли вместе. Но дело не в том. Прости меня, Хелен; я расстроен. Это Гиббс...

— Гиббс?

— Да. Он твой муж. Ты знаешь его лучше, чем все мы. Я думаю, приходило ли тебе когда-нибудь в голову, как он смотрит на других людей, — Паркинсон отвел от нее взгляд. — Он не человек, — сказал он напряженным голосом. — Он чертова машина. Ты видела его лицо, когда он снял скафандр Уилкуса? Можно было подумать, что он разбирает на части часы!

Хелен коснулась его руки.

— Ты знаешь, что ошибаешься, Парки. Ситуация, в которую мы попали, тебя беспокоит. Гиббс Крейлей не стал бы тем, кто он есть, не будь у него этого железного контроля. Он главный, Парки. Уилкус и Грейсон слушались его приказов. Несмотря на то, что они проявили неосмотрительность, они оба, Гиббс чувствует свою ответственность за них. И всегда будет чувствовать; ты это знаешь. Ты потерял дорогого друга; но в то же время ты не взвалил на плечи такой груз. — Она легонько сжала плечо Паркерсона. — Обдумай это.

Паркерсон выдавил слабую улыбку.

— Конечно, ты права. Думаю... думаю, я вспылал. Спасибо, Хелен.

*

Хелен нашла мужа неподвижно сидящим у покрытого брезентом тела Ральфа Уилкуса. Он взглянул на нее и нахмурился, когда она переступила порог крошечной лаборатории и закрыла за собой раздвижную дверь.

— Паркерсон рассказал мне... — произнесла Хелен, посмотрев вниз на узкую полку, на которой лежал мертвец.

Сначала Крейлей ничего не ответил. Он был благодарен за нежное и твердое пожатие ее пальцев; Хелен нащупала ладонь мужа и сочувственно сжала ее.

Наконец Гиббс сказал:

— Он умер до того, как я смог усыпить его эфиром.

— Что ты обнаружил, дорогой?

Губы Крейлея сжались.

— Кое-что... невероятное... — Он повернулся к полке и снял покрывало. — Позволь показать тебе.

Хелен побледнела. Тело Уилкуса было дряблым и синим. Казалось, будто его останки вылили на полку. Женщина прикусила нижнюю губу и вонзила ногти в ладони, пытаясь сохранить самоконтроль.

— Он должен был умереть прямо на месте, — сказал спокойный мужчина, стоявший рядом с ней. — Его жизненная сила, видимо, оказалась просто потрясающей.

Хелен проговорила:

— Это невероятно, Гиббс.

Крейлей посмотрел на тело, которое лежало перед ним.

— Взгляни, я кое-что покажу тебе.

Он надел резиновые перчатки и поднял синеватую руку мертвеца. Другой рукой он прибавил пламя в бунзеновской горелке, стоявшей на столе; наконец синий огонек достиг внушительных размеров.

— Смотри.

Он провел пламенем горелки по руке и запястью трупа. Огонь вспыхнул и потянулся в стороны; цвет пламени изменялся — оно становилось зеленоватым, затем фиолетовым, затем снова синим, когда Крейлей передвигал горелку вдоль безжизненной руки.

— Я опустил эту руку в хлористоводородную кислоту, разбавленный раствор, — сказал он. Голос Гиббса звучал спокойно и отстраненно.

Глаза Хелен расширились, когда она поняла, что это означало. Крейлей снова повернулся к столу и взял тонкую стеклянную пластинку. Он держал ее перед объятый пламенем плотью.

— Какой цвет ты видишь через стекло, Хелен?

— Желтый, — прошептала она благоговейно.

— В пламени есть только едва заметный оттенок оранжевого, — сказал он. — И когда ты смотришь на него сквозь зеленое стекло, оно желтое, а не зеленое, как должно быть.

Хелен сделала глубокий вдох.

— Тогда там совсем нет кальция. Нет кальция — даже в клетках плоти! Что...

Крейлей пожал плечами.

— Не знаю. Все, что я знаю: когда соединения кальция соприкасаются с хлористоводородной кислотой, они превращают синее пламя в темно-оранжевое. Стронций также превращает его в оранжево-красное, часто скрывая характерное свечение кальция — но стронций становится желтым под зеленым стеклом. Слабый оранжевый оттенок, несомненно, исходит от стронция. Кальций дал бы зеленый цвет под зеленым стеклом.

Крейлей склонился над пламенем горелки.

— Я сделал спектроскопические тесты, чтобы убедиться, — сказал он, — Характерные спектры кальция — оранжевый, зеленый и светлый индиго — полностью от-

существовали. Хелен, что-то извлекло весь кальций из тела Уилкуса!

— Но мог ли человек жить, если...

— Недолго, возможно, — сказал Крейлей, предугадывая ход мыслей жены. — Я бы сказал «нет», но мы не можем отрицать очевидное. Мгновенное изъятие кальция из его тела не должно было затронуть нервные структуры, по крайней мере, временно. Двигательные и сенсорные нервы функционировали, хотя мозг полностью вышел из строя.

— Но что могло спровоцировать это? — спросила Хелен.

— Только одно. Радиация. Излучение невидимого спектра, более сильное, нежели то, с чем мы сталкивались на Земле. Ужасная бомбардировка ультрафиолетом. Так называемые лучи — «белые вороны», возможно, которые будут смертельными для всего живого на Земле.

Он выключил бунзеновскую горелку.

— Почему даже относительно безобидные элементы ультрафиолетового спектра выкачивают кальций из протоплазмы? Понимаешь — одноклеточные, амёбы, парамеции и тому подобные — под воздействием ультрафиолета и центрифуги за несколько секунд становятся вязкими шариками — шариками с затвердевшим ядром. Радиация выкачивает кальций из внешней оболочки клетки и располагает его вокруг ядра. Такая радиация, о которой я говорил, сделала бы то же самое со всеми клетками человеческого тела, выкачала внешнюю окись кальция и...

Крейлей в первый раз содрогнулся:

— Это ужасно, дорогая. Ужасно. И в то же время здесь есть что-то удивительное. Похоже на направленное, нацеленное влияние. За этими стенами, в темноте,

могут жить – возможно, неразумные – существа. Меркурий не безжизненная планета, как мы думали!

Хелен в недоумении покачала головой.

— Но ультрафиолет не проникает в металл, Гиббс.

— Ты забываешь, что дифолхром – это сплав серебра, Хелен. Ультрафиолет может проникать сквозь наши дифолхромовые скафандры, если радиация достаточно интенсивна. А она должна быть невообразимо высокой, чтобы сделать то, что она сделала с Уилкусом.

— Ты думаешь, это форма жизни? – выдохнула Хелен.

— Почему? Ты что-то видел?

— Только ту вспышку фиолетового цвета. И мы оба видели движущийся песок. Что-то лежало на песке, возможно, и поднялось, когда мы подошли.

— Ты же не думаешь, что жизненная форма состояла из невидимого света?

Крейлей покачал головой.

— Едва ли. Думаю, она использовала лучи как оружие. Что-то осязаемое вылетело оттуда.

Он снова накрыл тело Уилкуса и снял перчатки. Его пальцы немного дрожали.

Хелен сказала:

— Ты снова собираешься выйти наружу, Гиббс?

Крейлей медленно кивнул.

— Также мне надо взять с собой инфракрасную стробоскопическую камеру, — сказал он.

— Стробоскопическую...?

— Предположим, эти формы движутся невообразимо быстро. Может быть, именно поэтому мы не смогли увидеть их своими глазами. Стробоскопическая камера может делать дюжины снимков в интервале одной десятиллионной секунды. Ультрафиолетовые пластинки обеспечат темноту, а стробоскоп уловит движения, слишком быстрые для глаза.

— Но почему ты думаешь, что объекты слишком быстро двигаются, Гиббс?

— Они невидимы или почти невидимы. Это значит, что либо они состоят из какой-то инопланетной энергии, которая испускает световые волны слишком длинные или слишком короткие для зрительного восприятия, — либо они движутся так быстро, что кажутся слабыми расплывчатыми очертаниями в ярком свете и совсем не видимы в темноте.

Они направились к выходу из лаборатории. Хелен взяла мужа за руку.

— Это ужасный риск, Гиббс, — сказала она спокойно.

Он посмотрел на нее, слегка улыбнувшись, но ничего не сказал.

Следующие два часа подтвердили страхи Хелен еще сильнее, чем она предполагала, но извращенный каприз судьбы помешал Крейлею самому пойти на такой риск. По пути в комнату для наблюдений руководитель Первой Исследовательской Экспедиции на Меркурии сильно вывихнул сухожилие на правой лодыжке; он поскользнулся на лестнице.

Паркерсон, Ситон и Уилсон стояли и слушали, как он в бреду проклинал всех и все. В первый раз за время путешествия Крейлей отдался свои эмоциям с невероятной горячностью; его не сдерживало даже присутствие жены. Вывих лодыжки расстроил его жизненный план.

Внезапно Хелен обнаружила, что почти улыбается; она поймала изумленный взгляд Паркерсона. Улыбка медленно расползлась и по его лицу; Хелен разгадала его мысли: *«Надо же, подумать только! Командир тоже человек!»*

Остальные мужчины тут же захотели заменить командира, и Крейлей, успокоившись, выбрал Ситона и Уилсона. Хелен поняла, что спрашивает себя: согласи-

лись ли бы мужчины с такой охотой заменить его, если бы ее не было в коридоре. Поймав расстроенный взгляд Паркерсона после того, как выбрали двух других, она внезапно поняла, что в этом не может быть сомнений. Присутствие женщины действовало как катализатор, заставляя одиноких мужчин более охотно сносить лишения и повышая интенсивность их подсознательных побуждений.

Пока двое мужчин снова забирались в скафандры, Паркерсон отправился за стробоскопической камерой в складской отсек. Это был компактный прибор, небольшой металлический конус, размером примерно с кислородный баллон; стробоскопическая панель венчала изогнутый штатив. Паркерсон протянул аппарат молодому Ситону, а потом стоял рядом с Крейлеем и Хелен, пока двое мужчин неуклюже карабкались вверх по лестнице к герметичному люку.

Крейлей сделал шаг, и лицо его исказилось от боли. Хелен попыталась поддержать мужа, но он, глухо ворча, вырвался и, хромая, зашагал дальше – Крейлей хотел сесть на вращающееся кресло перед панелью управления. Мгновение он раскачивался на сидении, ожидая, когда боль отступит.

Затем он повернул переключатель на панели, и тут же в центре стены появилось маленькое отверстие. Оно быстро расширялось, защитные и отражающие слои сдвигались с удивительно прозрачной поверхности смотрового люка.

Трое обитателей космического корабля всматривались в черную меркурианскую ночь. Внезапно вспыхнул один фонарь, затем второй, и в конусе света, отбрасываемом первым фонарем, появилась фигура Алана Уилсона, одетого в громоздкий скафандр. Медленно, медленно он шагал, вытягивая перед собой датчик; луч его фонаря был сфокусирован на поверхности почвы.

Внезапно, на мгновение, над тяжеловесной фигурой ослепительно ярко сверкнул фиолетовый огонь. Затем он испарился, и как только это случилось, Уилсон, казалось, покачнулся. Целых десять секунд фонари обоих исследователей продолжали судорожно метаться по территории, но все заметили, что Уилсон двигался слишком быстро. Прежде чем кто-то из троих наблюдателей успел сказать хоть слово, они увидели, как мужчина развернулся кругом, его ноги оторвались от земли и внезапно исчезли. Уилсон не выпускал из рук фонарик, и его лучи фантастически танцевали на отдаленных предметах.

Луч фонаря Ситона дрожал, как будто астронавт не мог справиться с неожиданным потрясением. Позднее выяснилось, тем не менее, что он отважно установил стробоскопическую камеру и попытался сделать несколько снимков невидимого ужаса, который схватил его товарища.

На корабле Крейлей манипулировал реостатом, расположенным рядом с центральной панелью; через мгновение равнину залил сине-белый свет огромных дуговых ламп, окружавших входной люк корабля. В этом свете трем оставшимся на корабле исследователям открылось зрелище, которое никому из них никогда не суждено забыть. Высоко над ржаво-красной равниной танцевало и подпрыгивало тело Уилсона, руки жертвы были широко раскинуты. Казалось, человек распластался на фоне тьмы с редкими вкраплениями звезд — в абсолютной пустоте. Чуть ниже астронавта, повисшего над поверхностью планеты, виднелось неясное, зеленоватое пятно; оно как будто перехватывало свет и перекрывало обзор.

Крейлей повернулся к остальным, его кулаки были сжаты.

— Он мертв, я думаю, — сказал он. — Он не мог выжить...

Но Хелен чуть слышно вскрикнула и указала наружу. Подвешенная фигура освободилась и упала на землю, как падает с дерева лист. Тело Уилсона ударилось о поверхность и подпрыгнуло, затем покатило по равнине; потом останки жертвы натолкнулись на валун и исчезли во вспышке пламени.

Ситон развернулся и стремглав помчался обратно к кораблю. В одной руке он держал фонарь; о датчике динамометра Ситон тотчас же забыл; устройство без толку болталось у него на плече. В другой руке астронавт судорожно сжимал камеру. Вскоре он исчез в тени корабля.

Крейлей обернулся, выключил дуговые лампы и произнес холодным, спокойным голосом:

— Ситон сделал это. Лучше помоги ему и возьми камеру, Фред.

Паркерсон кивнул и полез по лестнице к люку, который вскоре открылся; появился обессиленный Ситон, все еще сжимавший камеру. Паркерсон осторожно отобрал у него аппарат, открыл стальную крышку и засунул руку в защитную трубку. Космический холод, казалось, обжигал пальцы, вцепившиеся в маленькую камеру. Паркерсон передал устройство Крейлею, а затем помог Ситону спуститься по лестнице и снять шлем.

Как только шлем сняли, Ситон, задыхаясь, пробормотал:

— Господи, господи!... Оно шло на меня... я чувствовал это... и Уилсон побежал ко мне... пытался бросить фонарь в это... напасть на это... оно... оно забрало его!...

Паркерсон беспомощно, почти механически пробормотал: «Знаю, знаю», когда ослаблял крепления на дифолхромовом скафандре. Уилсон и Ситон были такими же приятелями, как Паркерсон и Уилкус:

— Но Билл, ты включил камеру, правда? Ты использовал пленку? Может быть, мы смогли бы уловить этих...

Ситон молча кивнул, а затем рухнул на одну из коек, обхватив голову руками.

Крейлей открыл камеру; изнутри выпала тонкая пачка автоматически проявленных фотографических пластинок. Он протянул их Хелен, пальцы которой не зале-

денели от прикосновения к невероятно холодной поверхности камеры.

С мрачным предчувствием Хелен подняла верхнюю пластинку и медленно поднесла ее к одной из ламп рубки управления.

На пластинке появилось четкое изображение. Хелен протянула ее мужу, толком не поняв, что удалось разглядеть. Но Крейлей быстро сказал:

— Это жизнь, все правильно!

После этих слов Паркерсон и Ситон бросились, чтобы посмотреть на это из-за плеча Крейлея. Некоторое время тишину нарушало только быстрое дыхание четырех исследователей.

Затем Крейлей снова сказал:

— Жизнь, Хелен — чувствующая форма, возможно, не разумная, но, определенно, чувствующая. Ситон, ты что-то чувствовал... там?

Ситон ответил:

— Чувствовал?... Ничего... Ничего, кроме... что ж, было похоже на продолжающийся электрический ток, становившейся сильнее и сильнее... Ужасно!...

Крейлей пристальнее изучил пластинку. Сравнив ее с металлической галькой на земле, он пришел к выводу, что объект очень велик, возможно, в четыре раза выше человека.

Эта форма была конусообразной, с математически точными линиями, но все же несомненно живой. От широкого основания к поверхности спускался один длинный стержень, а четыре стержня поменьше отходили с боков заостренной вершины. Там, где основание стержня касалось поверхности, виднелось множество маленьких язычков огня, как будто силуэт опирался на землю и вызывал постоянную реакцию — электрические отблески.

Крейлей спокойно сказал:

— Вторую пластинку, Хелен.

Хелен посмотрела на нее и выдохнула:

— Трое.

Крейлей взял пластинку и изучил ее.

— Три... и посмотри, как они сгруппированы!

— На этой пятеро, — сказала Хелен, протягивая ему третью пластинку.

Крейлей быстро просмотрел оставшиеся пластинки, не сказав ни слова. Когда он закончил изучать двенадцатую и последнюю, он быстро посмотрел вверх, его губы вытянулись в ниточку.

— Корабль в опасности, — сказал он.

Паркерсон уставился на него:

— Что ты имеешь в виду, Гиббс?

— То, что сказал. Эти конусы — чувствующие существа. Думаю, это энергетические формы, движущиеся силовые поля, наделенные разумом и целями. Полагаю, они каким-то образом связаны с электромагнитными полями, шокowymi точками.

Он встал, вздрогнув: вывихнутое сухожилие напомнило о себе.

— Думаю, эти конусы порождают ультрафиолетовое излучение и питаются из электромагнитных источников шокowych точек. Помните, что сама протоплазма — это электрический феномен, сформированный энергией и радиацией. Но протоплазма — продукт окружающей среды, лишь слегка заряженной солнечной энергией. Меркурий не таков.

Он протянул изображения Паркерсону.

— Обрати внимание на эти снимки, Фред. Думаю, они доказывают, что эти конусы планируют нападение. Кажется, они образуют какое-то клиновидное формирование. На последнем снимке, по крайней мере, пятнадцать конусов — и все они направляются к кораблю!

Крейлей развернулся и посмотрел в иллюминатор. Внизу царила темнота, за исключением слабых проблесков света там, где тонкие лучи Венеры касались крошечных камешков. Но исследователь знал, что странные силовые формы присутствовали там, хоть он и не мог их видеть. Также он подозревал, что конусы собираются на огромной шоковой точке, которая располагалась менее чем в пятистах футах от люка корабля.

«Время действовать», с сожалением подумал Крейлей. Риск был слишком велик – в этот раз. Он снова сел в кресло возле пульта и повернулся, чтобы активировать стартовые двигатели огромного судна.

Прежде, чем он успел это сделать, невообразимо яркий свет пронизал корабль. Могучий рев заглушил все остальные звуки. Вибрация сотрясала все предметы в рубке управления. Затем появилось знакомое давление ускорения, и Крейлей моментально отключился, несмотря на то, что он сидел на мягких подушках в кресле у пульта.

Он пришел в сознание, собрав все силы, вытянув себя из вязкого густого тумана. На корабле воцарилась зловещая тишина, прерываемая жутким скрипом и треском кобальтовых панелей, подвергавшихся перегрузкам. Крейлей выглянул в иллюминатор – и не смог отвести взгляд. Пустынная равнина, далекие и причудливые холмы Меркурия исчезли, а на их месте появился черный космос и кружащиеся звезды.

Мгновенно его натренированные глаза скользнули по графикам и циферблатам панели управления. Огромные атомные моторы были неподвижны. Единственной работающей машиной оставалась вспомогательная установка – свет, тепло, атмосфера. На одном из датчиков горел красный свет, сигнализирующий о запуске двух химических агрегатов, которые использовались, чтобы при взлете придать ускорение кораблю.

Живой ум Крейлея мгновенно интерпретировал случившееся. Странные конусы с равнины, бесспорно, высвободили взрыв энергии, который зажег химический состав и отправил корабль прочь от поверхности планеты. Восхождение было таким маловероятным, что казалось результатом вмешательства Судьбы — но Крейлей знал, что статистическая вероятность такого развития событий довольно велика.

Его пальцы скользили по переключателям на панели, он действовал быстро и в то же время расчетливо. Тишина прервалась — загудели атомные моторы, и корабль стабилизировался. Крейлей вздохнул от облегчения: атомное топливо оказалось невосприимчиво даже к фантастическим перепадам температур, возникавшим под действием ультрафиолетовой радиации конусов. Включились искусственная гравитация и ходовые огни; наконец огромный кобальтовый корабль был стабилизирован.

Только после этого Крейлей позволил себе осмотреться.

Паркерсона завалило кучей обломков, оставшихся от перегородки. Рядом с ним лежал Ситон, его голова медленно повернулась, а веки затрепетали. И...

— Хелен!

Он, хромая, двинулся к ней, не чувствуя боли от вывиха; быстро ощупал ее тело; в его движениях сочетались забота и профессионализм. Она застонала.

— Ты в порядке? Хелен? Хелен...

Она открыла глаза, снова застонала и чуть заметно ему улыбнулась.

— Ч... что...

Он помог ей встать. Хелен сильно дрожала, но была относительно целой и невредимой. Она бросилась назад к Паркерсону; они сумели высвободить его тело, убрав обломки переборок.

Крейлей аккуратно опустил Хелен на одну из скамеек и повернулся к Паркерсону. Тот был без сознания и тяжело дышал. Струйка крови сочилась из уголка его рта.

— Ребра сломаны, — сказал Крейлей кратко. — Возможно, проколото легкое. Взгляни на Ситона, если можешь, дорогая. Я позабочусь о Фреде.

*

Час спустя они неслись во тьме, набирая ускорение для долгой петли, ведущей обратно к Земле. Ситон скорчился над компьютером, его пальцы метались по клавиатуре, выверяя курс полета. Хелен сидела на койке Паркерсона, глядя, как плазма из пластикового контейнера течет в его вены. Автоматический защитный экран был частично опущен, скрывая переднюю часть кабины управления от глаз Паркерсона.

— Дом... — слабо прошептал Паркерсон. — Там, должно быть, хорошо, Хелен.

Она кивнула.

— Постарайся не разговаривать, Парки.

Не обращая внимания на ее просьбу, Паркерсон произнес:

— Уилкус, Уилсон, Грейсон и Скотти. Все мертвы. Ради чего? Кровавое бесполезное дело. Кто-то выиграл от их смерти? — Слезы появились в его глазах. Он злобно их смахнул. — Извини, Хелен. Но это такая потеря...

Странно, натянуто улыбаясь, Хелен встала и подняла автоматический экран.

— Посмотри, — мягко сказала она.

Паркерсон медленно повернул голову, следя за ее взглядом. В кресле у панели управления сидел Крейлей. Его плечи были расправлены, а руки спокойно лежали на краю панели, его лицо было устремлено к необъятности космоса. Он не шевелился.

Хелен вернулась и села, сначала посмотрев на упаковку плазмы, а затем на раненого мужчину.

— Парки, — прошептала она. — Однажды ты спрашивал, человек ли он. Посмотри на него теперь. Нас спутнули. Они убили наших людей и повредили наш корабль. Нас победили. Мы удрали. — Она криво улыбнулась. — Но... посмотри на него, Парки. Он исследователь. Он — новый колонист в тот период, который стало величайшим переломом в истории.

Он откинула волосы со лба усталым жестом.

— Может быть, он не человек. Может быть, он просто... человечество. Посмотри на него, Парки. Несмотря на смерть и несмотря на опасность, несмотря на формы жизни, у которых есть все преимущества их собственной тайны — он вернется. Неужели ты этого не видишь?

Паркерсон посмотрел на спокойную, сильную фигуру, а затем на женщину.

— Он вернется, — прошептал Паркерсон. — Да... точно.

И как только он вполне осознал то, что говорила Хелен Крейлей, с его губ сорвалось:

— *Мы вернемся!*

Человек, которого создали марсиане

Никто из смертных никогда не видел марсиан, но люди слышали их шепот — не зная ужасной тайны, которую они скрывают.

1

В лагере поселилась смерть.

Проснувшись, я понял: она пришла, чтобы остаться с нами на ночь, и ждала дня, чтобы вырваться и залить пустыню светом. В основании черепа я чувствовал покалывание; на теле выступил холодный пот.

Я хотел встать и на неверных ногах уйти в темноту. Но я собрался с силами. Я скрестил руки и замер, ожидая, пока небо станет светлее.

Рассвет на Марсе не похож на все, что вы себе можете представить. Ты просыпаешься утром — и вокруг все яркое, чистое, сияющее. Ты пытаешься ущипнуть себя, очнуться и выпрямиться — но это не исчезает.

Затем ты смотришь на свои руки с огромными мозолями. Ты идешь к зеркалу, чтобы взглянуть на свое лицо. Не хорошо. Здесь уродство искажает картину. Ты осматриваешься, и видишь Ральфа. Видишь Гарри. Видишь женщин.

На Земле, в резком свете раннего утра, женщина может выглядеть не слишком очаровательно, но если она по-настоящему прекрасна, то будет выглядеть не так уж плохо. На Марсе даже самая прекрасная женщина при пробуждении выглядит злобной, слишком усталой и измученной человеческими недостатками; она не может превратить сборную металлическую лачугу в настоящий дом для мужчины.

На Марсе на многое приходится смотреть иначе. Приходится принимать страдания и лишения как повседневную реальность. Приходится привыкать к жизни в строительных лагерях в пустыне, где красная пыль заставляет чувствовать, что ты опустошен и высушен изнутри. Ты чувствуешь себя барабаном, сморщенным стручком гороха, соленой рыбой, которую повесили сушиться. Пыль внутри тебя и вокруг тебя, вода из каналов разъедает подошвы твоих ботинок.

Итак, ты просыпаешься и молча осматриваешься по сторонам. Вечером ты собрал сплавную древесину и сложил ее у костра. Все исчезло. Кто-то украл драгоценную древесину. Марсиане? Попробуй угадать.

Ты встаешь и идешь к Ральфу, расправив плечи. Ты говоришь:

— Ральф, какого черта тебе понадобилось красть мою древесину?

Ты говоришь так лишь в своем воображении. Ты говоришь это Дику, ты говоришь это Гарри. Но на самом деле ты говоришь: «Ларсен снова побывал здесь этой ночью!»

Ты говоришь: «Я положил рыбу вариться, а Ларсен ее съел. У меня была прекрасная колода карт, блестящих и новых, а Ларс испортил их. Я не жульничал. Это Ларсен надеялся, что я выиграю, чтобы он смог устроить мне засаду в пустыне и отобрать у меня все деньги».

У тебя есть девушка. В лагерях не так уж много девушек, от которых исходит смех, свет и огонь. Но несколько все же есть, и тебе повезло: ты увлекся одной девушкой – у нее пухлые красные губы и кудрявые золотые волосы. Внезапно она исчезает. Кто-то сбегает с ней. Это Ларсен.

В каждом мужчине дремлет титан. Когда жизнь кипит вокруг тебя в суровом и новом мире, тебе приходится уважать парней, которые связали свои судьбы с

твоей, даже когда они действуют слишком резко, а их движения — как блеск солнечного света в пустыне, на этой бескрайней полированной надгробной плите.

Ты думаешь об имени «Ларсен». Ты начинаешь с отдельных штрихов и создаешь Ларсена до тех пор, пока в твоей голове не формируется его облик. Ты создаешь его, пока он не становится огромным, крикливым, драчливым, золотым человеком по имени Пол Баньян.

Даже дурные легенды на Марсе кажутся золотыми. Ларсен был не только моим спящим титаном — не только великаном Дика или Гарри. Он был титаном, спавшим во всех нас, и это делало его таким замечательным. Все гигантское наделено красотой, силой; и ты не в силах противиться влечению...

В одиночку мы ничего не могли поделать с Ларсеном, поэтому, когда случалось какое-то злодеяние, оно не могло вызывать у нас радости. Это просто не могли сделать мы! Вот он, Ларсен! Он берет на себя всю вину, но он не чувствует себя виновным, потому что он первый мужчина в Эдеме; ребенок, который никогда не вырастет; смеющийся мальчишка; Геркулес, держащий мир на своих плечах, ищущий женщину с длинными сверкающими косами и глазами, похожими на звезды с небес, женщину, которая будет подчиняться его воле.

Если такая женщина окажется в руках Геркулеса, захочешь ли ты остановить его, когда он пожелает разрушить мир? Ты хотя бы попытаешься?

Ты понимаешь? Ларсен был ближе к нам, чем воздух, и так же необходим как еда, и вода, и наши мечты о светлом завтрашнем дне. Не думай, что мы никогда не испытываем к нему ненависти. Не думай, что мы не проклинаяем и не браним его. Ты можешь прославлять легенду с сегодняшнего дня до бесконечности, но блеск никогда не станет совершенно чистым. Ларсен не казался бы нам совершенно реальным, если бы мы не на-

делили его мускулами, которые могли уставать, и глазами, которые закрывались от усталости. Ларсену пришлось спать, как и нам. Он исчезал на несколько дней. Мы подмигивали и говорили: «В этот раз Ларсен долго отдыхает. Но он вернется с чем-то новеньким в запасе, не беспокойся!».

Конечно, мы не могли шутить на эту тему. Когда Ларсен крал или обманывал, мы могли притворяться, что играем в игру мечеными игральными костями – не смертельную игру, но игру, полную шума и ярости с воодушевляющим взрывом веселья в ее конце.

Но есть игры куда опаснее. Я неподвижно лежал, мои руки были скрещены на груди, пот сочился из всех пор. Я смотрел на Гарри. Я работал всю ночь, копая скважину; через несколько дней вода забила бы ключом, сладкая и прохладная, и нам не пришлось бы ходить к каналу, чтобы пополнить запасы. Гарри моргал и шевелился, и я, просто взглянув на него, смог понять, как трудно ему приходится. Я посмотрел на круг лачуг, видневшихся у него за спиной.

Большинство из нас спали на открытом воздухе, но в лачугах было несколько юношей и женщин, слишком измученных тяжелой работой, чтобы беспокоиться о том, где они спят – в давящей темноте или под ясным холодным светом звезд.

Я медленно встал на колени, зачерпнул горсть песка и медленно пропустил его сквозь пальцы. Гарри смотрел прямо на меня, и его глаза расширились в тревоге. Должно быть, из-за выражения моего лица. Он встал, и подошел к тому месту, где сидел я; его рот слегка дергался. Гарри не чувствовал спокойствия. Жизнь не была к нему добра, и он смирился, покорно принимая удары и стрелы жестокой судьбы. У него было такое истощенное лицо, похожее череп; оно пугало детей, а большинство женщин, завидев его, принимались плакать.

— Ты плохо выглядишь, Том, — сказал он. — Ты слишком загнал себя.

Я быстро осмотрелся. Мне надо было ему сказать, но ужасные новости могли погубить Гарри. Он не справился бы с приступом дикой паники. Но я больше ни секунды не мог держать это в себе.

— Сядь, Гарри, — прошептал я. — Я хочу рассказать тебе. Нет смысла будить остальных.

— Ох, — сказал он.

Он сел на песок рядом со мной, пытаюсь посмотреть мне в глаза.

— Что случилось, Том?

— Я слышал крик, — сказал я. — Он был ужасен. Кто-то тяжело ранен. Он меня разбудил, а это довольно сложно сделать.

Гарри кивнул.

— Ты спишь как сурок, — сказал он.

— Я просто лежал и слушал, — сказал я, — С широко открытыми глазами. Что-то вышло из скважины — что-то двуногое. Оно не издавало ни звука. Оно было большим, Гарри и, казалось, оно растворилось в тени. Не знаю, что удержало меня, почему я не вскочил и не последовал за ним. Это как-то связано с тем, что я почувствовал. Внутри все заledenело.

Казалось, Гарри понял меня. Он кивнул, его взгляд метнулся к колодцу.

— Как давно это произошло?

— Десять-пятнадцать минут назад.

— И ты просто ждал, пока я проснусь?

— Да, — ответил я. — В крике было что-то такое, что заставило меня отложить поиски. Двое — это компания, а когда ты один на один с чем-то подобным, лучше все обдумать, а потом действовать.

Я видел, что Гарри польщен. А еще он нервничает и ужасно трясется. Но он был польщен, что я обратился к

нему как к другу, которому могу доверять. Когда больше ничего в жизни от тебя не зависит, приятно знать, что у тебя есть друг.

Я смахнул песок с брюк и встал.

— Пойдем, — сказал я. — Посмотрим.

Для него это было тяжелое испытание. Он дрожал. Он знал, что я не выдумал крик. Если один-единственный крик мог так меня взволновать, то дело плохо.

Мы подошли к скважине в полнейшей тишине. Везде были тени, холодные и угрожающие. Казалось, они, словно люди, перешептываются, теснятся друг к другу в зловещей любопытной тишине, и ждут, что мы найдем.

От огня до скважины была дорога в шестьдесят футов. Дорога под солнцем — дорога под ярким горячим солнцем Марса, с абсолютным ужасом, который, возможно, ждет нас в конце пути.

Ужас был там. Глубоко в горле Гарри зародился тихий булькающий звук, а мое сердце начало биться как барабан.

2

У человека на песке не было макушки головы. Его череп был раздавлен и сплюснут так безобразно, что он казался деревянной фигурой, оставленной здесь — анатомическим манекеном со снятой головой.

Мы огляделись в поисках головы, надеясь, что мы ее найдем, надеясь, что мы ошиблись, и случайно наткнулись на анатомическую лабораторию под открытым небом, а сейчас смотрим на жуткий реквизит, сделанный из пластика и сверкающего металла вместо костей, мускулов и плоти.

Но у человека на песке было имя. Мы знали его многие недели и говорили с ним. Он был не манекеном, а трупом. Его конечности бились в ужасных конвульсиях,

его глаза были широко открыты. Песок у его головы запекся от засохшей крови. Мы искали оружие, которое раздробило его череп, но не нашли.

Мы искали оружие до того, как увидели следы на песке. Они были большими – невообразимо большими и массивными. Человек с двенадцатым размером обуви мог оставить такие следы, если бы кожа немного размокла и выходила бы за пределы подошвы.

— Бедняга, — прошептал Гарри.

Я знал, что он чувствовал. Мы все любили Неда. Безобидный паренек, который очень любил одиночество, парень, у которого не было злого умысла. Счастливый паренек, который любил петь и танцевать в свете большого костра. У него было банджо, и он считался хорошим музыкантом. Кто мог возненавидеть Неда, кто мог наброситься на него с такой примитивной и дикой яростью? Я посмотрел на Гарри, и увидел, что он думает о том же.

Гарри выглядел довольно плохо, он был готов потерять сознание. Он прислонился к опоре у скважины, мучительная ярость горела в его глазах.

— Кровожадный ублюдок! — пробормотал он. — Я бы взял его за глотку и задушил бы его. Кто мог сделать такое с Недом?

— Я тоже не могу этого понять, — ответил я.

Затем я вспомнил. Не думаю, что Молли Иган могла по-настоящему любить Неда. Любопытным было то, что Неду не требовалась та любовь, которую она могла ему дать. Он был независимым пареньком, несмотря на свою хрупкость, и ему не нужна была женщина, которая бы за ним присматривала. Но, должно быть, Молли находила в нем что-то трогательное.

Молли была прекрасной женщиной, и в лагере не нашлось бы мужчины, который не завидовал Неду. Это удивительно, но это могло объяснить, почему Нед лежал

на песке с расколотым черепом. Вот почему кто-то мог возненавидеть его настолько, что убил.

Не прилагая никаких усилий, Нед завоевал любовь Молли. Это могло свести с ума какого-то плохого парня, как гиену сводит с ума клетка. Даже небольшой мужчина мог расколоть Неду череп, но следы на песке были большими.

Сколько мужчин в лагере носит обувь двенадцатого размера? Это был самый трудный вопрос, и он повис в мерцающем воздухе между Гарри и мной словно беззвучный вызов. Мы практически видели изогнутый знак вопроса, висевший в ослепительном блеске марсианского солнца.

Я немного подумал, глядя на Гарри. Затем я глубоко вздохнул и сказал:

— Сначала нам лучше обсудить это с Биллом Ситонном. Если новость разойдется, эти следы очень быстро затопчут. А если страсти накалятся, может случиться все, что угодно.

Гарри кивнул. Билл был из тех ребят, на которых можно положиться в экстренной ситуации. Спокойный, уравновешенный, рациональный, с авторитетным видом, вызывавшим уважение. Временами он мог быть упрямым, но его чувство справедливости было крепким как кнут.

Мы с Гарри очень аккуратно обошли участок осыпавшегося песка и остановились у двери лачуги Билла. Билл был холостяком, и мы знали, что внутри не будет женщины, которая воспротивится и скажет ему, что он сделает глупость, если станет действовать как судебный исполнитель. Или все-таки будет? Нам пришлось рискнуть.

Охрана порядка – неблагодарное дело как на Земле, так и на Марсе. Поэтому она привлекает худших – и лучших. Если ты упивающийся властью садист, то ты

возьмешься за эту работу ради удовольствия, которое она принесет тебе. Но если ты действительно хочешь сохранять жестокость в рамках, чтобы довольно приличные ребята получили шанс построить будущее, ты возьмешься за эту работу без единой мысли о награде, лишь ради простого удовлетворения от помощи людям.

Билл Ситон был таким мужчиной, пусть ему и нравилось находиться в центре внимания и командовать остальными.

— Давай, Гарри, — сказал я. — По крайней мере, мы разбудим его и покончим с этим.

Мы зашли в лачугу. Билл спал на полу, поджав длинные ноги. Его рот был открыт, и он сильно храпел. Я не мог не подумать, как сильно он похож на гигантского кузнечика. Но это было только первое впечатление, вызванное нервным переутомлением.

Я наклонился и потряс Билла. Я схватил его руку и тряс его, пока его челюсть не захлопнулась, и он не вскочил, встревоженный. Ощущение нелепости мгновенно исчезло. Вернулось чувство собственного достоинства, окутавшее его как плащ.

— Ты говоришь, Нед? Бедный паренек! Помогите мне — если я найду крысу, которая это сделала, я зажарю ее на медленном огне!

Он поднялся, кое-как добрался до шкафчика с оборудованием и вытащил пробковую каску и пару шорт. Он быстро оделся, постоянно ругаясь, и вышел за дверь на яркий рассвет, как будто хотел обрушить оба кулака на первого же подозрительного парня, который появится у него на пути.

— Мы не можем допустить, чтобы следы затоптали, — бормотал он. — Здесь полно тупых мерзавцев, которые ничего не знают о сохранении улик. Эти следы могут оказаться единственной зацепкой.

— Только мы трое будем этим заниматься, Билл, — сказал я. — Когда ты решишь, что делать, мы разбудим остальных.

Билл кивнул.

— Держать все в секрете — очень важно. Мы принесем его сюда. Когда мы расскажем новости, я хочу, чтобы тела не было видно.

Гарри, Билл и я совершили еще одну прогулку под солнцем. Я посмотрел на Гарри, и зеленоватый цвет его лица потряс меня. Он тяжело это переживает, подумал я. Если бы я не знал его так хорошо, то бы мог прийти к неприятному выводу. Но я просто не мог представить, чтобы Гарри поссорился с Недом из-за Молли.

Как я мог такое подумать? Я поднял руку и посмотрел на нее. Она не тряслась. Нервы крепки, разум чист. Никого удовольствия в охране порядка — передаю эту ношу Биллу. Но предстояла отвратительная работа, и я смело встречал ее, по крайней мере, я так думал.

Когда-нибудь пытался поднять труп? Труп незнакомца поднять легче, чем труп человека, которого ты знал и любил. Мы с Гарри поднимали его вместе. Для двоих вес мертвого тела не казался слишком большим — сначала. Но вскоре труп стал ужасно тяжелым, наши руки тащили его как какое-то сырое бревно, извлеченное из темных вод канала.

Мы принесли тело в лачугу и опустили на пол. Голова откинулась назад, и глаза выпучились. Смерть всегда постыдна. Она лишает человека сдержанности и превращает достойного человека в посмешище, напоминая о жестокости судьбы и тщетности противостояния ей.

Мгновение мы стояли, глядя на то, что осталось от Неда. Я взглянул на Билла.

— Сколько мужчин в лагере носят двенадцатый размер обуви?

— Скоро мы это выясним.

Все это время мы не упоминали Ларсена. Ни слова о Ларсене, никто не сказал ни слова. Жульничество, да. Обман и коварное предательство, и порочность, и злость. Драки у костров посреди ночи, избитые лица и сломанные запястья, и проклятия, которые никогда не прекращались. Во всем этом мы могли видеть Ларсена. Но безобидный паренек, лежащий мертвым у скнажины и растекающейся луже крови — это злодеяние внезапно остановило нас в нашей легенде... А еще остались следы.

В человеческом разуме есть что-то, отрицающее слишком явную ложь. Как бы прекрасно было сказать: «Ларсен снова приходил этой ночью. Он нанес паренька, который никогда никого не трогал, стоящего у скнажины в лунном свете. Просто ради удовольствия он решил убить паренька прямо там, в тот же миг». Просто добавить легенде блеска, просто пустить по лагерю волнующие слухи...

Нет, это была бы такая ложь, в которую не поверил бы ни один нормальный человек.

Затем случилось что-то, что заставило нас нервничать.

Самый тревожный звук, который можно услышать на Марсе — это шепот. Обычно он начинается как едва слышное бормотание и усиливается с каждым порывом ветра. Но сейчас он начался с высокой ноты, нарастал и не прекращался.

Это был шепот вымирающей расы. Марсиане так же неуловимы, как эльфы, и вся безжалостная логика науки не сумела вытащить их на солнечный свет, и поставить перед людьми по всей непреклонной заносчивости существ, равных человеческой расе.

Этот провал был трагедией. Если превосходство человека кто-то оспаривает, то пусть перед нами встанет существо из плоти и крови, двуногое с большими мозгами, которое должно убивать, чтобы выжить. Лучшее это, чем

призрачное мерцание в глубоких сумерках, шепот, измахи, и протяжные вздохи, пророчащие смерть.

О, марсиане были совершенно реальными. Порхающая летучая мышь-вампира реальна, как и жалящий скат в глубинах голубой лагуны. Но кто мог показать на марсианина и сказать: «Я ясно видел тебя в ярком дневном свете. Я заглядывал в твои совиные глаза и следил, как ты порхал над песком на своих тонких ножках-стебельках. Я знаю, в тебе нет ничего загадочного. Ты как водное насекомое, скользящее по поверхности пруда на знакомой поляне на Земле. Ты быстр и осторожен, но не так быстр, чтобы скрыться от человека. Ты всего лишь занятное насекомое».

Кто мог такое сказать, когда глубоко под песком скрывались руины, доказывающие ложность подобных представлений. Сначала руины, а потом и сами марсиане, всегда неуловимые, как гномы, как гоблины, исчезающие в ступающих сумерках.

Ты археолог, и ты на Марсе с первой группой юнцов, которые высыпали из космического корабля с романтическим блеском в глазах. Ты видишь, как эти юнцы роют скважины и потеют в пустыне. Ты видишь, как растут сборные корпуса домов, носятся машины, строятся кемпинги, начинаются полуночные потасовки и драки. Ты видишь в пустыне город, правоохранительные комитеты, лагерь последователей реформ.

Ты здравомыслящий ученый, поэтому ты начинаешь копиться в руинах. Ты находишь старинные цилиндры, катушки с фильмами и научные инструменты такой сложности, что у тебя кружится голова.

Ты задаешься вопросом о марсианах — как они выглядели, когда были молодой и гордой расой. Если ты археолог, ты задаешься таким вопросом. Но Билл и я все еще оставались юнцами. О, конечно, нам уже мину-

ло тридцать, но кто мог так подумать? Билл выглядел на двадцать семь, а у меня не было седины в волосах.

3

Билл кивнул Гарри:

— Тебе лучше остаться здесь. Мы с Томом зададим несколько серьезных вопросов, и наш первый шаг будет зависеть от того, какие ответы мы получим. Не позволяй никому рыскать у этой лачуги. Если кто-нибудь сунет сюда голову и станет буяннить, предупреди его один раз, а затем убей.

Он протянул Гарри оружие.

Гарри утрюмо кивнул и уселся на пол рядом с Недом. В первый раз со дня нашего знакомства Гарри выглядел вполне уверенным.

Когда мы вышли из лачуги, шепот стал таким громким, что весь лагерь поднялся по тревоге. Нам не пришлось обходить лачугу за лачугой, наблюдая, как удивление и шок появляются в глазах людей.

Дюжина или больше мужчин стояли между лачугой Билла и скважиной. Они хмуро смотрели на рассвет, как будто видели на небесах кровь, которая проливалась на песок и образовывала зловещую лужу у их ног. Похожая на мираж лужа отражала их собственные скрытые предчувствия, отражала сжатые кулаки и напряженные плечи мужчин, слишком мстительных, чтобы знать значение слова «сдержанность».

Джим Кенни стоял один в стороне, примерно в сорока футах от скважины, и пялился прямо на нас. Его рубашка была расстегнута у ворота, открывая часть волосатой груди, большие руки глубоко засунуты за пояс. Он был шести футов ростом, очень мощный, и с большими ногами.

Я легонько толкнул руку Билла.

— Что думаешь? — спросил я.

Кенни казался самым вероятным подозреваемым. Молли привлекла его внимание с самого начала, и он, не теряя времени, преследовал ее. Парень вроде Кенни считал бы поражение от мужчины из собственного племени ужасным унижением. Но просто представь, что поражение Кенни нанес паренек наподобие Неда. Это бы разъярило его и закрыло его глаза красной пеленой ненависти.

Билл медленно ответил на мой вопрос, не отводя глаз от подстриженной головы Кенни.

— Думаю, нам надо взглянуть на его обувь, — сказал он.

Мы медленно пошли, стараясь не тревожить остальных, притворяясь, что отправились на прогулку перед завтраком.

В этот момент Молли вышла из своей лачуги. Мгновение она стояла, моргая от яркого света рассвета, ее распущенные волосы падали мягкой темной массой на плечи, с ее глаз еще не спала пелена сна. На ней были тапочки цвета ржавчины и подчеркивающий ее фигуру желтый халат, затянутый поясом на талии.

Молли была не то чтобы красивой. Но в ней было что-то волнующее, и легко понять, что такой парень, как Кенни, просто не смог перед ней устоять.

Билл бросил взгляд на Кенни, пожал плечами и посмотрел прямо на Молли. Он повернулся ко мне, он почти прошептал:

— Ей надо сказать, Том. Ты сделаешь это. Ты ей очень нравишься.

Я сам об этом думал — насколько я ей нравлюсь. Трудно определить наверняка...

Билл заметил мое замешательство и нахмурился.

— Ты можешь проверить, не скрывает ли она чего. Ее реакция может дать нам подсказку.

Молли выглядела пораженной, когда увидела, что я подхожу к ней без маски, которую обычно носил, когда плясал вокруг нее, смеялся, гладил ее волосы, и говорил, что она самое прелестное создание, которое можно себе представить, и что она станет для кого-то – не для меня – хорошей женой.

Поэтому было так трудно ей все рассказать. Самое трудное случилось в конце – когда она посмотрела на меня без слез и обняла меня, как будто я стал для нее последней опорой на Земле.

На миг я почти забыл, что мы не на Земле. На Земле я мог бы утешить ее абсолютно нормальным способом. Но на Марсе, когда женщина падает в твои объятия, твои эмоции могут исчезнуть за считанные секунды.

— Осторожно, — прошептал я, — Мы просто друзья, помнишь?

— Я бы хотела забыть, Том, — ответила она.

— Ты в шоке, — шептал я, — Ты по-настоящему любила того паренька – больше, чем ты думаешь. Довольно естественно, что ты испытываешь ко мне определенные чувства. Я случайно здесь оказался – и ты поцеловала меня.

— Нет, Том. Все совсем не так...

Я мог бы позволить себе зайти немного дальше, если бы Кенни нас не видел. Сначала он стоял очень спокойно, наблюдая за Молли. Потом его глаза сузились, и он медленно пошел к нам, его руки все еще лежали на ремне.

Я быстро взглянул на Молли и увидел, что черты ее лица ожесточились. В ее глазах появилось темное подозрение. Билл тоже смотрел на Кенни, ожидая, когда тот что-то предпримет. Он шагал в одном ритме с Кенни, двигаясь в том же направлении с другой стороны — в то место, где, по его расчетам, они должны были как бы случайно встретиться, прямо напротив нас.

Билл напрягся, но ничего не предпринимал. Послышался его голос, ясный, резкий и настойчивый.

— Ты знаешь что-нибудь об этом, Кенни?

Казалось, напряжение на лице Кенни усилилось, но в его глазах не было паники, естественного блеска страха.

— С чего ты решил, будто я что-то знаю? — спросил он.

Билл ничего не ответил. Он просто пялился прямо на ботинки Кенни. Он немного отступил и продолжал смотреть, как будто что-то жизненно важное ускользнуло от него и скрылось под сырой кожей башмаков Кенни.

— Какого размера обувь ты носишь? — спросил он.

Кенни, должно быть, заподозрил, что вопрос был так же опасен, как провод, ведущий к детонатору бомбы, готовой взорваться от малейшего движения. Его взгляд стал пронизательным и насмешливым.

— Так парень, который сделал это, оставил следы на песке? — спросил он. — И следы оставлены большой ногой?

— Да, — ответил Билл. — Ты сообразителен.

Затем Кенни засмеялся, насмешка в его взгляде усиливалась.

— Что ж, — сказал он. — Полагаю, нам надо взглянуть на те следы, и, если тебе станет легче, я сниму свои ботинки, и ты сможешь сравнить.

Кенни, Билл и я медленно пошли от лачуги Молли к скважине под горячими, пылающими лучами солнца, под нескончаемый шепот, который мучительно пробирался нам под кожу.

Кенни все еще тревожно ухмылялся. Он посмотрел на следы и хмыкнул.

— Да, — сказал он. — Определенно, они большие. Самые большие следы, которые я когда-либо видел.

Он сел и начал расшнуровывать свои ботинки. Сначала правый ботинок, потом левый. Он снял оба ботинка и протянул их Биллу.

— Поставь их, — сказал он. — Измерь. Посмотри мой размер, и черт с тобой!

Билл осторожно проверил. Было восемь следов, и он тщательно приложил обувь к каждому из них. Всякий раз оставалось свободное место.

Это окончательно оправдало Кенни. Он не был убийцей — на сей раз. Мы могли бы устроить в лагере самосуд, и Кенни погиб бы за преступление, которое совершил другой человек. Я закрыл глаза и увидел, как Ларсен раскачивается на крыше, черный капюшон закрывает все его лицо. Я увидел Молли, которая в свете дня стоит рядом со мной, и вместо лица у нее каменная маска.

Я открыл глаза. Кенни презрительно нам улыбался. Он принял наш блеф и победил. Теперь положение изменилось.

Холодок пробежал по моей спине. Теперь пялился Кенни, и он смотрел прямо на мои ботинки. Он немного отступил, не отводя взгляда. Он подчеркивал свой триумф так, что моя кровь прекратилась в лед.

Затем я заметил, что Билл тоже смотрит — прямо на обувь человека, которого он знал три года, которого любил и которому доверял. Но внутренняя теплота и дружелюбие Билла были словно гранитная плита, которую ничто не могло сотрясти.

Первым заговорил Билл.

— Думаю, тебе лучше снять их, Том, — сказал он, — Мы можем это закончить.

Конечно, я был большим. Когда я был ребенком, я быстро рос, и в восемнадцать я весил двести тридцать фунтов. Если обувь была большой, иногда я мог впих-

нуть ноги в двенадцатый размер, но я чувствовал себя гораздо удобнее в обуви на размер или два больше.

Еще хуже то, что я нравился Молли. Я был привязан к ней, но никто не знал, насколько сильно. Никто не знал, ссорились мы или нет, и каким безумно ревнивым я мог быть. Никто не знал, притворялась ли Молли, что любит Неда, а сама вздыхала по мне, и насколько опасной и сложной могла стать вся эта ситуация.

Я стоял очень спокойно – стоял и слушал. Сейчас шепот стал таким громким, что заглушал вздохи ветра. Я посмотрел на свои ботинки. Они были грязными, сырыми и выцветшими. День за днем я таскался от канала к лачугам под палящим солнцем, не позволяя себе думать об отдыхе, пока боль в ногах не становилась невыносимой.

Можно было сделать только одно – ответить на блеф Кенни так быстро, чтобы у него не нашлось времени обвинить меня еще в чем-нибудь.

Я протянул Биллу оба моих ботинка. Он посмотрел на меня и кивнул. Я ждал, слушая, как шепот усиливается и стихает; я смотрел, как Билл нагибается и прикладывает обувь к следам на песке.

Внезапно он выпрямился. Лицо его не выражало эмоций, но я видел, что он ведет ужасную внутреннюю борьбу с собой.

— Твои ботинки почти подходят, Том, — сказал он, — Я не уверен – но восковой слепок должен довольно точно все рассказать.

Он схватил меня за руку и кивнул в сторону лачуг.

— Лучше держись рядом со мной.

Кенни медленно сделал шаг назад, он сжал зубы и попытался посмотреть в глаза Биллу.

— Восковой слепок, черт возьми! – сказал он. — Ты поймал убийцу. Я собираюсь посмотреть, как он получит то, что заслужил – прямо сейчас!

Билл покачал головой.

— Я сделаю это по-своему, — произнес он.

Кенни посмотрел на него, и резко засмеялся.

— У тебя не будет шанса, — сказал он, — Парни не поддержат это. Я собираюсь все рассказать, и тебе не стоит даже пытаться остановить меня.

Это было уж слишком. Я держал себя в руках, но тут испытал внезапное непреодолимое желание ударить кулаком по лицу Кенни, чтобы он завалился на песок. Я пошел на него, но он отпрыгнул и начал кричать.

Я точно не помню, что он кричал. Но он сказал достаточно, чтобы затянуть петлю на моей шее. Все мужчины и все женщины, стоявшие между лачугами и скважиной, обернулись, чтобы посмотреть на меня. Я видел шок и пламя ярости в глазах тех мужчин, которые обычно сохраняли спокойствие. Теперь они не были спокойны — все они.

4

Все это случилось так быстро, что я был пойман врасплох. Под суровым марсианским солнцем эмоции людей становились такими же нестабильными, как дюны, которые наметает ветер.

Безумная мысль промелькнула в моей голове: Молли тоже в это поверит? Присоединится ли она к этим безумцам с их дикой жаждой мести? Она была мне нужна, это было так внезапно подавляюще. Простой взгляд на ее лицо помог бы мне, но все больше и больше людей выходило из лачуг, и я не видел ее позади. Они направились прямо ко мне, и я знал, что даже Билл не сумеет остановить их.

Нельзя спорить с лавиной. Она напозала прямо на меня, по пути набирая обороты — не один человек и не

дюжина, а целая стена человеческой ненависти и глупости.

Билл стоял на своем. Он поднял ружье и начал кричать, что те следы могли быть и не от моих ботинок. Я записал это на его счет и решил, что никогда не забуду.

Я понял, что мне придется сделать рывок. Я бежал изо всех сил, глядя на искры солнечного света на растущих дюнах и на глубокие впадины, которые прицельно выпущенная пуля могла быстро превратить в погребальный курган.

В воздухе раздался треск оружейных выстрелов. Прямо на моем пути песок взлетел гейзером, когда в него попали пули. Кто-то не был метким стрелком или поддался слепой ярости, из-за чего рука дрогнула. Многие сорвались – выстрелы учащались и на мгновение стали почти непрерывными; их глухой треск заглушал шепот и завывания ветра.

Затем внезапно все звуки замолкли. Абсолютная тишина опустилась на пустыню – неестественная, пугающая тишина, как будто сама природа перестала дышать, ожидая, что раздастся чей-то крик.

Должно быть, я обезумел, когда обернулся. У движущейся мишени есть шанс, но неподвижная мишень – доступна, и жизнь ее висит на волоске. Но все же я обернулся.

Между скважиной и лачугами происходило что-то, остановившее смерть на полпути. Одну из лачуг охватило пламя, кричала женщина, а мужчина рядом с ней боролся с чем-то огромным и бесформенным, резко выделявшимся на фоне рассвета.

Человек? Я не был уверен. Это напоминало монстра с выпуклостью между плечами, что придавало тени, метавшейся по песку, вычурный и искаженный вид. Я ясно видел тень с расстояния в триста футов. Она удлинялась и укорачивалась, как будто разъяренный осьминог

постоянно менял размеры, наращивая щупальца и меняя их форму.

Но это был не осьминог. У него были руки и ноги, и он сжимал мужчину железной хваткой. Теперь я все видел. Я смотрел и видел, как остальные повернулись ко мне спиной; их слепая ненависть ко мне исчезла, столкнувшись с невообразимым кошмаром.

Внезапно я понял, что силуэт — это человек. У него была голова и плечи, и тело, на котором двигались мышцы, и руки, которые могли бить и калечить. Он отбросил от себя беспомощного мужчину, судорожно сжав все мышцы. Я никогда не видел, чтобы человеческое существо так двигалось, но в этой ярости его человеческая сущность становилась все заметнее.

Затем случилось нечто ужасное. Женщина закричала и бросилась к звероподобному маньяку, протянув руки. Меняющаяся фигура нагнулась, схватила ее за талию и подняла в воздух. На миг я подумал, что существо собирается отбросить ее, как и мужчину. Но я ошибся. Оно швырнуло женщину на песок с такой животной жесткостью, что та мгновенно обмякла.

Затем бесчеловечный безумец повернулся, и я увидел его лицо. Если когда-либо чудовищная жестокость и злобная хитрость отражались на человеческом лице, то именно они сияли в глазах, обращенных в мою сторону, безжалостных в неоторимой ненависти. Я не мог отвести взгляд от этого лица. Ненависть была физически ощутима, даже в слепящей дымке солнечного света, которая сглаживала четкие контуры физических объектов. Но там виднелось и нечто большее, нежели ненависть. В этом лице было что-то потрясающее: как будто зло, которое опустошило его, оставило жгучее клеймо самого Люцифера!

На мгновение безумец застыл неподвижно, его ужасная жестокость не вызывала сомнений. Затем к нему

направился Джефф Уинтерс. Джефф прилетел на Марс один и с каждым днем становился все более одиноким. Это был задумчивый, замкнутый человек, скрытый и утрюмый, с толикой дикости, которую обычно он мог контролировать. Он шел к безумцу как щенок терьера, лохматый, свирепый, презирающий смерть.

Большая фигура быстро повернулась, подняла руки, опустила сжатый кулак на череп Джеффа. Джефф рухнул как разбитый гипсовый слепок. Казалось, его тело сломалось и разрушилось, и он развалился на песке.

Он не встал.

На поясе Фрэнка Андерса висели два пистолета, и он быстро вытащил оружие. Никто не знал, что за человек был Андерс. Едва ли он когда-нибудь жаловался или выставлял себя на посмешище. У паренька были рыжеватые волосы и холодные синие глаза; и он никогда не давал промаха.

Внезапно прогремели выстрелы его пистолетов. На мгновение воздух между его руками и маньяком превратился в трескающуюся огненную стену. Тварь немного покачнулась, но не упала. Она пошла прямо на Андерса, расставив руки широко в стороны.

Существо схватило Андерса за талию, подняло его, и ударило тело о песок. Меня затошнило, когда я это увидел. Безумец колотил голову Андерса о землю снова и снова. Затем внезапно огромные руки разжались, и Андерс безвольно осел на землю.

Мгновение безумец медленно качался вперед-назад, как окровавленная марионетка на ниточке. Затем он пошел вперед устрашающей шаркающей походкой, его голова опустилась, казалось, темная бесформенная тень удлинялась перед ним на песке, словно языки пламени.

И тут тишину снова нарушили выстрелы. Ненависть, которая была направлена на меня, обратилась на монстра, и обрела форму тесного смертоносного круга – он

попал под перекрестный огонь, отбросивший его на песок.

Он подпрыгнул и бросился прямо к скважине. То, что случилось дальше, казалось словно ожившей сценой из ужасного сна. Безумец тащился мимо скважины, воздух за его спиной обратился в стену огня. Стрельба не прекращалась. Теперь мужчины спокойно стояли рядом, они стреляли решительно и мрачно; их рефлексy были сильнее страха.

Безумец тяжело прошел мимо меня и забрался на дюну, держа плечи прямо. Тьма сгущалась над ним, он перешагнул дюну и пропал из виду.

Я повернулся и направился к лагерю. Преследователи миновали скважину и направились ко мне. Но никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Двенадцать мужчин прошли мимо меня, шагая в три ряда. Билл шел за ними, его взгляд был каменным. Билл дотронулся до меня, когда проходил мимо, и с улыбкой коснулся моего плеча.

— Теперь мы знаем, кто убил Неда, — прошептал он. — Мы знаем, друг. Успокойся, отдохни.

Моя голова пульсировала, но я видел большие следы, рядом с которыми стоял — следы убийцы, которого выдавала ненасытная тяга к убийству.

Я увидел, как мимо прошел Кенни, одаривший меня презрительной улыбкой. Он сделал все возможное, чтобы уничтожить меня, но во мне больше не осталось ненависти.

Я медленно сделал шаг вперед — и упал вперед, лицом вниз...

Я очнулся, голова моя лежала на коленях Молли. Она смотрела сверху вниз на мое лицо, забавно всхлипывая и глядя пальцами мои волосы.

Она как будто испугалась, увидев, что я проснулся. Она быстро заморгала и начала искать носовой платок.

— Должно быть, я отключился, — сказал я, — Довольно сложно держаться на ногах, когда тебя линчуют. И то, что я увидел позже, было не совсем приятным.

— Дорогой, — прошептала она. — Не двигайся и ничего не говори. С тобой все будет в порядке.

— Еще как будет! — ответил я. — Я и сейчас чувствую себя превосходно.

Моя рука скользнула по ее плечу, я наклонял ее голову, пока ее дыхание не начало согревать мое лицо. Я целовал ее волосы, губы, глаза — наверное, я на минуту обезумел.

Я понял, что ее глаза сияют, она тихо смеется и одновременно плачет.

— Ты передумал, — сказала она. — Теперь ты мне веришь, да?

— Ничего не говори, — ответил я. — Не говори ни слова. Я просто хочу смотреть на тебя.

— Это ты был с самого начала, — произнесла она. — Не Нед — и никто другой.

— Я был слепым глупцом, — сказал я.

— Ты никогда не смотрел на меня.

— Одного взгляда было достаточно, — прошептал я. — Но когда я заметил, что происходит между тобой и Недом...

— Я никогда его не любила. То было просто...

— Не бери в голову, не говори об этом, — сказал я. — С этим покончено.

Я замолчал, вспоминая. Ее глаза расширились от испуга, и я видел, что она тоже вспоминает.

— Что случилось? — спросил я. — Они поймали эту злобную крысу?

Она откинула назад волосы; внезапно в лучах солнечного света черты ее лица стали резкими.

— Он упал в канал. Пули свалили его, и он рухнул вниз.

Ее рука сжала мое запястье.

— Билл рассказал мне. Он пытался плыть, но течение утянуло его вниз. Он пошел на дно и не выплыл.

— Я рад, — сказал я. — Кто-нибудь в лагере видел его раньше?

Молли покачала головой.

— Билл сказал, что это бродяга — опасный маньяк, которой, должно быть, сошел с ума из-за солнца.

— Понятно, — сказал я.

Я вытянулся и снова заключил ее в объятия, и мы несколько секунд мы лежали на песке.

— Забавно, — сказал я спустя некоторое время.

— Что?

— Ты знаешь, что говорят о шепоте. Иногда, когда слушаешь сосредоточенно, кажется, слышишь слова у себя в голове. Как будто у марсиан есть телепатическая сила.

— Возможно, и есть, — сказала она.

Я искоса взглянул на нее.

— Помнишь, — сказал я, — На Марсе были города, когда наши предки были волосатыми обезьянами. Марсианская цивилизация была процветающей и великой за пятьдесят миллионов лет до того, как выросли пирамиды — памятник человеческой сплоченности и достоинству. Дурной памятник, построенный рабами. Но, в конце концов, это было начало.

— Сейчас ты говоришь как поэт, Том, — сказала она.

— Возможно. Должно быть, у марсиан были их собственные пирамиды. И в эпоху пирамид, наверное, у них были свои Ларсены, которые брали на себя всю вину. Им кажется, что мы все еще живем в эпоху пирамид. Предположим...

— Предположим что?

— Предположим, они хотели предупредить нас, преподать нам урок, который мы не сможем забыть. Как мы с определенностью можем сказать, что вымершая раса не может использовать определенные технологии, которые нам не доступны.

— Боюсь, я не понимаю, — удивленно сказала она.

— Когда-нибудь, — ответил я, — наша наука возьмет крошечный фрагмент человеческой ткани с тела мертвого человека, положит его в инкубатор — и появится новый человек из крошечного клочка плоти. Человек, который сможет снова ходить, жить, дышать, снова любить и снова умереть после полного жизненного цикла. Возможно, марсианская наука когда-то была столь велика. И марсиане могут до сих пор сохранить остатки подобных техник. Возможно, в наших человеческих мозгах, в наших похороненных воспоминаниях и желаниях они смогли отыскать ключ и воскресить к ужасной жизни нечто чудовищное и кошмарное...

Внезапно ее рука похолодела.

— Том, ты же на самом деле не думаешь...

— Нет, — ответил я, — Это чепуха, конечно. Забудь.

Я не сказал ей, что шепот у меня в голове, казалось, не смолкал:

— Мы дали вам Ларсена! Вы хотели Ларсена, и мы сотворили его для вас! Его плоть и его разум — его жестокую силу и злобное сердце! Он идет, он здесь! Ларсен, Ларсен, Ларсен!

Дважды умерший

В Смерти, как и в Жизни, Хэзлитт был бесполезным, бесхребетным и слабым. Затем появилась одна славная возможность. Когда Хэзлитт увидел незнакомца за своим столом, его эмоции были явно отрицательными.

«Апчер мог бы уведомить меня, — думал он. — Он бы не был таким своевольным несколько месяцев назад!»

Он яростно осмотрел кабинет. Казалось, никто не замечает его присутствия. Человек, который сидел за его столом, диктовал письмо, и стенографистка даже не поднимала глаз.

— Это отвратительно! — сказал Хэзлитт довольно громко, чтобы захватчик услышал его; но тот продолжал диктовать письмо:

— Премия по полису 6284 была так давно просрочена...

Хэзлитт яростно пересек кабинет, и вошел в комнату, полную света и шумных разговоров. Апчер, президент, проводил совещание, но Хэзлитт, игнорируя трех директоров, которые дымили толстыми сигарами, обратился прямо к мужчине во главе стола.

— Я работал на вас двадцать лет, — яростно прокричал он. — И не надо думать, что сейчас вы можете меня прогнать. Я помогал создавать эту компанию. Если понадобится, я предприму законные действия...

Мистер Апчер был тучным и суровым. Его узкий череп и маленькие глазки под густыми бровями выдавали в нем человека очень примитивного типа. Он замолчал и уставился прямо на Хэзлитта. Его взгляд был холодно-равнодушным — твердым, отдаленным. Его спокойствие оказалось таким неожиданным, что напугало Хэзлитта. Директора как будто недоумевали. Двое из них прекратили курить, а третий водил рукой по лбу.

«Я напугал их, — подумал Хэзлитт. — Они знают, что старик всем обязан мне. Я не должен выглядеть слишком покорным».

— Вы не можете избавиться от меня таким способом, — продолжил он догматически, — Я никогда не жаловался на ту мизерную зарплату, которую вы мне платили, но вы не можете выбросить меня на улицу без объяснений.

Президент слегка порозовел.

— Наше дело очень важно... — начал он.

Хэзлитт прервал его взмахом руки.

— Мое дело — единственная вещь, которая сейчас важна... Я хочу, чтобы вы знали, что я не буду терпеть ваши безжалостные действия. Когда человек был рабом в течение двадцати лет, как я, он заслуживает некоторого внимания. Я просто прошу о справедливости. Ради Бога, почему вы ничего не говорите? Вы хотите, чтобы я сделал то, о чем говорю?

Мистер Апчер вытер рукавом пиджака маленькие бусинки пота, которые собрались у воротника. Его взгляд оставался спокойным и безразличным, а когда Хэзлитт накричал на него, он облизнул губы и начал:

— Наше дело очень важно...

Хэзлитт задрожал, второй раз услышав это елейное замечание. Он обнаружил, что пытается сдержаться, но его ярость продолжала усиливаться. Он угрожающе придвинулся к сидевшему во главе стола и взглянул в бесстрастные глаза своего бывшего работодателя. Наконец он завопил:

— Ты проклятый негодяй!

Один из директоров кашлянул. Слабая ухмылка появилась на флегматичном лице Апчера.

— Наше дело, как я уже говорил...

Хэзлитт поднял кулак и ударил президента «Компании Ричбанк по страхованию жизни» прямо в челюсть.

Это было невыносимо нелепо, но Хэзлитт больше не мог ограничиваться словесными убеждениями. Он решил, что необходимо по меньшей мере применить силу.

Ухмылка исчезла с лица мистера Апчера.

Он поднял правую руку и быстро провел ею по подбородку. Вспышка гнева на мгновение появилась в его маленьких, глубоко посаженных глазках.

— Кое-чего я не понимаю, — бормотал он, — Чертовски больно. Я точно не знаю, что это значит!

— Правда? — закричал Хэзлитт. — Лучше вам это понять. Я не прочь ударить вас снова.

Но он был напуган собственной жестокостью и не мог понять, почему директора не схватили его. Казалось, они не заметили ничего необычного: и даже мистер Апчер не выглядел сильно расстроенным. Он продолжал тереть подбородок, но прежнее безразличие вернулось в его глаза.

— Наше дело очень важно... — начал он.

Хэзлитт не выдержал и расплакался. Он прислонился к стене, пока сильные рыдания сотрясли его тело. Он мог противостоять гневу и плохому обращению, но безразличие мистера Апчера лишило его мужества. Невозможно спорить с человеком, который просто не замечает оскорблений. У Хэзлитта не осталось выбора; он был полностью сокрушен. Но даже это признание поражения прошло незамеченным. Директора обсуждали полисы, премии и первые ипотечные кредиты, и мистер Апчер высказал несколько обывательских мнений, пока его правая рука продолжала гладить подбородок.

— Полисы, которым более пятидесяти лет, — говорил он, — не подпадают под новый закон. Можно предположить...

Хэзлитт не стал ждать, когда он закончит. Истерически рыдая, он вышел во внешний кабинет, и несколькими минутами позже спустился в лифте на улицу.

Храбрость покинула его; он чувствовал себя человеком, восставшим из могилы. Он стал совсем белым; остановившись на секунду в вестибюле, Хэзлитт пришел в ужас от того, что старушка ткнула его зонтиком и оттолкнула в сторону.

Блеск и неразбериха Бродвея в сумерках не успокаивали его. Он уныло брел, засунув руки в карманы и опустив взгляд в землю.

«Я никогда не найду другую работу, — думал он. — Мои нервы сдали, и старик Апчер никогда не даст мне рекомендаций. Не знаю, как рассказать об этом Хелен...»

Мысли о жене привели его в ужас. Хэзлитт знал, что она будет его презирать.

— Она подумает, что я тряпка, — вздохнул он. — Но я сделал все, что мог. Нельзя биться о каменную стену. Понятно, что старик Апчер планировал это с самого начала. Надеюсь, он подавится!

Он перешел дорогу на 73-й Стрит, и неторопливо двинулся на запад. Темнело, и он на миг остановился, чтобы взглянуть на часы. У него тряслись руки, и часы чуть не упали на тротуар. Чертыхаясь, Хэзлитт положил их в жилет.

— Ужин остынет, — пробормотал он. — И Хелен останется недовольна. Как же сообщить ей новости?

Когда Хэзлитт пришел домой, он дрожал. Он старался успокоиться, дергая себя за усы и виновато насвистывая. Его переполняли стыд и страх, но что-то подсказывало ему повременить со звонком в дверь.

Он мягко нажал на звонок, но успокоительный щелчок не прозвучал. И — внезапно он оказался в своей собственной квартире.

— Я определенно вошел, — бормотал он невероятно испуганным голосом, — Но, очевидно, я вошел не через дверь... Или вошел? Не думаю, что я в порядке.

Он повесил шляпу и зонтик на вешалку и вошел в гостиную. Его жена уселась на подлокотник моррисовского кресла спиной к Хэзлитту. Она была одета в халат и тапочки, волосы были распущены. Она шептала очень тихим голосом:

— Мой дорогой; мой милый! Надеюсь, ты не слишком сильно устал на работе. Ты должен заботиться о своем здоровье ради меня. Бедный Ричард ушел за три дня от двойного воспаления легких.

Хэзлитт уставился на нее. Женщина, сидевшая в кресле, очевидно, обращалась не к нему, и на мгновение он подумал, что забрел в чужую квартиру и принял незнакомку за свою жену. Но знакомые очертания профиля вскоре разуверили его, и он ахнул. Затем в одной ослепительной вспышке Хэзлитт увидел все.

Его жена предала его; она говорила с другим мужчиной.

Хэзлитт быстро решил, что убьет свою жену. Он зловеще пошел к тому месту, где она сидела, и уставился на нее разъяренными, налитыми кровью глазами.

Она поежилась и нервно осмотрелась. Незнакомец в кресле встал спиной к камину. Хэзлитт увидел, что он был высок, худощав и симпатичен. Он казался счастливым и улыбался.

Хэзлитт сжал кулак и гневно посмотрел на незваного гостя, проникшего в его дом.

— Что-то прошло между нами, — сказала жена Хэзлитта странно отдаленным голосом. — Я чувствую чье-то физическое присутствие. Возможно, ты подумаешь, что я очень глупая.

Незнакомец покачал головой.

— Я тоже это чувствую, — сказал он. — Как будто призрак старого возлюбленного вернулся к тебе. Когда ты сидела на ручке кресла, я видел, как изменилось твое лицо. Думаю, ты чего-то боишься.

— Я заставлю вас обоих бояться! — закричал Хэзлитт.

Он ударил жену по лицу ладонью. Она немного порозовела и продолжила беседу с незнакомцем.

— Как будто он вернулся. Сегодня шесть месяцев с того дня, как мы его похоронили. Он был хорошим мужем, и я не уверена, что почтила его память. Возможно, мы слишком поторопились, Джек!

Хэзлитт подавил нелепое желание закричать.

Кровь стучала у него в ушах, и он смотрел на жену и незнакомца с неизмеримым ужасом. Голос жены вызвал поток кошмарных воспоминаний, хлынувших в его сознание.

Он вновь увидел больничную палату, где провел три дня в ужасных муках, задыхаясь и требуя воды. Высокий доктор с желтоватыми бескровными щеками устало наклонился над ним, и ввел что-то ему в руку. Затем потеря сознания, благословенное забвение, стирающее мир и все его беспокойные виды и звуки.

Позднее Хэзлитт открыл глаза, и увидел, что его жена травит его. Он видел, что она стоит над ним с ложкой и бутылочкой, на которой нарисованы череп и скрещенные кости. Он пытался встать, закричать, но голос подвел его, и он не смог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он видел, что жена одержима дьяволом, и примитивный ужас поселился в его утомленном сознании.

Он корчил ужасные гримасы и извивался под простынями, но его жена была беспощадной. Она нагнулась и просунула ложку ему между зубами.

— Я тебя не люблю, — пронзительно смеялась она. — И тебе лучше умереть. Я только надеюсь, что ты не вернешься, чтобы преследовать меня!

Хэзлитт задохнулся и потерял сознание. Он не пришел в себя, но позже он наблюдал, как его тело готовят к погребению, и утешал себя мыслью, что вскоре жена пожалеет о своей подлости.

— Я покажу ей, что может сделать призрак! — размышлял он мрачно. — Я отплачу ей за все! Она все вспомнит, когда я с ней покончу!

За этим последовали дни хаоса. Хэзлитт забыл, что он всего лишь призрак; он ходил в свой старый офис и намеренно оскорблял мистера Апчера. Но теперь, когда жена стояла перед ним, воспоминания возвращались. Он был худым, истощенным призраком, но он мог заставить себя чувствовать. Ему осталась только месть, и он не намеревался прощать жену. Не в его характере было прощать. Он заставит ее признаться, а если понадобится, он заберет жизнь из ее отвратительного тела. Он двинулся вперед и схватил ее за горло.

Он изо всех сил сжимал тонкую белую шею жены. Он давил сухими, костлявыми пальцами; его жертва, казалось, впала в какой-то ступор. Ее глаза были полужакрыты, и она прислонилась к стене.

Незнакомец наблюдал за ней с растущим ужасом.

Когда она начала кашлять, он бросился в кухню, и вернулся со стаканом воды. Когда он протянул стакан женщине, она выпила воду его одним глотком. Казалось, это немного помогло ей.

— Не могу объяснить, — пробормотала она, — но я чувствовала, будто веревка сжала мне горло. Здесь жарко. Пожалуйста, открой окна!

Незнакомец повиновался. Хэзлитту казалось, что этот человек действительно любит его жену.

— Не повезло ему! — зарычал он, и его призрачный голос дрогнул от волнения.

Женщина задыхалась, дышала с трудом; постепенно он заставил ее опуститься на колени.

— Признайся, — требовал он. — Расскажи этому глупцу, как ты избавилась от своего мужа. Предупреди его заранее, он поблагодарит тебя и уйдет. Если ты любишь его, то не захочешь, чтобы он страдал.

Жена Хэзлитта не подавала вида, что слышала.

— Поступая так, ты делаешь только хуже! — кричал он. — Если ты сейчас же не расскажешь ему все, я убью тебя! Я сделаю тебя призраком!

Высокий незнакомец побледнел. Он не мог видеть или слышать Хэзлитта, но было очевидно: он подозревал, что в комнате находится больше двух человек. Он крепко взял жену Хэзлитта за запястья и заставил ее подняться.

— О Боже, что у тебя болит? — испуганно спросил он. — Ты ведешь себя так, как будто кто-то мучает тебя. Я могу как-нибудь тебе помочь?

В беспомощности женщины было что-то бесконечно жалкое. Она больше не могла говорить, но в ее глазах застыла боль... Наконец незнакомец смог ей помочь. Он поднял ее на ноги, но Хэзлитт отказывался отступать. Соппротивление незнакомца раздражало его, и он удвоил свои усилия. Но вскоре он понял, что не может задушить жену. Он потратил все свои силы, но женщина еще дышала. Судорога ярости исказила его фигуру. Хэзлитт понял, что ему придется уйти и оставить эту женщину с ее любимым. Призрак — в лучшем случае бесполезная вещь, и он не может мстить.

Хэзлитт застонал.

Женщина в его руках приободрилась. Она смотрела на высокого незнакомца.

— Оно ушло; оно оставило меня, — стонала она. — Теперь мне легче дышать. Ты придал мне сил, дорогой.

Незнакомец был растерян и испуган.

— Не понимаю, что на тебя нашло, — бормотал он. — Я ничего не вижу. Ты становишься истеричной. Твои нервы расшатаны.

Жена Хэзлитта покачала головой, и румянец вернулся на ее щеки.

— Это было ужасно, дорогой. Ты не можешь знать, как я страдала. Возможно, ты подумаешь, что я не в своем уме, но я знаю: он вернулся. Поцелуй меня, дорогой; помоги мне забыть.

Она обвила руки вокруг шеи незнакомца и страстно поцеловала его в губы.

Хэзлитт прикрыл глаза рукой и с ужасом отвернулся. Отчаяние сжало его сердце.

— Бесполезный призрак, — стонал он. — Бесполезный, слабый призрак! Я и мухи не могу обидеть. Господи, почему я привязан к земле?

Теперь он оказался рядом с окном и внезапно выглянул наружу. Звездная ночь привлекла его.

«Я должен попасть на небеса, — подумал он. — Я должен летать по воздуху, и бродить среди звезд. Здесь я явно не на месте».

Усталый призрак выбрался из окна и начал двигаться по воздуху. Но, к несчастью, человек должен преодолеть гравитацию, чтобы подняться к звездам, и Хэзлитт не смог этого сделать. Он все еще был связан с землей.

Рухнув вниз, он выпрямился и осмотрелся по сторонам.

Мужчины и женщины быстро сновали туда-сюда по улице, но, очевидно, никто из них не видел его падения.

«Я невидим, это точно, — подумал он. — Ни Апчер, ни директора, ни моя жена не видели меня. И я не удовлетворен. Я не сделал то, что намеревался сделать. Моя жена украдкой потешается надо мной. Моя жена? Скорее всего, она замужем за тем простофилей и, надеюсь, она еще пожалеет об этом. Она даже не дождалась, пока трава скроет мою могилу. Я больше никогда не поверю женщине. Только через мой труп!»

Женщина, шедшая по улице, прошла сквозь него.

— Ужасно, — застонал он. — От меня ничего не осталось! Я хуже, чем тряпка!

Целая толпа мужчин и женщин прошла через его невидимое тело. Он едва почувствовал их, но кто-то смог пощекотать его. Один или двое прохожих, очевидно, почувствовали его: они ежились, как будто внезапно попадали под холодный душ.

— Ночью улицы полны призраков, — сказал кто-то у его левого локтя. — Думаю, безопаснее будет поехать.

Хэзлитт ушел. Он был ничтожен, но он не испытывал желания стоять и киснуть. Он пошел по улице. У него не было шляпы, и волосы его развевались на ветру. Он был дерзким призраком, но чувство тщетности всех усилий овладело им. Он стал отверженным. Он не знал, где проведет ночь. У него не было ни планов, ни человека, которому он мог бы довериться. Он не мог пойти в гостиницу, потому что в карманах не имелось даже призрачных денег, и, конечно, в любом случае никто не мог его увидеть.

Внезапно он заметил ребенка, стоявшего прямо посреди улицы и, очевидно, не подозревавшего о плотном движении машин. Автомобиль, управляемый молодой женщиной, почти наехал на мальчика, прежде чем Хэзлитт заставил себя действовать.

Одним прыжком он соскочил с тротуара и бросился прямо на машину. Он достиг ее за секунду до того, как автомобиль коснулся ребенка; один сильный толчок — и несостоявшаяся жертва оказалась на безопасном расстоянии. Но Хэзлитт не мог спасти себя. Крыло машины сильно ударило его в грудь; его отбросило вперед, и задние колеса проехали по телу.

Мгновение он испытывал острую боль; громадный вес выдавил воздух из его тонкого тела. Он сжал руки и закрыл глаза. Боль от второй смерти изумила его; она казалась бесконечной. Но, наконец, он потерял сознание; боль растворилась в целительном забвении.

Ребенок поднялся и начал плакать.

— Кто-то толкнул меня, — всхлипывал он. — Я смотрел на огоньки, и кто-то оттолкнул меня.

Женщина в машине была очень бледной.

— Я думала, что кого-то переехала, — негромко сказала она. — Я увидела его на мгновение, когда пыталась свернуть влево. Он был очень худым и помятым.

Она повернулась к собравшимся людям.

— Куда вы его унесли? — спросила она.

Они качали головами.

— Мы никого не видели, мадам! Вы чуть не переехали ребенка! Таких водителей как вы нужно вешать!

Полицейский локтями прокладывал себе путь сквозь толпу, которая быстро росла.

— Что происходит? — спросил он, — Кого-то переехали?

Женщина покачала головой.

— Я не знаю. Думаю, я переехала бродягу... бедный, худой мужчина, он был... взгляд его был ужасен... и прекрасен. Я... я увидела его на миг, как раз перед тем, как машина врезалась в него. Думаю, он хотел умереть.

Она снова повернулась к толпе.

— Кто из вас унес его? — спросила она робко.

— Она спятила, — сказал полицейский. — Убирайтесь отсюда! — он двинулся на толпу, и начал разгонять их дубинкой.

Женщина из машины наклонилась и посмотрела на тротуар; озадаченное, удивленное выражение появилось на ее бледном лице.

— Ни крови, ничего, — бормотала она. — Ничего не понимаю!

Спокойный мужчина

Салли видела, как в небе разливалось золотое сияние. Она знала, что больше никогда не увидит сына и мужа на Земле.

Салли Андерс никогда не считала себя застенчивой. Девушка может быть стеснительной, а может не быть; важно ли это, если она достаточно симпатична, чтобы привлекать и удерживать мужчин?

Только этим утром она поймала восхищенный взгляд молочника и услышала волчий вой Джимми на углу; он развозил газеты на сияющем новом велосипеде. Ну и что, что молочнику скоро шестьдесят, и он носит очки с толстыми стеклами? Ну и что с того, что Джимми всего семнадцать?

Мужчина есть мужчина, а взгляд есть взгляд. А что, если я просто прихорошусь еще немножко, сказала Салли самой себе, я стану просто неотразимой.

Ленты для волос и духи, зеркало, наклоненное под правильным углом, приглашение на вечеринку на комод — что еще нужно девушке?

— Ужин, Салли! — донеслось эхом из кухни. — Ты хочешь опоздать, малышка?

Салли не собиралась опаздывать. Сегодня она увидит его в переполненной комнате, и ее сердце забьется неровно. Он посмотрит на нее и улыбнется, и направится прямо к ней, расправив плечи.

В жизни девушки всегда есть одна ночь, которая стоит всех остальных ночей. Одна ночь, когда луна сияет ярко и радостно, и часы на стене тикают: тик-так, тик-так, тик-так. Одна ночь, когда в каждом движении часовой стрелки звучит: «Ты прекрасна! Действительно прекрасна!»

Последний раз пригладив волосы, Салли улыбнулась своему отражению в зеркале.

В ванной все еще текла вода, и по комнате распространялся приятный запах душистого мыла. Салли вошла в ванную и выключила кран, прежде чем спуститься на кухню.

— Сегодня моя девочка выглядит ослепительно, — сказал дядя Бен, улыбаясь ей поверх своей порции солонины с капустой.

Салли покраснела и опустила глаза.

— Бен, ты заставляешь ее нервничать, — сказала мама Салли, смеясь.

Салли подняла глаза и встретила глазами с дядей; взгляд ее был дерзким.

— Я неплохо выгляжу, что бы ты ни думал, — сказала она.

— О, перестань, Салли, — возразил дядя Бен. — Нет смысла упрямиться. Сегодня ты, наверное, встретишь мужчину, который просто не сможет тебе противостоять.

— Может, встречу, а может, и нет, — сказала Салли. — Ты будешь удивлен, если я его найду, да?

Теперь настала очередь дяди Бена опустить взгляд.

— Надо сказать, ты унаследовала внешность своей матери, Салли, — заметил он. — Но мужчине надо сохранить гордость. У меня много недостатков. Но никто никогда не обвинял меня в нечестности.

Салли сложила свою салфетку и неуклюже поднялась из-за стола.

— Доброй ночи, дядя, — сказала она.

Когда Салли пришла на вечеринку, весь зал был занят танцующими парочками, а гостиная так заполнилась, что когда появлялся новый гость, небольшая волна недовольствия прокатывалась по толпе мужчин в темно-синем и женщин в голубовато-зеленом и лавандовом.

На мгновение Салли застыла, неспособная сдвинуться с места; она просто стояла, наблюдая за танцующими парами, наполовину скрытая одной из пальм в горшках, расставленных вдоль всех стен вытянутой комнаты.

Лунный свет серебрил ее волосы и касался ее белого горла и рук с такой нежностью, что, просто закрыв глаза, она уже могла представить себя в его объятиях.

Лунный свет из высоких окон лился вниз, превращая танцующих гостей в делающих пируэты призраков в светло-синем и зеленом, алом и золотом.

Закрой глаза, Салли, закрой их! А теперь открой! Вот так... медленно, медленно...

Он вышел из ниоткуда на свет; внезапно он оказался рядом с ней.

Он был высок, но не слишком. Его лицо загорело до красно-коричневого, его глаза казались светлыми ясными и очень яркими. И он стоял, пристально глядя на нее, пока ее губы не приоткрылись, и с них не сорвался тихий вздох.

Он взял ее за руки, ничего не говоря, и они начали танцевать...

Они все еще танцевали, когда он попросил ее стать его женой.

— Конечно, ты выйдешь за меня, — сказал он. — У нас не слишком много времени. Годы пролетают так же быстро, как огромные белые птицы над морем.

Они стояли очень близко друг к другу, когда он сказал это; но он не попытался поцеловать ее. Они продолжали танцевать; ожидая ее ответа, он говорил о луне...

— Когда огни потухнут и смолкнет музыка, луна останется, — сказал он. — Она вызывает приливы на Земле, она разжигает умы и сердца людей. Есть циклические ритмы, которые заставили бы камни мечтать и сгорать от желания в такую ночь, как эта.

Внезапно он остановился и посмотрел на нее со спокойной уверенностью.

— Ты же выйдешь за меня, правда? — спросил он. — Я сильно сомневаюсь, что смогу найти счастье с одной из этих женщин. Ты меня привлекла, как только я тебя увидел.

Девушка, которой раньше никогда не делали предложение, которая удостаивалась только одного волчьего воя от мальчика-газетчика, вряд ли могла воспротивиться такому предложению.

Не противься, Салли. Он сильный, высокий и чрезвычайно привлекательный. Он знает, чего хочет, и быстро решается. Определенно, такой решительный мужчина зарабатывает достаточно денег, чтобы содержать жену.

— Да, — выдохнула Салли, тесно прижавшись к нему.
— О да!

Она замерла на секунду, а потом сказала:

— Теперь ты можешь поцеловать меня, если хочешь, мой дорогой.

Он выпрямился и немного нахмурился, а затем быстро отвернулся.

— Это может подождать, — сказал он.

* * *

Неделю спустя они поженились и переехали жить на тихую тенистую улицу, всего в пяти кварталах от того места, где родилась Салли. Коттедж был маленьким, белым и красиво отделанным внутри и снаружи. Но Салли сменила занавески, как делают все женщины, и купила кое-какую мебель в рассрочку.

Соседи оказались доброжелательными людьми, которые знали ее мужа, мистера Джеймса Ранда, энергичного молодого страхового агента, который определенно

многого мог добиться в избранной профессии; вдобавок теперь у него появилась такая очаровательная жена.

Десять месяцев спустя родился первый ребенок.

Лежа под прохладными белыми простынями в больнице, Салли смотрела на остальных женщин, и чувствовала себя такой невероятно счастливой, что хотела заплакать. Это был прекрасный ребенок, и он прижимался к ее сердцу, его малость сама по себе казалась чудом.

Вошли другие мужья и сели рядом со своими женами, крепко держа свое счастье. Были цветы и улыбки, шепоты, которые открывали яркие новые миры нежности и радости.

В коридоре мужья поздравляли друг друга и заходили в палату, источая запах сигарного дыма.

— Возьмите сигару! Правильно. Восемь фунтов при рождении. Это необычно, не правда ли? Самый бодрый малыш, которого вы когда-либо видели. Сразу же узнал своего старика.

Внезапно он оказался рядом с ней, он стоял прямо, все еще в тени.

— О, дорогой, — прошептала она. — Почему ты столько ждал? Прошло целых три дня.

— Три дня? — спросил он, наклоняясь, чтобы посмотреть на сына. — Действительно! А казалось, что меньше.

— Где ты был? Ты даже не звонил!

— Иногда трудно позвонить, — медленно сказал он, как будто подбирая слова. — Ты подарила мне сына. Это меня очень радует.

Ее сердце сковал холод; Салли охватило отчаяние.

— Это тебя радует! Вот и все, что ты можешь сказать? Ты стоишь, и смотришь на меня, как будто я... пациентка...

— Пациентка? — повторил он вопросительно. — Что ты имеешь в виду, Салли?

— Ты сказал, что ты рад. Если пациентка больна, ее доктор надеется, что она поправится. Он рад, когда она поправляется. Когда женщина рожает ребенка, доктор говорит: «Я так рад. Ребенок в порядке. Вам не надо о нем беспокоиться. Я взвесил его, и это крепкий здоровый мальчик».

— Медицина — здоровая и мудрая профессия, — сказал муж Салли. — Когда я смотрю на сына, мне именно это и хочется сказать матери моего ребенка. Ты порадовала меня, Салли.

Он нагнулся, говоря это, и поднял сына Салли. Он положил младенца на сгиб своей руки и улыбнулся ему.

— Здоровый ребенок мужского пола, — сказал он, — Его волосы будут густыми и черными. Скоро он заговорит и узнает, что я его отец.

Он провел ладонью по гладкой голове ребенка, нежно открыл его рот указательным пальцем и посмотрел внутрь.

Салли поднялась на локте, стараясь посмотреть ему в лицо.

— Это твой ребенок, твой сын! — рыдала она. — Женщина рожает, и ее муж приходит и обнимает ее. Он крепко сжимает ее. Если они любят друг друга, они так счастливы, так сильно счастливы, они выходят из себя и плачут.

— Я слишком счастлив, чтобы делать такие фантастические вещи, Салли, — сказал он. — Когда рождается ребенок, родители не должны проливать слез. Я осмотрел ребенка, и я им доволен. Это тебя не удовлетворяет?

— Нет, не удовлетворяет! — почти кричала Салли. — Почему ты уставился на своего сына, как будто раньше никогда не видел младенцев? Он не механическая игрушка. Он наш милый, обожаемый ребенок. Наш ребенок! Почему ты так нечеловечески спокоен?

Он нахмурился и положил ребенка.

— Есть время для физической близости и время для отцовства, — сказал он. — Отцовство — это серьезная ответственность. Вот где появляется медицина, хирургия. Если ребенок не идеален, то можно принять экстренные меры, чтобы исправить дефект.

Внезапно во рту у Салли пересохло.

— Идеален! Что ты имеешь в виду, Джим? С Томми что-то не так?

— Я так не думаю, — ответил ее муж. — У него крепкая и сильная хватка. У него хороший слух, и его зрение, по-видимому, такое, какого только можно желать. Ты заметила, что его глаза следят за мной все время?

— Я не смотрела на его глаза! — прошептала Салли, в ее глазах поселилась тревога. — Почему ты пытаешься напугать меня, Джим? Если бы Томми не был нормальным, здоровым ребенком, ты можешь представить хоть на миг, что они дали бы мне его в руки?

— Очень здравое наблюдение, — сказал муж Салли. — Что правда, то правда, но тревожить тебя в такое время было бы излишне жестоко.

— Что ты хочешь сказать?

— Я просто высказывал свое мнение как отец ребенка. Мне пришлось так высказаться из-за естественного беспокойства о нашем ребенке. Ты хочешь, чтобы я остался и поговорил с тобой, Салли?

Салли покачала головой.

— Нет, Джим. Я больше не позволю тебе меня мучить.

Салли вновь взяла ребенка на руки и крепко прижала к себе.

— Я закричу, если ты останешься! — предупредила она. — Я устрою истерику, если ты не уйдешь.

— Хорошо, — сказал ее муж. — Я вернусь завтра.

Договорив, он наклонился и поцеловал ее в лоб. Его губы были холодны как лед.

Восемь лет спустя Салли сидела напротив мужа за завтраком; ее глаза смотрели в пустоту на зелено-синей стене за его спиной. Он оставался спокойным даже во время еды. Яйца, которые она поставила перед ним, он методично разбил ножом и начал есть, спрятавшись за газетой; потом сделал большой глоток кофе, оценивающе посмотрел на часы.

Присутствие маленького сына совсем его не беспокоило. Томми мог быть тихим или шумным, у него могли возникать проблемы в школе или стоять пятерки за хорошее поведение в табеле, спрятанные в испачканной кожаной куртке на молнии. Всегда повторялось одно и то же:

— Ешь медленно, сын. Никогда не глотай еду. Будь готов сделать много упражнений. Оставайся на солнце так долго, как это возможно.

Часто Салли хотелось закричать: «Будь ему отцом! Настоящим отцом! Опустись на пол и поиграй с ним. Постреляй с ним шариками, раскрути одного из его волчков. Помнишь игрушечный паровоз, который ты подарил ему на Рождество, после того, как я устроила истерику и накричала на тебя? Помнишь прекрасный маленький поезд? Вынь его из шкафа и случайно урони. Тогда он станет относиться к тебе по-другому. Его сердце будет разбито, но он почувствует себя ближе к тебе, и тогда ты узнаешь, что значит иметь сына!»

Часто Салли хотелось подлететь к нему и ударить кулаком в челюсть. Но он никогда этого не делала.

«Ты не можешь нагреть камень, шлепая по нему, Салли. Ты только ушибешься. Камень не жесток и не нежен. Ты вышла замуж за каменного мужчину, Салли.

Он не пропустил ни дня в офисе за восемь лет. Она никогда не ходила в офис, но он всегда был там и отвечал, когда она звонила: «Я очень занят, Салли. Что ты сказала? Ты купила новую шляпку? Уверен, она очень

тебе идет, Салли. Что ты сказала? Томми ввязался в драку с новым мальчиком по соседству? Ты должна лучше за ним следить, Салли».

В каждом браке есть шаблоны. Когда однажды форма установилась, несколько странные манеры поведения приходится принимать как должное.

— Я зайду завтра в офис, дорогой! — пообещала Салли сразу после привычного ритуала завтрака. Желание увидеть, где работает ее муж, разгорелось в ней сильным, ярким пламенем. Но он попросил ее немного повременить с посещением офиса.

Сильное желание может затушить самое яркое пламя, и когда прошли месяцы, а он продолжал говорить «нет», Салли обнаружила, что согласна с предложением своего мужа отложить посещение на неопределенный срок.

Сними нагар со свечи, и она навсегда останется такой же. Ритуалы брака, раз и навсегда установленные, требуют особого отношения. Эту свечу следовало разжигать, а муж Салли не захотел подобрать нужную искру.

Когда бы Салли ни собиралась повернуть к офису, глубоко в ее сознании, казалось, слышался шепот: «Бессмысленно, Салли. Он не хотел этого долгие годы. Не ходи туда сейчас».

Кроме того, Томми отнимал у нее много времени. Растущий мальчик — всегда проблема, и, казалось, у Томми появился особый дар ввязываться в неприятности; мальчик был чрезмерно активным. И он вырастал из одежды и обуви быстрее, чем она успевала заменить их.

Сейчас Томми играл во дворе. Взгляд Салли сосредоточился на нем, когда мальчик крался к дыре в заборе, который любезный старый мистер Уиллингфорд возвел для защиты против пытливого любознательности восьмилетнего соседа.

Трижды овдовевшая семидесятилетняя соседка сносила его шалости и крики. Но подглядывание – это совсем другое дело.

Салли пробормотала: «Довольно!» и направилась к кухонной двери. Но едва она подошла к выходу, зазвонил телефон.

Салли быстро подняла трубку. Приложив ее к уху, она узнала голос мужа – или подумала, что узнала.

— Салли, приходи в офис! – донесся хриплый шепот. — Поторопись – или будет слишком поздно! Поторопись, Салли!

Салли повернулась с испуганным вздохом, посмотрела сквозь кухонное окно на осенние листья, хрустящие и сухие, перекатывающиеся по лужайке. Едва она бросила в ту сторону взгляд, как разбросанные листья вихрем закружились вокруг Томми, затем поднялись и исчезли за забором.

Страх в ее сердце внезапно сменился мрачным отчаянием. Как только она отвернулась от телефона, в ней что-то высохло, стало таким же мертвым, как парящие листья с темными осенними крапинками.

Она даже не остановилась, чтобы позвать Томми со двора домой. Она бросилась наверх, затем снова вниз, собирая свои шляпку, перчатки и кошелек, убеждаясь, что у нее достаточно мелочи, чтобы заплатить за такси.

Дорога до офиса была кошмаром... Проносились мимо здания с фасадами такими же серыми, как свинцовые небеса посреди зимы, торговые павильоны, где мужчины и женщины теснили друг друга, не замечая.

Летели осенние листья, мимо проносились серые здания. Несмотря на Томми, несмотря ни на что — не осталось никакого сияющего видения, которое могло бы согреть Салли изнутри. В коттедже следовало жить, чтобы он стал домом, а у Салли никогда по-настоящему не было дома.

Роман на одну ночь! Она не хотела использовать это выражение, но оно само пришло ей на ум. Если ты девять лет живешь с мужчиной, который не может расслабиться и стать человеком, который не может быть теплым и любящим, в конце концов ты начнешь думать, что с таким же успехом могла бы жить одна. Каждый день был словно одинокая вахта в пустыне, каждый день был потерян для Салли.

Она подумала о Томми... Томми ни в чем не напоминал своего отца, когда галопом прибежал домой из школы, со взъерошенными волосами, с сумкой с книгами, свисающей с ремешка. Томми легкомысленно совершил бы налет на кладовую, пригласил бы других мальчишек посмотреть вестерны по телевизору; он мог драться с другими ребятами и увлеченно обмениваться с ними стеклянными шариками.

До какого-то момента Томми был нормальным, был здоровым.

Но она видела, как отражалось в бледно-голубых глазах Томми то же ненормальное спокойствие, которое всегда таилось в глазах его отца; она видела насмешливые искорки, и ей казалось, что мальчик смотрит на нее сверху вниз. И ее переполнял ужас, когда она видела, что настроение Томми может измениться так же внезапно и ужасающе холодно...

Томми, ее сын, уже не шумный и не буйный, с отсутствующим видом сидел в углу, подтянув ноги к подбородку. Казалось, Томми смотрел прямо сквозь нее, в пустоту. Томми и Джим молча обменялись понимающими взглядами. Томми шатался по дому, рассматривая свои игрушки с хмурым неодобрением. Мальчик отшатнулся, когда она попыталась прикоснуться к нему.

«Томми, Томми, вернись ко мне!» Как часто звучали эти слова в ее сердце, когда эта холодность вставала между ними.

Цветным мелом Томми рисовал на полу странные фигуры на полу и быстро их стирал, прежде чем она успевала рассмотреть изображения. Он отказывался впускать Салли в свой тайный детский мир.

Томми взял кота и механически его гладил, разглядывая черных дроздов, носившихся за окном...

— Вот адрес, который вы мне назвали, леди. Уайн-стрит шестьдесят семь, — говорил водитель такси.

Она поежилась, вспомнив голос мужа по телефону, вспомнив, где оказалась... «Приходи в офис, Салли! Поторопись, поторопись... или будет слишком поздно!».

Слишком поздно для чего? Слишком поздно вернуть счастье, которого у нее никогда не было?

— Приехали, леди! — настаивал водитель такси. — Вы хотите, чтобы я подождал?

— Нет, — ответила Салли, роясь в кошельке в поисках мелочи. Она вышла из такси, заплатила водителю и быстро пошла по тротуару к большому офисному зданию с блестящими стеклянными пластинами и плитками из черного оникса.

Название фирмы было написано на табличке в вестибюле, белое на черном, очень четко и контрастно. Белое — к надежде, черное — к отчаянию, трауру...

Двери лифта открылись и закрылись; Салли поднялась на восемь этажей, стоя за спиной мужчины в клетчатом костюме.

— Восьмой этаж! — прошептала Салли, внезапной встревожившись. Лифт тряхнуло из-за внезапной остановки, и оператор повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Вы должны были сказать это мне, когда сели, мисс! — выразил он свое недовольство.

— Извините, — пробормотала Салли, выходя в коридор. Как, должно быть, ужасно ходить на работу каждый день, быстро подумала она. Сидеть в офисе, лис-

тать бумаги, выкрикивать приказы, действовать как машина.

Мгновение Салли стояла неподвижно, пораженная; она чувствовала, что ее рассудку угрожает некая совершенно абсурдная мысль. Люди, которые работали в офисе, могли скрыться в лучах заката, когдадвигающиеся стрелки часов дарили им свободу. Как, должно быть, велика радость освобождения, когда есть возможность уйти домой в пять часов.

Но для Салли в этом ярком свете не было избавления. Коридор оказался широким и пустынным, и черные плитки с золотыми краями, как будто сдвигались, окружая ее холодным великолепием, таким же мрачным, как архитектурные украшения в роскошном мавзолее.

Она отыскала офис почти бездумно, играя в вопросы и ответы с замешательством и возрастающим страхом, от которого тряслись ноги и пересыхало в горле.

Спокойно, Салли! Вот офис, вот дверь. Поверни ручку и покончи с этим...

Салли открыла дверь и вошла в маленькую, пустынную приемную. За стойкой регистрации был проход, а за ним — центральный кабинет, окруженный несколькими кабинетами поменьше.

Салли остановилась только на миг. Ей казалось вполне естественным, что бизнес-центр так пустынен после полудня.

Она пересекла приемную и вошла в коридор; отчаяние придало ей храбрости.

Что-то внутри нее нашептывало: ей надо только пересечь центральный офис, открыть первую дверь, войти — и она найдет своего мужа...

Первая дверь обеспечивала одновременно уединение и доступность. Когда Салли открывала дверь, она уже знала, что поступила правильно, доверившись своим инстинктам. Это был кабинет...

Он сидел за столом у окна; клочок закатного неба виднелся за его правым плечом. Он опустил локти на стол и крепко сжал руки, как будто только что прекратил их выкручивать.

Он смотрел прямо на нее, его глаза были широко раскрыты.

— Джим! — выдохнула Салли. — Джим, что случилось?

Он не ответил, не шевельнулся и даже не попытался как-то ее приветствовать. В его лице не было ни кровинки. Его губы приоткрылись, сверкнули белые зубы. И он контролировал себя тщательнее, чем обычно — контролировал так, что Салли почувствовала тревогу, а не горечь.

В ней пробуждался ужас. Незаметно семена ужаса дали всходы. Струился солнечный свет, подсвечивая его волосы и плечи. Казалось, он стал центром пылающего красного шара...

Он просил тебя прийти, Салли. Почему он не поднимется и не заговорит с тобой, если только чтобы насыпать соль на раны, нанесенные за восемь долгих лет?

Бедная Салли! Ты хотела сильного, надежного, старомодного мужа. И что ты получила взамен?

Салли подошла к столу и посмотрела в глаза, такие спокойные и пустые, что они казались глазами ребенка, потерявшегося в какой-то воображаемой стране чудес, навсегда закрытой для взрослых.

На мгновение ужас отступил, и она почувствовала себя почти успокоившейся. Затем она совершила ошибку, наклонившись к нему поближе, задев его правый локоть своим рукавом.

* * *

Одно единственное легкое женское прикосновение как будто включило его. Он начал падать — набок, очень

быстро. Он повалился мертвым грузом, обрушился вниз с такой скоростью, что его не смогла бы остановить никакая сила.

Салли тщетно пыталась удержать его, когда он падал; она тянула мужчину за руку и цеплялась за складки костюма. Тяжесть опускающейся массы обрушилась вниз и в сторону, то была ужасная инерция безжизненной плоти.

С глухим стуком он ударился о пол и перевернулся на спину, казалось, сжавшись; глаза Салли расширились. Он лежал в гротескной неуклюжей позе у ее ног; его челюсть отвисла, открыв зияющую пустоту рта...

Салли могла бы кричать и кричать не смолкая – если бы она была женщиной другого сорта. Увидев своего мужа, упавшего замертво, она могла бы броситься к нему и выплеснуть горе в диком приступе рыданий.

Но если нет горя, то нет и слез...

Она сделала только одно, прежде чем уйти. Она растегнула воротничок рубашки на мужчине, неподвижно распростершемся на полу, чтобы отыскать маленькую черную родинку, которую на самом деле не ожидала увидеть. Она помнила эту родинку на плече своего мужа – высоко, с левой стороны.

Салли заметила некие детали, заставившие ее усомниться в своей адекватности; ей требовалось увидеть маленькую черную родинку, чтобы успокоиться...

Она заметила некие отличия в волосах, странном изгибе бровей; она увидела подозрительные морщины там, где кожа должна была быть гладкой...

Что-то было неправильно... ужасно, странно неправильно...

Даже руки этого мужчины казались более крупными и волосатыми, чем руки ее мужа. Тем не менее, следовало убедиться...

Отсутствие родинки окончательно ее убедило.

Салли присела рядом с телом, аккуратно поправив воротничок. Затем она встала и вышла из кабинета.

Иногда возвращение домой – это радость, иногда – тяжкое испытание. Сидя в такси, сжимая и разжимая пальцы, Салли понимала: у нее нет плана, который можно назвать планом, нет надежды, которая представлялась лишь тусклым мерцанием посреди огромной пустоты, мрачной и неизведанной.

Но странно, как один-единственный огонек, ярко горевший в окне коттеджа, мог сделать эту пустошь маленькой, мог сократить и уменьшить ее; и в конце концов пустошь стала всего лишь клочком темноты, который мог пересечь любой, кому достанет смелости.

Свет горел в комнате Томми, а из-за двери доносился шепот. Салли услышала шепот, когда прокралась наверх, увидела свет, лучи которого лились в коридор.

На мгновение она остановилась у лестницы, прислушиваясь. В комнате звучали два голоса, там шел разговор.

Салли прокралась по коридору и встала у самой двери; ее сердце неистово билось.

— Теперь она знает, Томми, — слышался низкий голос. — Мы очень близки, твоя мама и я. Теперь она знает, что я отправил ее в офис, чтобы найти моего «двойника». О, это забавный термин, Томми – земной термин, который мы бы вряд ли использовали на Марсе. Но этот термин твоя мама может понять.

Пауза. Затем голос продолжил:

— Понимаешь, сынок, у меня ушло восемь лет, чтобы починить корабль. А за восемь лет мужчина может завянуть и умереть, если у него нет подрастающего сына, с которым в конце можно отправиться в путешествие.

— В путешествие, отец?

— Ты прочитал много хороших земных книг, сынок, написанных специально для мальчиков. «Остров сокро-

вищ», «Робинзон Крузо», «Двадцать тысяч лье под водой». Пустяковые книги! Но в них есть частичка огня, немного сияния нашего мира.

— Нет, отец. Я начал их читать, но выбросил, потому что они мне не понравились.

— Так же, как ты и я должны отбросить все земные вещи, сынок. Я старался быть добрым с твоей матерью, быть хорошим мужем, как земные мужья. Но как я мог чувствовать себя гордым, сильным и безрассудным рядом с ней? Как я мог разделять ее ничтожные радости и горести, чирикать от восторга, как чирикает воробей, прыгая на траве? Может ли орел притвориться воробьем? Может ли гром заглушить голос, когда два белогривых облака сталкиваются в сияющих глубинах ночного неба?

— Ты старался, отец. Ты делал все, что мог.

— Да, сын, я действительно старался. Но если бы я пытался симулировать эмоции, я бы не знал, что твоя мама разглядит за притворством. Она могла бы окончательно от меня отвернуться. А без нее у меня не было бы тебя, сын.

— Итак, что мы будем делать, отец?

— Теперь корабль починен и ожидает нас. Каждый день в течение восьми лет я ходил на холм и работал над кораблем. Он был сильно разрушен, сынок, но теперь мое терпение вознаграждено, и все поврежденные навигационные приборы исправлены.

— Ты никогда не ходил на службу, отец? Вообще никогда?

— Нет, сын. Мой двойник работал за меня. Я внушил твоей матери сильную неприязнь и страх перед этим офисом, чтобы она никогда не столкнулась с двойником. Она могла бы заметить разницу. Но мне нужен был двойник, для безопасности. Твоя мама могла пойти в офис, несмотря на психологический блок.

— Она ушла, отец. Зачем ты послал за ней?

— Чтобы она не устроила сцену, сын. Этого я мог не вынести. Я заставил двойника вызвать ее по телефону, а затем лишил его всей жизненной силы. Она найдет его мертвым. Но теперь это не имеет значения. Когда она вернется, нас не будет.

— Было сложно создать двойника, отец?

— Не для меня, сын. На Марсе у нас много человекоподобных роботов, и все они предназначены для выполнения определенных задач. Некоторые безмерно изобретательны — или так могло показаться землянам.

Пауза. Потом тихий голос сказал:

— Я буду скучать по маме. Она старалась сделать меня счастливым. Она очень старалась.

— Ты должен быть храбрым и сильным, сын. Мы орлы, ты и я. Твоя мама воробей, маленький, серый. Я всегда буду вспоминать о ней с нежностью. Ты же хочешь лететь со мной, или нет?

— Хочу, отец. Еще как!

— Тогда идем, сын. Мы должны поспешить. Твоя мама может вернуться в любую минуту.

Салли неподвижно стояла, слушая голоса — так зритель мог замереть перед экраном телевизора. Зритель может видеть и слышать, но и Салли могла представить бледное, нетерпеливое лицо сына так четко, что ей не требовалось входить в комнату.

Она не могла пошевелиться. И никакая сила на Земле не могла сорвать с ее губ мучительный крик. Горе и шок могут парализовать разум и волю, но воля Салли не была парализована.

Как будто нить ее жизни перерезали, и только один огонек остался гореть. Томми был тем огоньком. Он мог остаться неизменным. Он мог уйти от нее навсегда. Но он всегда был и будет ее сыном.

Дверь комнаты Томми открылась, и Томми с его отцом вышли в коридор. Салли отступила в тень и смотрела, как они быстро идут по коридору к лестнице; их голоса стихли. Она слышала их вдалеке на лестнице, звук их шагов пропал, воцарилась тишина...

Ты увидишь свет, Салли, яркое свечение, заливающее небо. Должно быть, корабль очень красив. Восемь лет он трудился над ним, восстанавливая его, посвящая этому все силы. Он спокойно относился к тебе, Салли, но не к кораблю — кораблю, который унесет его обратно на Марс!

«Как там, на Марсе, — спрашивала она себя. — Мой сын, Томми, станет сильным, гордым путешественником, летающим к отдаленным планетам далеких звезд?»

Нельзя удержать мальчика от приключений. Застаньте его с книгой, и вы увидите тропические моря в его глазах, жемчужный корабль, Гонконг и Вальпараисо, блистающие на рассвете.

Нет силы, которая могла бы сравниться с силой матери, Салли. Терпи, будь сильной...

Салли стояла у окна, когда это произошло. Ослепительная вспышка, начавшаяся у края горизонта и распространившаяся по всему небу. Она осветила коттедж и мерцала над лужайкой, превращая крыши в расплавленное золото, а длинную линию холмов, окружающих город, в позолоту.

Она становилась ярче и ярче, озолотив даже склоненную голову Салли и ее отражение в стекле. Затем внезапно все пропало...

Шалтай-Болтай свалился во сне...

Кеннет Уэйн одевался к обеду, когда услышал стук. Он был громким, настойчивым; звук, казалось, означал следующее: «Нет смысла притворяться, что тебя нет дома, старик! Я слышу, как ты там ходишь!»

Уэйн тяжело вздохнул. У него не было желания обсуждать тонкости психологии с молодым Грэхемом или политональную музыку с длинноволосым доктором Рейделом. Он собирался пообедать с очаровательной девушкой, и хотел быть веселым и полным жизни, чтобы всеми фибрами души ощущать ее красоту.

Уэйн был одним из тех творческих молодых людей, которые привлекают к себе все новое – такими зачастую бывают педиатры. Но вместо детей люди приносили ему свои многообещающие идеи.

Уэйн говорил себе, что раздражаться из-за этого просто глупо. Один вид его смокинга должен был обескуражить разговорчивого посетителя. С гневным пожатием плеч он повернулся и пересек комнату тремя широкими шагами. Потом он широко распахнул дверь.

Мальчик, который стоял на пороге, был незнаком Уэйну. Мальчик? Нет, вряд ли можно назвать его юношей – он отрастил густую бороду, и от него веяло зрелостью. Но Уэйну показалось, что посетителю не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Его ясные голубые глаза казались почти детскими, и это удивило Уэйна: такая открытость противоречила всеобщей усталости и цинизму. Уэйну исполнилось всего двадцать семь, но возраст висел на нем тяжким грузом. Взгляд Уэйна был мрачен, на лице появлялись морщины.

— Я Филипп Орбан, — сказал мальчик. — Я убежал. Они мучили меня своими вопросами.

Мальчик Орбан! Уэйн закрыл глаза, а Вселенная содрогнулась. Юный Орбан нес огромную светящуюся металлическую петлю. Прежде чем Уэйн начал протестовать, парень вошел в комнату и положил свою ношу на пол.

— Закрой дверь, — попросил Орбан. — Закрой поплотнее! Если они попытаются войти, скажи им, что меня нет в этой комнате.

Уэйн автоматически закрыл дверь. Когда он повернулся, губы Орбана побелели.

— Почему ты пришел сюда? — спросил Уэйн. — Ты же понимаешь, что я никогда раньше тебя даже не видел?

Малыш Орбан кивнул.

— Я прятался в чулане в пустом доме. Но замерз и проголодался. Мне пришлось уйти оттуда. Меня увидел полицейский, и мне пришлось завернуть сюда. Я никогда раньше не видел тебя, но ты мне нравишься. Скажешь им, что меня здесь нет?

Уэйн сделал отчаянный жест.

— Хорошо! — воскликнул он. — Успокойся и расслабься!»

Уэйну казалось, что перед ним невероятно маленький гном в высокой шапке, появившийся из иного измерения и готовый исчезнуть во вспышке света.

Конечно, это был абсурд! Мальчик Орбан не был одним из уродливых мутантов-суперменов, о которых размышляли писатели-фантасты. Он казался вполне обычным мальчиком, который с младенчества попал в ловушку дурманящей черноты космоса.

Но какую назначат цену за голову мальчика, о котором написано пять миллионов слов? Молодой Орбан совершил серьезное преступление. Жестокое преступление! Избавиться от человека, заставив его исчезнуть — это ничуть не лучше, чем хладнокровное убийство!

Уэйн уставился на сияющую металлическую петлю, его глаза расширились, в них виднелось недоверие.

— Именно эту машину ты построил? — спросил он; звук собственного голоса поразил Уэйна.

— Это дверь, которую я сделал! — заявил Орбан. — Я не пускал в нее доктора Брюса. Он споткнулся и упал.

— Но как ты ее сделал? — поинтересовался Уэйн. — Ты же никогда не видел инструментов.

— Они были в мастерской моего отца, — тотчас ответил Орбан. — Я знал, как ее сделать. Доктор Брюс не умер. Он живет в синем мире.

С виду изобретение казалось невероятно простым. Оно состояло из единственной металлической петли, образующей идеальную арку, вроде гигантской калитки для крокета. Легко было разглядеть, что петля — полая; ее пронизывали отверстия, из которых исходило жуткое сияние.

— Ты должен помочь мне ее спрятать, — почти приказал Орбан. — Если я не заберу доктора Брюса из синего мира, лучники убьют его!

Уэйн повернулся и сжал плечо паренька.

— Ты говоришь, что голоден. Возможно, мы сможем тебе в этом помочь.

— Я голоден, — признался паренек. — В синем мире есть еда.

Уэйн обдумывал это в течение минуты, а затем обнаружил, что его гость метнулся на кухню.

Он оставил его в покое, когда тот пожирал стакан молока. Нет, он не пил молоко. Мальчик Орбан погружал в молоко крекеры и съедал их. Это было одно и то же.

Уэйн почувствовал, что нуждался в поддержке холодной печати. Подтверждение истории Орбана в черном цвете. Он нашел вырезку, обследовав все ящики письменного стола, а затем заглянув под промокашки. Она была смята и запятнана, как будто кто-то над ней плакал горькими слезами. Там было написано:

ИСТОРИЯ ОРБАНА Руфи Стивенс

Младенец с рождения качался в колыбели длиной в двести футов! Маленький мальчик потерялся в огромной ракете, дрейфовавшей в космосе. Она летала на орбите, а он с восьми лет подчинялся полученным инструкциям и питался вполне достаточно для того, чтобы сохранить искру жизни.

Не было никаких болезнетворных микробов, которые он мог бы подцепить в космосе!

Там не было кори, коклюша, скарлатины, только инструкции в голове – долгое забвение! О чем он думал все эти годы? О чем он мечтал?

Филипп Орбан родился в этой ракете. Его отец построил первый ракетный корабль с внешним корпусом достаточной твердости, чтобы противостоять опасностям миллиардов миль путешествия в пространстве.

Но привод мощности давал сбои, и корабль мог никогда не завершить свое путешествие. Он вышел на кольцевую орбиту в поясе астероидов и в течение семнадцати лет дрейфовал в пространстве.

Мать мальчика умерла, когда ему было три года — мгновенно, от сердечного приступа. Отец мальчика вел регистрационный журнал. Мы знаем, что он вышел в открытый космос, когда мальчику было восемь. Обычный текущий ремонт – но он не вернулся. Не вернулся никогда!

Мальчик все помнил. Пищевые концентраты следовало потреблять экономно, дважды в день. «Тебе сейчас семь лет, сын! Нет—завтра восемь! Вполне достаточно, чтобы самому позаботиться о себе!»

Это задело его. Он никогда не играл с другими детьми, не наряжался на Хэллоуин, не ходил на рыбалку к ручью. Он никогда не видел рассвета, алеющего над стогами сена, или луны, серебрящей морскую гладь.

На этом корабле были книги. Станный набор книг. Староанглийские детские стихи, Матушка Гусыня, братья

Гримм, Льюис Кэрролл. И книги «Как создать это». Как создать это, словно бы мальчик был Майклом Фарадеем или Эдисоном, или Штейнмицем, или Маллсоном. Однако Филипп Орбан прочитал все книги на этом корабле. Психологи, которые наблюдали за ним теперь, не говорили, почему их так взволновали прочитанные заметки мальчика. Наконец люди обнаружили корабль, взяли на буксир и доставили обратно на землю. Они вернули Орбана домой.

Дакота, семейный дом, отцовская мастерская, много лет покрытая пылью.

За семнадцатилетним мальчиком день и ночь наблюдали три опытных психолога. Крепкий парень, физически почти мужчина, должен был ужасно сдерживаться, стараясь скрыть возмущение! Они изучали его, как подопытного кролика в клетке. И вот одна честная журналистка возвысила голос в знак протеста! Если мальчик Орбан...

Уэйн вздрогнул, сложил вырезку и зачихнул ее в карман пиджака.

Кеннет Уэйн начал припоминать: машина в открытом поле, из нее льется жуткое сияние! И доктор Брюс борется с мальчиком Орбаном в передней части машины, а потом исчезает в лучах света сзади. Что за шокирующий, невероятный случай произошел со знаменитым психологом, что он пережил, прежде чем восстановил равновесие?

Уэйн также вспомнил, что Орбан бежал, взяв машину с собой! Пресса подняла шум. А что если бы Орбан намеренно толкнул доктора Брюса?

Если индивидуум — это общая сумма переживаний с момента рождения, то Орбана следовало назвать отклонением от нормы! Это была ужасная мысль! Неужели Орбан — зловредный монстр, наделенный нечеловеческой способностью к обману? Он...

Дзинь!

Уэйн повернулся со вздохом ужаса.

Острая, угрожающего вида стрела дрожала в стене прямо напротив машины! Она была длиной в два фута, с металлическим оперением для верности полета, блестящий наконечник виднелся сквозь полупрозрачный пластик стены.

Лицо Уэйна превратилось в неестественную маску ужаса. Он мог не сомневаться: стрела вылетела из машины. На конце стрелы были брызги крови.

На стене тоже осталась кровь! И все же Уэйн был уверен, что стрела не коснулась плоти. Автоматически он поднес руку к щеке, а затем уставился на ладонь; она белела в холодном свете. Красные капли появились из машины вместе со стрелой! Стрела вовсе его не коснулась.

Кого же она ранила?

Уэйн дрожал от ужаса; и тут послышался звонок в дверь и знакомый голос сказал:

— Кен! Ради всего святого, зачем ты закрыл дверь?

Уэйн развернулся, отпер дверь и распахнул ее; его лицо побледнело.

Девушка, которая вошла в комнату, излучала жизненную энергию. У нее были медные волосы, слегка приоткрытые губы, горящие щеки. Она явно запыхалась и немного разозлилась из-за того, что пришлось стоять у закрытой двери после восхождения на два лестничных пролета. Руфи Стивенс внешне не походила на журналистку. Она была эффектной – своеобразной и очень энергичной; ее улыбка могла мгновенно сбить мужчину с толку. Но сейчас она не улыбалась. Она посмотрела на машину, а затем на стрелу.

— Мальчик Орбан, — сказал Уэйн. Его голос был низким и немного дрожал, как будто он вот-вот мог утратить самоконтроль. — Он здесь. Ты написала статью о нем, помнишь? Ты бы хотела с ним встретиться?

Руфи покачнулась.

Уэйн подумал, что она, возможно, собирается упасть в обморок. Это казалось безумием – и все равно он прыгнул к ней, не думая, что стоял в ярде от машины. Как только он схватил Руфи за руки, что-то схватило его. Это напоминало сильный порыв ветра. Нет, скорее циклон. Он кружился вокруг него и тянул назад, прямо к машине. Уэйн вцепился в девушку, не понимая, что неумолимо тянет ее в том же направлении.

Руфи закричала.

Комната, казалось, завертелась волчком. Уэйну не хотелось отпускать девушку. Он не осознавал, что она в смертельной опасности. Он думал только о том, что, обнимая, сможет ее защитить.

В комнате раздался вой, когда из петли ударил луч света, окутавший их. Уэйн увидел, как мальчик Орбан вышел из кухни, его лицо тряслось от ужаса. Затем Уэйну показалось, что вся комната обрушилась в пустоту.

Спокойствие медленно возвращалось. Уэйн сначала почувствовал тепло в руках и услышал человеческий крик. Затем он почувствовал под ногами землю.

Он сидел на земле, сжимая Руфи в объятиях. Она изо всех сил пыталась освободиться, одной рукой отталкивая Уэйна; лицо ее стало бледнее мела. Он сидел, прижавшись спиной к твердой каменной поверхности, глядя на Руфи сверху вниз. Сейчас она могла хорошо разглядеть его лицо. Он тоже мог теперь ясно видеть ее лицо в белом и голубом мерцающем свете.

— Кен, где мы? — спросила Руфи, задыхаясь.

Это был нелегкий вопрос. Они попали в мир жестких контуров. Они, казалось, опирались на плоскость, скрывающуюся в светящейся голубизне тумана. В этом ландшафте было что-то курьезное. Окружающая пустота очень беспокоила Уэйна, словно кто-то внезапно ударил по клавишам фортепиано.

Несомненно, он прислонился спиной к отвесной каменной стене. Повернув голову, Уэйн смог прекрасно разглядеть стену.

Негромко застонав, Руфи освободилась и опустилась на землю рядом с ним; ему теперь стало легче осмотреть окрестности. Там мало что можно было понять. Только стены и мрачный, пустынный ландшафт.

Прямо напротив Уэйна на земле были разбросаны маленькие круглые ягоды... Черника.

Внезапно Руфи закричала и дернула его за рукав.

— Кен, взгляни! Это маленькое яйцо живое!

Яйцо! Конечно, эта штука напоминала яйцо. Оно было в прожилках и сильно потрескалось; что-то влажное вытекло из него. И еще из него что-то торчало — длинное древко стрелы.

По шее Уэйна пополз холодок. Он встал и, пошатываясь, пошел в сторону «яйца»; вскоре ему удалось окинуть взглядом всю стену. Она сказочным образом напоминала Великую Китайскую стену. сооружение было прочным, с зубцами наверху, но небольшим, не более чем в тридцать футов в высоту на участках с башнями и намного ниже между ними. Стена изгибалась под сияющим голубым небом; можно было потеряться среди ровного пространства, если развернуться на месте достаточно быстро, чтобы возникла иллюзия движения. Яйцеобразный объект замер, когда Уэйн опустился перед ним на одно колено. Стрела пронзила его, и Уэйн не мог сомневаться, что существо уже не чувствовало боли. Маленькие белые руки, которые прорастали из-под скорлупы, сейчас стали безвольными и неподвижными. Столь же безвольным было и сморщенное лицо, рот открылся, тяжелые веки опустились на глаза. Уэйн не пытался вытащить стрелу. Очевидно, что яйцо было мертво. Уэйн был рад, что оно больше не станет на него смотреть. Он поднялся и тихо сказал Руфи.

— Оно было живым! Ужасное существо с почти человеческим лицом, в форме яйца. Не могу поверить...

Дзинь!

Как только стрела пронеслась мимо Уэйн, он отпрыгнул назад, вскрикнув от испуга. Что-то огромное и сильнее высунулось из-за стены и постаралось прицелиться в него из лука. Он мельком уловил страшное создание — и оно тут же метнулось обратно в тень. Уэйн резко повернулся, схватил за руку свою спутницу.

— Нам надо убежать отсюда как можно быстрее! — хрипло прошептал он.

— Убежать? — переспросила Руфи. — Как? Машина исчезла.

— Мы должны отбежать от этой стены. Здесь находится что-то смертельно опасное, оно убьет нас!

— Люди?

— Человекоподобные существа. Угловатые, гладкие. У них, кажется, нет головы.

Руфи подошла к нему:

— Ты уверен, что они собираются убить нас?

— У нас нет времени выяснять. Мы должны бежать отсюда.

— Как ты думаешь, где мы? — Рут тяжело вздохнула. — В другом измерении?

Прежде чем Уэйн смог ответить, еще одна стрела молниеносно пронеслась мимо них с долгим, протяжным звуком. Они побежали, прижимаясь к стене, их тени мчались впереди в синем мерцании. Задыхаясь, в ужасе, они отыскивали маленькое укрытие в сени мрачной башни, которая как будто выпирала над равниной. Под прямым углом к стене, в ста футах от места, где они стояли, был круглый холм, по краям которого поднимался странный туман.

— Идем! — позвал Уэйн. — Этот курган может быть полезным. Мы должны рискнуть.

Они снова побежали, перебираясь через песчаные насыпи — и тут услышали новый звук. Казалось, от кургана на них неслись волны, словно суматошные перелетные птицы собрались огромной стаей на дереве и сотрясали воздух взмахами крыльев. Затем над курганом прямо в небо взлетели двадцать или тридцать крылатых черных фигур. Почти тотчас же полетели стрелы.

Под шквалом стрел некоторые птицы упали замертво на землю. Они падали с хриплым карканьем, их перья разлетались в стороны, похожие на крылатых ящериц существа валялись, пронзенные ужасными стрелами.

Тела усыпали поверхность кургана; на земле они вздрагивали и затихали.

Через мгновение на равнине воцарилось ужасное неземное спокойствие.

Затем Уэйн испуганно сказал:

— Все это тебе ничего не напоминает? Ну... то есть смутным, искаженно, кошмарно, но все же напоминает?

Руфи, прежде чем ответить, окинула взглядом равнину. Ей казалось, что она краем глаза видела тени, угловатые, угрожающие, движущиеся на расстоянии. Ей казалось, что она видела тени лучников, синевшие в лучах солнечного света.

— Шалтай-Болтай сидел на стене! — воскликнула она. — Шесть и двадцать черных дроздов — запеченных в пироге!

— Ты тоже об этом вспомнила, не так ли? — губы Уэйна побелели. — Мы не видели, как падал Шалтай-Болтай, но он упал и разбился во сне. И вся королевская конница, и вся королевская рать...

— Остановись! — Руфи едва не кричала. — Здесь нет ни королевской конницы, ни королевской рати. То яйцо — всего лишь отвратительное маленькое существо с обезьяньей мордой. А дрозды на ящериц совсем не похожи.

По холмам двигался караван, состоявший из крошечных баранов. Нельзя было сказать, что это – королевская конница или королевская рать. Существа не казались разумными.

Это было шествие яйцеподобных созданий, которые, шатаясь, шагали на коротеньких ножках, и скачущих зеленых существ, которые поразительно напоминали насекомых. Яйца были связаны друг с другом каким-то блестящим веществом. Когда они подошли поближе, оказалось, что блестят металлические цепи.

Они собирались схватить Шалтая-Болтая, пока он не поднялся, подумал Уэйн.

Внезапно на длинной стене начались активные передвижения. Дюжина яйцеобразных существ побежала по ней; округлые тела переплетались, перетекали волнами; шевелились маленькие, как у головастика конечности.

Тень, темная и зловещая, накрыла равнину.

Дзинь!

Яйца упали и раскололись. Над наступающей процессией разнесся протяжный, пронзительный крик. «Королевская конница» свернула поближе к стене.

Слишком поздно! Поверхность была усеяна умирающими яйцеобразными существами, они разбивались и из них выливались желтки. Ни одно существо не корчилось от боли. Все они разбились, вид плавающих желтков был просто ужасен.

Внезапно Руфи вскрикнула:

— Взгляни на это! Это одно из тех безголовых созданий. Оно идет на нас!

Синий лучник вышел из тени у подножия стены и замер в ярком свете.

Его руки и ноги представляли казались зигзагообразными. Все тело было каким-то угловатым. У лучника была тонкая талия и широкие плечи, и он застыл в такой же позе, как Зевс, собирающийся метнуть молнию. Стрела с ужасным

звукор сорвалась с тетивы. Уэйн и Руфи ощутили кошмарное прикосновение смерти, когда безголовая фигура снова скрылась в тени.

Они пошли дальше. Они направились прямо к холму, мимо шествия гарцующих кузнечиков и марширующих яиц; на их лицах застыл ужас. Еще стрела одна пролетела мимо, взметнув столбик пыли, когда она ударила в основание холма.

Потом они карабкались вверх по склону, а потом спускались вниз, ища укрытие среди голубых теней, которые, казалось, прыгали на них из мрака.

— Это придает храбрости, — произнес спокойный голос.

...Мужчина сидел на валуне, сжимая в руках ружье. Это был крупный человек, широкоплечий, с усталым лицом. Свою рубашку он разорвал и сделал из нее повязку. Он сидел и моргал, глядя на свете; в глазах его застыло мучительное страдание. У его ног валялись стреляные гильзы. Он криво улыбнулся и начал подниматься — но тут же передумал.

— Я Джеймс Брайс! — сказал он. — Как вы здесь оказались?

Он махнул рукой в сторону другого валуна.

— Садись, парень. Сейчас ты в безопасности. Я сдерживаю их, тщательно рассчитывая каждый выстрел.

Уэйн помог Руфи взобраться на валун и на мгновение застыл спиной к Брюсу, тяжело дыша, окидывая взглядом равнину. Затем он повернулся. Слова полились потоком.

Когда он умолк, Брайс мрачно кивнул.

— Понимаю! Все ужасно от начала до конца. Мы в ловушке этого мира, о существовании которого мы никогда не мечтали. И нужно благодарить за все мальчика Орбана!

Потом заговорила Руфи.

— Матушка Гусыня, — шепнула она. — Старые английские детские стихи. Мир, который существует только в сознании мальчика Орбана. Каким-то образом он сделал его реальным, трехмерным.

Брайс странно улыбнулся:

— Вы так думаете? Это неправда, но догадка делает вам честь. Это означает, что вы по крайней мере твердо стоите на ногах. Вы знаете, что реальность нельзя изменить с помощью заранее сформированных представлений.

— Брайс принужденно скривил губы. — Каким может быть другое измерение с логической точки зрения? Могут ли там обитать мужчины и женщины, подобные нам?

— Ерунда, не так ли? Как будет функционировать разум в другом мире, на определенном уровне совмещенном с нашим? Вспомните фантазии, которые сохранились в детской литературе. Разве это не мир кошмаров и жестокостей, без всякой гармонии и логики?

Он быстро поднял взгляд вверх.

— Шалтай-Болтай сидел на стене, Шалтай-Болтай свалился во сне. Из-за чего он упал? Бедный Шалтай-Болтай! Поплачь о нем — беги к стене и погляди, как он тщетно пытается собрать себя заново. Нет ничего ужасного в старом Шалтае-Болтае. Но ваше сердце разбито. Чудное старое тупое яйцо. Где же жестокость? Я скажу вам. Картина, которая навевает дьявольские фантазии, это и есть основа жестокости. Разбитое, дрожащее, живое яйцо, страдающее, расколотое, лишенное желтка.

— Но, — Брайс решительно взмахнул рукой, — мир детского чтения подобен колоде карт Таро. Помните старые истории о детях, которых заколдовали и измучили жестокие гоблины. Это подлинный гротеск, превосходящий все прочие гротески. Детское сознание широко открыто этому — он восприимчиво. Ребенок по-настоящему всматривается в тот мир, в его грезы. И знаете, почему? Тот мир действительно существует — это

суровая научная реальность. Когда мы вырастаем, мы об этом перестаем вспоминать.

Губы Брайса сжались.

— Психическая восприимчивость ребенка не притупляется окружающим миром. Он растет в двух мирах одновременно до тех пор, пока не приспособливается к нашей реальности. Но автор «Сказок Матушки Гусыни» запомнил свои сны лучше, чем большинство людей.

Брайс сделал примирительный жест.

— Реальные Шалтаи-Болтаи совсем другое дело. Живые яйцеобразные, которые стали жертвами жестоких охотников, они обречены на гибель, их маленькие напуганные собраты не могут их спасти. Такова их судьба. Весь этот мир — просто странный жестокий тир! Думаю, охотники были самодовольными хулиганами. Не верю, что они тут всему причиной.

— Счастливи это слышать, — мрачно вздохнул Уэйн.

— Те, кто создал этот мир — наверное, невидимые кукловоды. Вот что поразило меня, когда я только прибыл сюда: автоматизм всего происходящего. Похоже на часовой механизм. Все непостижимо и необъяснимо. Но внимательный человек сможет разобраться...

— Я знаю, что вы имеете в виду, — прошептала Руфи.

— Все циклично. Дрозды поднялись как глиняные голуби, они летели стаями через определенные промежутки времени, а когда яйца падали, другие занимали их места на стене. Мы не очень далеко проникли в этот мир. Старая Матушка Хаббард, возможно, обитает где-то здесь вместе с голодной собакой, которая на самом деле не собака. Может, эта самая собака продолжает стеречь пустую нору у подножия скалы. Он яростно лает, но уходит без костей. Буфет пуст. Потом стрела пронзает собаку — и собака мертва. Джек и Джил становятся мишенями для безголовых лучников, когда поднимаются на горку. Джек и Джил живут в детских стихах. Они могут

быть угловатыми, деревянными, но они ужасно уязвимы. Ведро воды опрокидывается и вода, как ртуть, растекается по земле. Джек и Джилл выбрались, вырвали стрелы и пошли, шатаясь, назад на холм, чтобы набрать больше воды, их лица исказились от мучений. А может вместо Джека и Джилл погибла другая пара!

Тощее лицо Брайса стало смертельно бледным сейчас, в холодном голубом свете.

— Эти адские часы заведены, и они идут и идут, — добавил он.

— Мальчик Орбан знал, на что похож этот мир, — подумав, сказал Уэйн.

— Он называл лучников «голубыми лучниками». Как он сюда добрался?

— Вспомните его странную историю! — ответил Брайс. — Вот в чем дело, дружище! Он...

Брайс застыл, внезапной насторожившись.

— Они идут сюда, — предупредил он. — Пригнитесь. Они приближаются, стреляя довольно аккуратно. Но выстрелы их прогоняют.

Пока он говорил, три голубых лучника появились в поле зрения между стеной и курганом. Они вышли из тени и на мгновение застыли неподвижно на равнине. Холодный пот выступил на спине Уэйна. Луки взметнулись над насыпью, на тугих блестящих металлических дугах выделялись наконечники стрел. Стрелки одновременно изготовились и выстрелили. В полной тишине все выстрелы прозвучали как один — словно удар хлыста.

Потом раздался глухой рев. От выстрела Брайса курган сотрясся, лучники исчезли из вида. Когда дым рассеялся, два лучника лежали ниц, но врагов стало впятеро больше. Брайс тихо бормотал проклятия, поглаживая забинтованную руку.

— Подстрелили, когда я высунулся наружу, — пробормотал он. — От усилия рана вскрылась. — И почему это оказалась моя правая рука?

— Эй, дайте-ка мне попробовать! — сказал Уэйн, протянув руку к оружию.

— Я и сам смогу управиться с этим! — протестующе хмыкнул Брайс. Но Уэйн уже целился в безголовые фигуры, его губы нервно сжались.

Дзинь!

Одна стрела рассекла воздух в мгновение, показавшееся вечностью. Затем дюжина и еще десяток стрел пролетели над испуганными людьми.

Уэйн вышел из себя и выстрелил не один раз, а четыре, его горло сжалось от гнева. Вспышка энергии озарила равнину. Сердце Уэйна билось все сильнее, он убеждал себя: «Этим птицам просто повезло. Интересно, они понимают, как им повезло, или их это не волнует!»

Руфи прошептала:

— Двадцать четыре дрозда, запеченные в пирог! Когда пирог разрезали, птицы начали петь! Вот ведь какое лакомое блюдо поставили перед королем! — Она резко повысила голос. — Кен, как ты полагаешь, кто был этим королем? Мы не видели его! Здесь ли король?

— Символическая деталь, — отрезал Брайс. — Повторяю: Мир Матушки Гусыни — это просто мир, увиденный искаженным детским воображением. Автор Матушки Гусыни преобразовал то, что увидел в средневековой сказке. Мы никогда не увидим короля, потому что у нас с ним нет ничего общего.

Небо, казалось, потемнело, пока говорил Брайс. Уэйн опасливо озирался по сторонам, не в силах сдержать дрожь.

— О, нет! — воскликнула Руфи.

Но высоко в небе все-таки что-то было — и оно медленно спускалось вниз к холму. Что-то шарообразное, похожее на сияющую корону, и трясущееся, как желе.

Оно опускалось все ближе и ближе, медленно сотрясаясь при каждом движении.

Оно светило очень ярко. Это существо не было королем, короны оно не носило. Это был плавучий сфероид, с прожилками, полупрозрачный, наполненным сложными движущимися деталями, которые издавали непрерывное жужжание.

Безумие, казалось, овладело Уэйном, когда он смотрел на это. Он поднес руки ко рту и прокричал: "Кто ты?"

— Кто ты? — отозвалось эхо.

— Кто ты?

— Кто ты?

— Если оно скажет: «Кто я?», я умру! — истерически выкрикнула Руфи.

— Кто я? — дернулся сфероид. — Я умру!

— Подожди! — Брайс сжал руку Руфи и поднес палец к губам. — Это иллюзия — не больше. Просто ответ эха. Твое тихое «если оно скажет» в конце концов превратилось в крик. Оно повторило только последнюю часть. Оно не изменило вопрос. Оно просто повторяет то, что слышит!

— Нет, не так, — простонала Руфи. — Сейчас оно собирается сказать «ты умрешь».

— Нет, если ты не закричишь первой, — сказал Брайс, чуть заметно улыбнувшись. — Смотри, я покажу тебе.

Он поднес руки ко рту.

— Ты выживешь, — крикнул он.

— Ты выживешь, — послышалось в ответ.

— Это обещание, — крикнул Брайс.

— Это обещание!

— Видишь? — Брайс повернулся. — Ты не могла получить лучшего ответа. Типичный ответ политического

деятеля. То, что вы хотите услышать, возвращается как эхо, которое абсолютно ничего не значит.

Сфероид, состоявший из шестеренок и колес, откатывался теперь назад, прямо в небо. Он быстро удалялся, вибрируя, и наконец скрылся с глаз.

— Что ж, это был твой «король», — сказал Брайс. — У меня предчувствие, что это просто странный регулировочный механизм, который опускается с большими перерывами. Как будто винтики в часах устроены, чтобы стабилизировать качающийся маятник; они здесь необходимы, чтобы все шло своим чередом.

Руфи отскочил с вздохом ужаса. Три крошечные металлические фигурки вошли в лощину и спустились в яму, в обиталище дроздов, они шагали неуверенно, слепо тычась в разные стороны, как испуганные кроты.

Кроты? А почему не мыши? Слепые мыши?

Уэйн ответил первым:

— Три слепые мыши... Видишь, как они бегут, — он умолк, потрясенный.

— Хватит, — пробормотал Брайс. — Все они побежали к жене фермера, которая отрезала им хвосты разделочным ножом.

Он сделал красноречивый жест.

— Я говорил тебе, что здесь проявилась истинная жестокость. Это дикая, бесчувственная, предельная жестокость. Зачем калечить слепых мышей? Разве это не ужасно? И все это есть в «Матушке Гусыне». Вряд ли какие-то стихи Матушки Гусыни остались за пределами этого мира. Охотники — и те, на кого охотятся. Существа, ставшие жертвами слепой жестокости, сбитые в полете. Кто убил петуха Робина?

Казалось, мрачное недоумение овладело Брайсом.

— Петух Робин! Самый жестокий из всех! Он такой дьявольски злой и жуткий, что некоторые редакторы «Матушки Гусыни» вычеркивали его, как будто это не

подходит для детей! — Он нахмурился. — Не все ли равно, кем был петух Робин? Почему все так ужасно? Петух Робин с его окровавленной грудью, из которой торчит дрожащая стрела. Почему петух Робин такой необычный, почти чуждый этому миру? Почему нужна пауза? Жестокость прерывается, чтобы стало интересно? Почему все ответили: «Не я! Не я!» Почему все в этом мире определили, что петух Робин — единственное существо, которое нельзя было убивать?

Брайс шагал взад и вперед, поглядывая на холм, как будто с холодным опасением.

— Любопытно! Не только Матушка Гусыня проливает свет на порядки этого мира. На древней китайской вазе есть надпись: «Посмотрите, как суровые черные птицы летят к солнцу, преследуемые стрелами тьмы!» А еще Льюис Кэрролл! В «Алисе в стране чудес» есть вещи, которые, кажется, тоже имеют отношение к этому миру. Почему Алиса казалась детям такой реалистичной? — Он пожал плечами. — Некоторые люди, по-видимому, хорошо помнят видения своего детства. К счастью, их немного. Зеркало Алисы — это просто символ. Мальчик Орбан обнаружил научно доказанную реальность, скрытую за этим символом. Он действительно сконструировал зеркало, позволяющее проникнуть в иное измерение!

Руфи уставилась на него:

— Ты утверждаешь, что все дети — опасные маленькие монстры?

Брайс встряхнул головой:

— Нет. Только очень особенные дети. Дети, которые были полностью отрезаны от нормальной жизни, как Орбан. Это стимулировало их воображение. Но думаю, мы все подсознательно догадываемся, как много у детей опасных знаний. Почему люди любят сочинять стихи о жестокости детей? Помнишь стишки про маленького Вилли: «Маленький Вилли сестренку повесил. Ее мы на-

шли, а уже было десять. Вилли всегда был изрядный шалун. Ему только шесть — а уж взялся за ум.

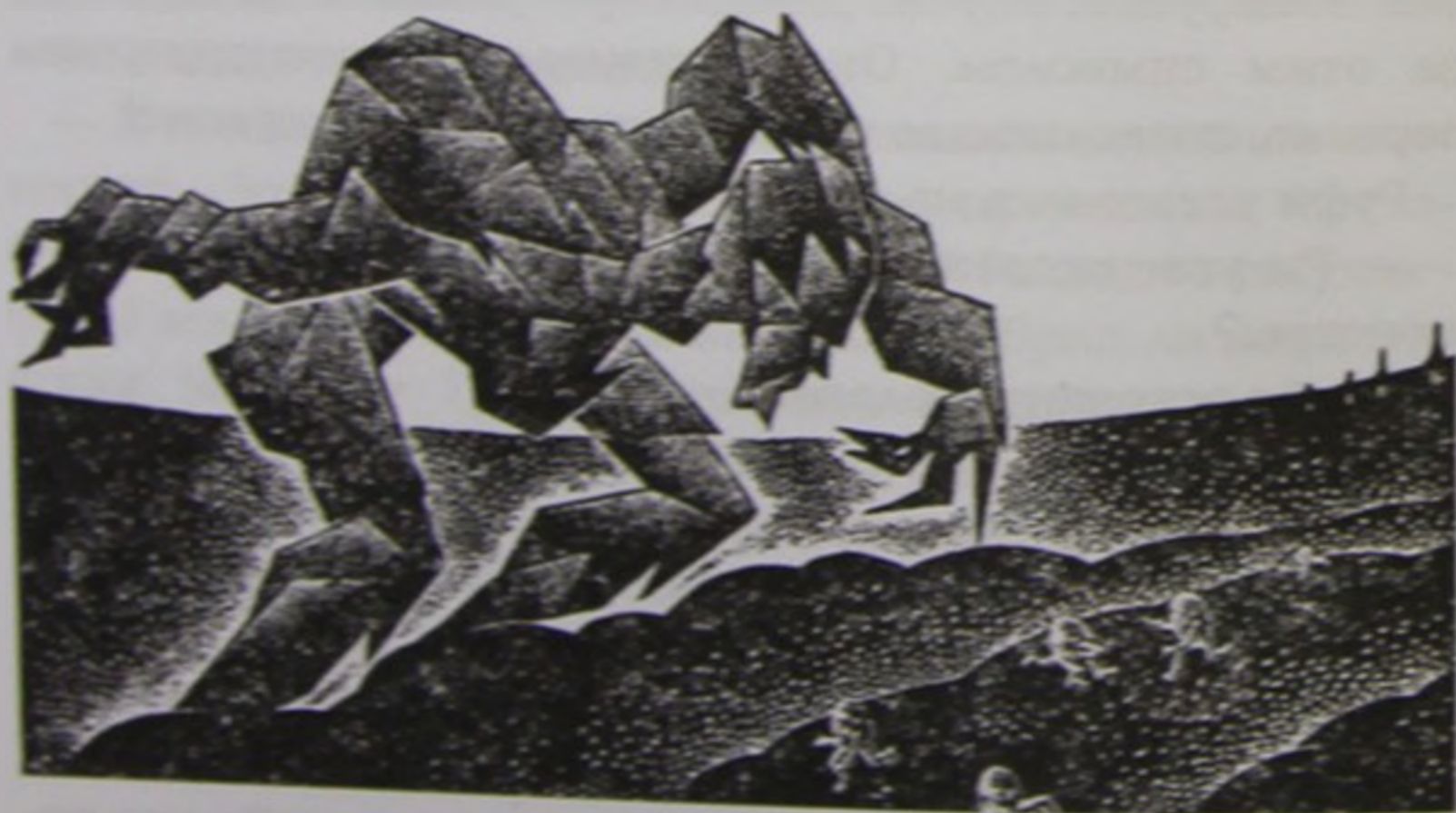
Откуда-то с равнины послышался ответный шепот, как будто жестокие слова снова подстрекали синий мир к деятельности. Тихий шелест прокатился по равнине, зловещий, меденящий.

— Они пришли сюда! — прошептал Брайс, протягивая руку к оружию.

Уйэн тут же попытался остановить его. Он поднял бластер и нацелил его на врагов, прежде чем психолог успел возразить.

На равнину упала тень, которая начала быстро разрастаться. Голубые лучники вышли из-за стены; их тела были окутаны полупрозрачным мерцанием.

Уйэн открыл огонь до того, как десять лучников выпустили одновременно свои стрелы. В висках застучало, как только шелкнул курок. За шелчком последовал мощный выброс энергии. Грохот и вибрация сотрясли холм, отдача отбросила Уэйна назад.

Час спустя Уэйн сидел, привалившись спиной к земляному валу. Над холмом поднимался едкий тонкий дым. Уэйн чувствовал отчаяние, исходившее от Брайса, который неожиданно заговорил.

— Я рад, что у нас остался один заряд! — пробормотал он. — Нам придется решить, как использовать его!

Слова прозвучали среди холодной мертвой тишины. Затем Руфи чуть слышно заплакала. Уэйн точно знал, что Брайс не попытается ее успокоить.

Они на миг замерли в молчании, не смея высказать то, о чем думали. Затем Брайс сказал Руфи:

— О Боже, да ты красotka!

Внезапно Уэйн испытал приступ гнева — словно раскаленная лава залила его сердце.

— Если бы у нас остался шанс, — тяжело вздохнув, продолжил Брайс, — Кен стал бы моим соперником!

Внезапно Уэйн понял, что Брайс более учтив, чем кажется на первый взгляд. Он выбрал странный способ, чтобы объявить, что нет никакой надежды, но Уэйн радовался, что он не выразился грубее. Его гнев испарился.

Дзинь!

Стрела пронеслась мимо Уэйна. Лучники снова возобновили движение. Когда они подошли к насыпи, воздух рассекли сотни смертоносных стрел. Это была долгая, опасная атака, стрелы падали вокруг. Уэйн уже не сдерживался; он стонал от боли в голове. Внезапная атака решила все проблемы.

Никому нельзя доверить последний выстрел. Он принял решение, и он не мог изменять его.

Дыхание Уэйна участилось.

Поток энергии с громким ревом обрушился на долину. Уэйн снова почувствовал сокрушительную отдачу.

На мгновение огонь и дым скрыли все вокруг, переворотив насыпь и заставив лучников исчезнуть.

Затем туман поредел и стал испаряться над пустошами, еще более ужасными потому, что они были не совсем пустыми. Один из лучников, еще немного покачиваясь, пробирался по склону сквозь клубы дыма, его лук был поднят.

Лучник почти достиг гребня насыпи, когда Уэйн обрушился прямо на него. С тошнотворным протяжным звуком стрела сорвалась с тетивы и с глухим стуком ударилась о землю за спиной Уэйна. А потом Уэйн бился с угловатыми лучниками, взмахивая руками снова и снова, изо всех сил.

По равнине разносился стук металла о металл, будто рыцари сталкивались лоб в лоб на смертельном турнире.

С дикостью, поразившей его самого, Уэйн боролся с лучником в нижней части склона. Выпучив глаза, разинув рот, он ударил по телу ужасного лучника острым концом своего оружия.

Удивительно, какую смелость мог проявить человек, когда его жизнь висела на волоске; странная сила, словно щит, укрыла его сердце, и он бросился в бой!

Стрелы высыпались из колчана лучника, и его тело странно закрутилось, когда что-то, казалось, подняло его и отбросило обратно к стене. Уэйн громко вскрикнул, когда корчащийся ужас отступил от него, вертясь, словно лист на ветру. Лучник исчез в ослепительной вспышке света. И в тот же миг на равнине появилась странная фигура.

— Орбан!

Это закричала Руфи, она вскочила на ноги и недоверчиво посмотрела вперед. Мальчик Орбан бежал прямо к Уэйну, призывно размахивая руками.

Оцепеневший от нерешительности Уэйн вскоре собрался с силами и двинулся вверх. Он услышал собственные рыдания. Ноги подгибались, но он сумел пересечь гребень холма и бросился в углубление. Он лежал на животе, его легкие забила пыль.

Медленно он начал осознавать, что Руфи бросилась на колени рядом с ним и прижалась к нему, радостно всхлипывая. Мальчик Орбан подошел к гребню; дышал он с трудом. Он тоже бросился прямо к Уэйнсу и помог ему приподняться.

— Пришлось ждать... до того момента, пока я не убедился, что ты ушел сюда, — сказал он, тяжело дыша. — Тот мужчина.... — он указал жестом на Брайса — не так важен, но ты мой друг! Пришлось спасти тебя, Кен!

Уэйнс смотрел на Орбана удивительно равнодушно.

— Я хотел спрятать машину, пока не подготовлюсь к приходу в этот мир, Кен, — лихорадочно продолжил Орбан. — Я кое-что сделал, но этого было недостаточно для защиты. Вот почему я попросил тебя спрятать машину!

— Чем ты занимался? — спросил Брайс. Его лицо было пепельного цвета, но голос звучал достаточно твердо.

— Я просто встретил Кена прошлой ночью, — прохрипел мальчик Орбан, его глаза сияли. — Но он мой единственный друг. Он собирался спрятать меня. Это больше, чем мог бы сделать ты, готов поспорить.

— Тут ты прав, — сказал Брайс, сурово усмехнувшись. — Но я спросил тебя, что ты делал?

Вместо ответа мальчик Орбан разжал руку. Объект, который лежал на ладони, был маленьким, не больше складного ножа. По форме он напоминал компас. Шесть тоненьких крошечных кнопок виднелись на нем; в любом случае, это было невероятное и нелепое с виду приспособление, как будто мальчик Орбан гулял по магазину игрушек, взял компас и закрутил два проводка вокруг плавающей стрелки. А сейчас он демонстрировал свой трофей с такой гордостью, как будто сделал что-то замечательное.

— Долго возился с этим на кухне Кена, — объяснил мальчик Орбан. — Понадобилось шесть часов, чтобы сделать это.

— Ты уверен, что эта штука работает?

— Уверен, могу пари держать, — сказал Орбан гордо. — Детали, которые крепятся к той петле, вращаются, видишь? Они проходят прямо под контактными точками. Все, что мне надо сделать — затянуть вторую петлю и притянуть иглу.

Мальчик Орбан нажал на одну из маленьких кнопок на боку «компаса». «Компас» засветился.

— Готово! — сказал Орбан.

Брайс выпучил глаза.

— Готово для чего?

Орбан сложил ладони над «компасом».

— Увидишь. Смотри!

Свет из «компаса» просочился сквозь пальцы и окутал ореолом его руку. Мальчик медленно поднял руку и обернулся к Уэйну, торжествующе вскрикнув:

— Взгляни, что получилось!

Не взглянуть было просто невозможно. Синий мир ожил, переполнился внезапной яростной активностью. С неба опустился король, повисший прямо над холмом. Слепые мыши выбежали из ям и двадцать шесть дроздов воспарили в небо. А на равнину вышли лучники с натянутыми луками.

Но ужаснее всего была пропасть, которая внезапно разверзлась на равнине. Из нее высунулось то, что напоминало гиганта, согнувшегося почти вдвое. Существо шло, шатаясь и спотыкаясь, будто страдая от невыносимых мучений.

Фигура казалась металлической, очень похожей на лучников, но она двигалась по головокружительной кривой, и сознание Уэйна помутилось.

— Это был кривой человек, и он пробежал кривую милю! — услышала свой крик Руфи.

Дзинь!

Стрела пронзила синеву, ударившись с глухим стуком в плечи безумно шатавшейся фигуры. Гигант споткнулся и упал вперед, его ослабевшие руки бессмысленно цеплялись за воздух. Существо потащилось обратно к своему укрытию на равнине. Его движения были по-прежнему безумными с точки зрения геометрии.

Внезапно лучники замерли. Они стояли твердо, неподвижно, их луки застыли под нелепыми углами. «Король» перестал вибрировать. Он висел над насыпью, застыв в синеве, как заледеневшая медуза.

Все движения замерли. Тишина была настолько абсолютной, что даже движение слепой мыши нарушило бы ее. Но мыши тоже застыли, попав в паутину безмолвия.

— О Небеса, он остановил часы!

Ошеломленный крик Брайса вывел из оцепенения людей, стоявших на насыпи. Но «король» не издавал ни звука, и все прочие обитатели равнины не шевелились.

Орбан впервые усмехнулся.

— Я знал, что это должно было заработать, — обрадовался он. — Это не могло не сработать. Все начнется снова, всего через три минуты. Не удастся остановить его надолго. Тебе нужно уходить поскорее.

— Ты имеешь в виду... — Брайс облизнул дрожащие губы. — Эта маленькая вещица, — он взмахнул рукой, — остановила все это?

— Размер не имеет отношения к силе и энергии, — сказал мальчик Орбан, как будто сам говорил с ребенком. — Чепуха, Я мог бы взорвать любой город на земле, крупный город, как Нью-Йорк и Чикаго — какой-нибудь штукой вдвое меньше этой!

Руфи пошатнулась.

— Я починил машины, теперь ты можешь все увидеть с той стороны, — сказал Орбан. — Когда ты уйдешь, я сломаю машину. Идем, Кен. Тебе лучше преодолеть эту стену, прежде чем все начнется снова. — Все четверо двину-

лись в направлении, которое указал Орбан, со всех ног помчавшийся вперед.

Тревожные мысли, не имевшие отношения к разуму и логике, вертелись в сознании Уэйна, когда он бежал за мальчиком. Они обежали стену, мальчик Орбан впереди, Брайс позади.

Стена не переменилась, но свергнутые Шалтаи-Болтаи напоминали яйца, выпавшие из холодильника. Их руки, похожие на головастики, перестали дергаться, а пролитые желтки замерзли.

Мальчик Орбан на мгновение остановился, ногой коснувшись яйца.

— Бедняга! — пробормотал он, покачав головой. Потом Орбан снова помчался вперед.

Когда в поле зрения показалась машина, мальчик Орбан тяжело дышал, на его лице отразилось сильное напряжение. Затем он развернулся и стал ждать, когда приблизятся лучники.

— Я не могу пойти с тобой, Кен, — сказал Орбан, когда Уэйн подошел к нему. — Я здесь дома. И так будет всегда!

Он переминался с ноги на ногу, пока говорил, а потом внезапно вытянул руку, словно отталкивая Уэйна.

Уэйн взглянул на него с ужасом.

— Но ты не можешь остаться! — воскликнул он. — Когда эти дьявольские лучники начнут снова...

Орбан кивнул головой и, прищурившись, посмотрел на стену.

— Я не смею уйти, Кен! Представь, что бы произошло, если бы я это сделал? Я бы стал легкомысленнее, и случилось бы куда больше несчастий. Люди могли бы погибнуть — все люди на земле. Я кое о чем слишком много знаю — мне небезопасно доверять!

Мальчик Орбан обогнул машину, а потом двинулся на Кена, держа аппарат перед собой.

Это было немного похоже на теплый душ. Свет окутал Уэйна и сжался вокруг него — наконец Уэйн понял, что находится уже не на равнине.

— До свиданья, Кен! — слышалось удаляющееся эхо. — Конечно, было здорово иметь друга!

Уэйн поднялся с пола и огляделся. Он был не один в комнате. Рядом с ним сидела Руфи. Брайс лежал на полу, а портал превратился в бесформенную глыбу металла в мерцающих отблесках света.

Брайс медленно встал на ноги и огляделся, сурово приподняв брови, как будто он осуждал меблировку квартиры Уэйна и собирался об этом сказать хозяину.

Потом Брайс подошел к стулу и сел.

— Хорошая квартирка у тебя, Кен, — сказал он.

Внезапно он утратил самообладание. Пот выступил на его лице и руках. Он вздрогнул.

— Он никогда не вернется, — прошептал Брайс. — Мы видели его в последний раз.

Уэйн встал, отшатнувшись от стены, и уставился на Брайса.

Брайс сделал примирительный жест.

— Жаль, что я не сказал ему несколько добрых слов на прощание. Это было меньшее, что я мог бы сделать.

— Почему? — Уэйн с трудом понимал свои слова.

— О, это парадокс, все правильно, — проворчал Брайс. — Такой же, как парадокс путешествия во времени. Скажем, человек живет сейчас и отправляется в прошлое. Не правда ли, это означает, что он всегда существовал в прошлом. Но как он может вернуться туда, где он всегда был?

Руфи встала и испуганно посмотрела на Брайса.

— Какое же отношение это имеет к мальчику Орбану? — спросила она.

— Пойми, ты вошла сегодня в другое измерение, — сказал Брайс медленно. — Пойми, это было измерение вне времени

— с нашей нынешней точки зрения. Разве вы в каком-то смысле не существуете в том, ином мире с самого сотворения мира этого? Разве вы не застыли в этом мире, не стали его частью с самого начала?

— Если кто-то из нашего мира увидел тот мир столетия назад, разве он не отыщет нас здесь? Думаю, отыщет. — Брайс на мгновение замолчал и выглянул в окно спальни Уэйна.

За стеклом начиналось мрачное октябрьское утро. Брайс посмотрел на Уэйна, затем на Руфи, как будто призывая их забыть, что они только что вернулись из совершенно другого мира.

— Вы видели те ужасные королевские часы, движущиеся под небесами! — продолжил он. — Механические устройства повторяют звуки. Предположим, что мальчик, который никогда не должен был оказаться в том мире, попал там в ловушку. Предположим, его крик донесся до самого неба, когда стрелки начали двигаться быстрее.

— Предположим, он выкрикнул свое имя, в гневе и жестокой гордости, безрассудно, не думая, что без этого можно обойтись. Его имя, сейчас и навсегда, задолго до того, как он родился в нашем мире, в наше время, заставило его вечно играть роль в этом вечном мире.

— И? — Уэйн понизил голос до шепота. — Маленького Орбана звали Филипп, но отец не называл его так. У всех хороших мальчиков есть прозвища.

Руфи вскрикнула:

— Нет! О, нет!

— Предположим, королевские часы лишь повторяли имя, — мягко сказал Брайс. — Предположим, мальчик лежал убитым на равнине, и «Король» повторял его имя снова и снова. И маленький мальчик, который напишет «Матушку Гусыню», увидел мир в детских снах и услышал имя. Автор Матушки Гусыни, должно быть, был мальчиком, одаренный богатым воображением.

— Вспомните — он видел ужас лишь смутно. У ужаса было имя знакомой птицы. Почему бы не той птицы, которая лежала на равнине, той птицы, о которой все в мире спрашивали: «Кто убил петуха Робина? Не я? Не я?» Все в ужасе, потому что петух Робин был чужаком в этом мире.

— Ты имеешь в виду...

— Уникальность петуха Робина нематериальна, но все это напрямую связано с автором Матушки Гусьни. Он представил себе остальное, протестующие голоса, всеобщий ужас и раскаяние. Он сочинил об этом фантастические детские стихи.

Брайс взглянул на Руфи.

— Теперь ты знаешь, кем был петух Робин? — спросил он.

Рут приблизилась к Уэйну, прежде чем заговорить, как будто она не могла остаться наедине с таким грузом ужаса и с такой тяжестью на сердце.

— Отец называл его Робин! — прошептала она. — Робин! Робин! Мальчик Орбан — он и был Петухом Робинком!

Темное пробуждение

Это было подходящее место для встречи с чаровницей. Длинная полоса пляжа с песчаной дюной, возвышающейся поодаль, высокий белый шпиль и отражающие солнце крыши маленькой деревеньки в Новой Англии, которую я только что покинул, чтобы окунуться в море. У меня был отпуск — это всегда хорошее время, чтобы задержаться в гостинице, которую ты сразу полюбил, поскольку ни одно неприятное замечание не сопровождало твоему прибытию с изношенным и потрепанным чемоданом, а ты сразу увидел дубовые панели, которым был век или даже больше.

Деревня казалась сонной и неизменной; это было просто потрясающе посреди лета, когда ты насытился шумом города, дымом, суетой и невыносимыми посягательствами бригады «сделай одно», «сделай другое».

Я увидел ее во время завтрака, она была с двумя своими маленькими детьми, мальчиком и девочкой, которые занимали все ее внимание до тех пор, пока я не сел за соседний столик и не посмотрел прямо на нее. Я не мог не сделать этого. На дефиле гламурных моделей все взгляды были бы прикованы к ней. Вдова? — думал я. Разведенная? Или — я отгонял эту мысль — счастливая замужняя женщина, которую не волнуют случайные взгляды?

Конечно, это было невозможно выяснить. Но когда она подняла взгляд и увидела меня, она слегка кивнула и улыбнулась, и на мгновение все показалось неважным, кроме страха, что она слишком красива и что мой взгляд откроет мои сокровенные мысли.

Вновь прибывших в маленьких деревенских гостиницах часто приветствуют благожелательной улыбкой и кивком, только чтобы успокоить их и заставить почув-

ствовать, что они совсем не чужаки. Я не обманывался на этот счет. Но все же...

Встретив ее сейчас, между дюной и морем, опять вместе с детьми, я был не готов к продолжению знакомства; разве что еще одна улыбка и кивок ожидали меня. Я появился из-за дюны, возникнув так внезапно, что она могла испугаться и поприветствовать меня просто от удивления.

Она подняла руку, махнула мне и окликнула:

— О, привет! Я не ожидала увидеть никого из гостиницы здесь так рано. Вы мне можете помочь.

— Каким образом? — спросил я, стараясь выглядеть не столь взволнованным, каким я был на самом деле; я преодолел разделявшее нас расстояние, сделав несколько не слишком поспешных шагов.

— Я только что довольно глубоко порезала руку об острую, как бритва, раковину, — ответила она, — Но меня это мало волнует. Просто... огромная глупость с моей стороны, что у меня нет носового платка. Если у вас есть...

— Конечно, — сказал я, — Мы сейчас же перевяжем рану. Но сначала вам лучше дать мне на нее посмотреть.

Ее бархатно-нежная рука лежала в моей руке — такая прекрасная, что вначале я едва заметил порез на ладони. Он немного кровоточил, но не сильно, хотя это была не совсем царапина. В одно мгновение я дважды обернул платок вокруг ее ладони и туго завязал узел чуть ниже запястья.

— Должно помочь, — сказал я. — На первое время. Если вскоре вы не вернетесь в гостиницу, то можете снять повязку, когда остановится кровотечение, и облить рану морской водой. Она — лучший антисептик. Ржавый гвоздь и морская раковина — с точки зрения антисептики несходны.

— Вы мне очень помогли, — сказала она, казалось, не обращая внимания, что я не спешил отпускать ее руку. — Я вам так благодарна, что даже не могу сказать.

Дети ерзали, повернув носки внутрь, укоризненно смотря на мать, на меня и снова на нее. Нет ничего, что возмущает детей больше, чем полное пренебрежение, когда знакомство — дело нескольких секунд. Пропасть, которая зияет между ребенком и взрослым, иногда может расшириться до невероятной степени из-за одного-единственного жеста, и большинство детей довольно умны, чтобы понять, когда их лишают полезного опыта без особой на то причины.

Казалось, внезапно она поняла, что она не смогла даже представиться, и она быстро исправилась.

— Меня зовут Хелен Ратборн, — сказала она. — Когда мой муж умер, я не думала, что когда-нибудь снова окажусь в гостинице. Я чувствовала, что приезд сюда вернет... что ж, очень многие вещи. Но я действительно люблю это место. Здесь все неотразимо очаровательно. Дети тоже его обожают.

Она похлопала сына по плечу, подхватила прядь развевающихся на ветру волос дочери и накрутила их на палец.

— Джону восемь, а Сьюзен шесть, — сказала она. — Джон маленький исследователь. Когда он отправляется на поиски приключений, все земли очень далеки; не важно, как близки они географически.

Она улыбнулась.

— Он предпочитает простое оружие. Лук и пучок стрел прекрасно ему подходят. Он убил несколько невероятных зверей только благодаря своей меткости.

— Я не сомневаюсь в этом ни на секунду, — сказал я. — Привет, Джон.

Казалось, он немного застеснялся, но от стеснительности не осталось и следа, когда мальчик гордо протя-

нул мне руку. Как будто в каких-то тайниках своего разума он верил каждому слову из тех, которые его мать только что произнесла.

— Сьюзен же совсем другая, — продолжала она; в уголках ее глаз появились совершенно очаровательные морщинки. — Большинство ее приключений происходит «на крыльях яркого воображения», как некоторые поэты выражались когда-то в прошлом, возможно, в викторианскую эпоху. Я не очень хорошо помню такие строки.

— Уверен, вы ошибаетесь, — сказал я ей. — Я прочитал огромное количество поэзии, как традиционной, так и авангардной, и не могу припомнить, что когда-либо сталкивался с этими словами.

— Спотыкались о слова — так лучше, — сказала она.

— Это немного пышно, — признался я. — Но когда вы говорите это, звучит совсем не так. Я точно знаю, что вы хотите сказать. Сьюзен любит часами мечтать, сидя на подоконнике, когда комнатная герань немного заслоняет обзор — морской пейзаж или холмы с виднеющимися вдали снежными горами.

— Спасибо, — сказала она. — Я могу подстрелить такой комплимент, вооружившись всего лишь одной стрелой Джона. Но когда вы говорите это...

Мы оба засмеялись.

— Сьюзен не девчонка-сорванец, — задумчиво добавила женщина. — Но она не станет терпеть пустую болтовню Джона или кого-то из его друзей. Вам следовало бы посмотреть, как быстро она только что бежала по пляжу, обгоняя брата на несколько секунд. Они оба — дети, которыми можно гордиться, вы так не считаете?

— Определенно, — заверил я ее. — Я сразу это почувствовал. Но об этом даже не нужно лишний раз говорить.

— Еще раз спасибо, — сказала она. — Должна признаться, в редких случаях меня одолевают некоторые

сомнения. Но удивительно, как быстро дети могут заставить взрослого изменить о них мнение, когда прощение становится первостепенно значимым...

Мне следовало знать: если то, что она сказала об исследовательском духе ее сына, было правдой – и у меня не было причин в этом сомневаться – будет невозможно успокоить его на секунду или несколько мгновений. Но я не был готов к тому, как он прервет нашу беседу, как раз когда она достигла плодотворного этапа. Он повернулся и побежал так стремительно, что беспокойство за его безопасность вытеснило все остальные мысли из ее головы.

— Джон, вернись сюда! – закричала она. — Сейчас же. Я...

Она последовала за ним по пляжу, почти бегом, пока я не увидел, что ее встревожило. Он не просто преодолел линию прибоя и направился к участку пляжа, усыпанному обломками после недавнего шторма. Он забрался на гнилые доски разрушенного штормом волнореза, смытые на берег, и посмотрел вниз на поток бурлящей темной воды, который почти рассекал пляж напополам именно там. Чуть ниже того места, где он застыл на одной из досок в сомнительной безопасности, вода превращалась в омут, который ветер не покрывал рябью. Омут казался глубоким, черным и чрезвычайно зловещим. Еще большую опасность представляло то, что из воды тут и там торчали обломки, края которых были такими зазубренными, что вилы показались бы менее угрожающими.

Я догнал женщину прежде, чем она сделала то расстояние, которое ее сын преодолел с поистине чудесной скоростью. Нельзя понять, как быстро маленький мальчик может перемещаться с места на место, если какая-то дикая навязчивая идея пускает корни в его сознании.

— Не волнуйся, — убеждал я ее, семеня рядом. — Дети в его возрасте иногда делают безрассудные вещи просто потому, что они не думают. Но мы думаем, и потребуется всего минуту, чтобы спустить его вниз.

— Он не слушает меня! — возражала она. — Это меня тревожит. Я никогда не видела его таким упрямым.

— Он послушает меня, — заверил я ее. — Может быть, ему уже нужно поговорить с суровым отцом. Если ребенку придется обходиться без этого, что он достаточно долго знал...

— Я не хочу, чтобы он упал! — сказала она так, как будто меня не слышала. — Я так ужасно волнуюсь.

— Можете не волноваться, — заверил я ее. — Он спустится вниз, как только я повышу голос.

Я совсем не был уверен, что он спустится. Но я не просто говорил пустые слова, чтобы впечатлить ее. Я искренне беспокоился о безопасности мальчика; тому, что он сейчас делал, не было оправданий. Он мог, я думал, по крайней мере, ответить на почти отчаянные призывы своей матери. Отказ подчиняться — это одно, но полное пренебрежение к ее беспокойству — совсем другое.

Когда я подошел к куче обломков, мальчик придвинулся еще ближе к краю разрушенного мола, и доска, на которой он стоял, казалась крайне шаткой. Местами она прогнила насквозь; за ее деформированным и почти отвесным дальним краем были видны клубящиеся темные волны, бушевавшие прямо за неподвижным омутом. В его форме было что-то такое, что заставило меня испугаться. Опорные балки в виде виселицы (скорее всего просто случайное сходство), вертикальные и горизонтальные линии — все это было как-то туманно и пугающе.

Проявлять родительскую строгость — это для меня сложно, потому что я всегда чувствовал: протесты юных

часто оправданы, и чаще всего я находился на их стороне. Но сейчас я был очень зол и не чувствовал не малейшего сочувствия к мальчику, который причинял своей матери столько совсем не нужных страданий.

— Джон, слезай! — кричал я ему. — Тебе должно быть стыдно!

Внезапно я понял, что кричать не надо, и продолжал довольно громким голосом, чтобы быть уверенным, что он услышит каждое мое слово.

— Я понял, я ошибался, веря всему, что твоя мать говорила о тебе. Я никогда не видел смелых исследователей, которые бессмысленно рискуют своими жизнями. Тебе надо подумать и о других людях. Как ты можешь быть таким жестоким, таким беспечным? Твоя мама...

Я резко остановился, в первый раз заметив, что у него был отсутствующий взгляд, и что он не слушает меня. Он что-то сжимал в правой руке, внезапно он разжал пальцы и посмотрел на них, как будто только этот предмет имел значение, а все, что я сказал, прошло незамеченным.

И тогда это случилось. Я совершил ужасную ошибку — не забрался наверх и не схватил его молча. Но, возможно, это ничего бы не дало. Даже если бы он не боролся... Один мой шаг — и эти доски могли обрушиться.

Доска рухнула с ужасным треском. Деформированная и перевернутая, почти сгнившая часть первой упала в темный канал, пересекающий пляж, сразу за ней последовала та часть, на которой стоял мальчик. Он исчез в воде так быстро, что ни малейшего звука не доносилось из-под обломков почти десять секунд. Затем я слышал только бульканье воды, а когда оно утихло, раздался чуть слышный всплеск. Несмотря на этот шум, я был уверен: если бы мальчик закричал, прежде чем исчезнуть, я бы это услышал.

Моей первой, непреодолимой реакцией был ужас, смешанный с недоверием и внезапной благодарностью. Благодарностью за одно то, что я пришел на пляж поплавать, поэтому под легким летним халатом я был облачен в одни только плавки.

Сначала я скинул тапочки и отбросил халат, почти одновременно с этим поднявшись на оставшиеся обломки исчезнувшего мола. Я понятия не имел, насколько могло быть глубоко в этом конкретном месте, но там, где узкий канал переходил в омут, воды, вероятно, гораздо больше, и я на девять десятых был убежден, что там совсем не мелко.

Мгновение я стоял, глядя в черный омут, пока не убедился, что там не видно головы мальчика – это зрелище могло бы меня ободрить. Медлить больше не следовало.

Прыгнуть вниз было бы рискованно, так как можно было удариться головой о нагромождение обломков, которые торчали из омута в разные стороны. Поэтому я медленно и осторожно спустился, прежде чем поплыть в слабо движущимся потоке.

Я прекратил грести руками, чтобы опуститься на глубину примерно в том месте, где, вероятнее всего, упал мальчик. Чем глубже я опускался, тем скорее становилось течение, и вскоре меня хаотично мотало туда-сюда.

Это была моя первая попытка спасти кого-то из воды, и мне не доставало тех качеств, которые могли бы сделать такую попытку спасения удачной.

Я начал опасаться, что мне придется всплыть, чтобы глотнуть воздуха, и нырнуть второй раз, но тут я увидел его сквозь размытую пелену темной воды. Сначала смутно, потом более четко – мальчик медленно вращался, как будто на какой-то маленькой подводной беговой дорожке, от которой никак не мог оторваться.

К счастью, он не сопротивлялся, когда я добрался до него – я слышал, что тонущие люди могут вырываться,

почувствовав прикосновение спасателя. В следующее мгновение я схватил мальчика за руку и поднялся с ним с глубины, которая, казалось, достигала по крайней мере двадцати морских саженей.

Пятью минутами позже он лежал, вытянувшись на песке у обломков; мать наклонилась над ним. Она тихо плакала и смотрела меня, ее глаза сияли благодарностью.

Ни один семилетний мальчик не мог бы так быстро восстановить жизненные силы, используя ресурсы очень молодого и сильного тела. Румянец снова возвратился на его щеки, его глаза, трепеща, открылись — и я заметил все тот же упрямый, решительный взгляд юного исследователя, который отказывается сдаваться, несмотря на самые тяжелые удары, которые может нанести судьба.

Я полагал, что не почувствую ничего, кроме облегчения и сочувствия. Но я был все еще зол, и первые слова, которые я ему сказал, были такими грубыми, что я почти мгновенно пожалел о них.

— Тебе следовало подумать получше и не подвергать свою маму таким испытаниям. Хорошо, что ты не мой сын. Если бы ты был моим сыном, то лишился бы бейсбола и всего остального на целый месяц. Ты бы просто сидел у окна и кричал то-то своим друзьям. Возможно, они такие же плохие, как и ты. Непослушные, эгоистичные, абсолютно недисциплинированные дети, которые бегают как свора волчат.

Когда я остановился, его глаза широко открылись, и он посмотрел на меня без малейшего следа враждебности или обиды. Как будто он осознал, что я говорю как человек, которым не был и никогда не мог быть.

— Я не мог удержаться, — сказал он. — Там было что-то... Я знал, что найду это, если осмотрюсь. Я не хотел это найти. Но ничего не поделаешь, когда ты видишь

сон о чем-то, чего ты не хочешь найти, и не можешь проснуться вовремя...

— Ты это видел во сне?

— Не так, когда я сплю. Я просто думал о том, как все будет, когда я это найду.

— И поэтому ты убежал, не предупредив мать о том, что собирался сделать что-то опасное?

— Я ничего не мог поделать. Как будто что-то тянуло меня.

— Ты смотрел на это, когда я говорил с тобой, — сказал я. — Поэтому, должно быть, ты это нашел. Жаль, что ты потерял свою находку, когда упал в воду. Если бы она еще осталась у тебя — та вещь, в существование которой мы должны поверить — это бы кое-что прояснило. Не все — но немного.

— Я ничего не потерял, — сказал он. — Оно у меня в руке.

— Но это невозможно.

— Нет, возможно, — сказала его мать, впервые прервав нас. — Посмотрите, как плотно сжата его правая рука.

Я едва мог в это поверить, только потому, что было бы разумнее предположить, что руки мальчика, упавшего с рухнувших досок, будут открываться и сжиматься много раз в отчаянном подобии захвата, сначала в попытках сжать воздух, а затем — удушающую стену воды, которая на него обрушилась. Я не мог понять, как в такой необычной ситуации кто-то мог удержать такой маленький предмет — камешек или раковину, — который только что подобрал, даже в плотно сжатой руке.

Там могло оказаться нечто большее. Не только мужчины и женщины, но и некоторые дети переживали невыносимые муки, не отказываясь, даже под угрозой смерти, от каких-то маленьких предметов, драгоценных

для них или таких, которых они боялись из-за какой-то ужасной тайны. Крестовый поход детей...

Мне было сложно представить, что могло вложить такие мысли мне в голову: я только мельком видел предмет, который Джон, по-видимому, нашел очень быстро. Определенно, его слова можно было считать детским лепетом. Принуждение, похожее на сон, внезапно подчинило его и заставило отправиться на поиски, как будто мальчика притягивало магнитом. Он был беспомощен, не мог сопротивляться принуждению, не способен преодолеть это мистическое влияние. Он вовсе не хотел отыскать эту вещь, но осознавал, что у него нет выбора. Он не хотел...

Сьюзен присоединилась к нам у обломков, не обращая внимания на жесты матери, которая показывала, что девочка должна вернуться обратно и не отвлекать нас от спасения жизни Джона. Еще один маленький ребенок, бегущий по песку, помешал бы ей разобраться в том, о чем мы говорили с ее сыном.

Но сейчас она смотрела на меня, как будто я добавил новое неожиданное осложнение, умолкнув на пару минут.

— Дай ему посмотреть на то, что ты подобрал, Джон, — сказала она. — Просто открой руку и покажи это ему. Ты делаешь из этого какую-то странную тайну. Я тоже хочу на это посмотреть. Тогда мы все будем счастливее.

— Я не могу, — ответил Джон.

— Не можешь что? — спросил я, пораженный удивлением и болью, которые отразились в его глазах.

— Я не могу шевелить пальцами, — сказал он. — Я только что понял. До этого я не пробовал.

— О, это чепуха, — сказал я, — Послушай меня, прежде чем скажешь что-нибудь еще более глупое. Ты должен был, по крайней мере, попытаться пошевелить

пальцами дюжину или боле раз, прежде чем я спас тебя. И после этого столько же.

Он покачал головой.

— Неправда.

— Это должно быть правдой. Это твоя правая рука. Ты все время ее используешь. Как и все.

— Я не могу шевелить пальцами, — повторил он. — Если бы я разжал руку, это бы выпало...

— Все это я знаю, — сказал я. — Но ты мог, по крайней мере, раньше выяснить, можешь ли ты шевелить пальцами. Это было бы вполне естественно.

Мне было сложно думать о его матери очень особым образом, так как она очень утомилась с тех пор, как я бросился спасать мальчика. Но какие-то черты прежней пляжной соблазнительницы вернулись, когда ее сын открыл глаза, и казалось, избежал трагедии, которая могла случиться. Но теперь она вновь выглядела безумной. Внезапно страх вспыхнул в ее глазах.

— Может быть... истерический паралич? — спросила она. — Мне говорили, такое может случиться с маленькими детьми.

— Не думаю, — ответил я. — Просто постарайтесь оставаться спокойной. Мы скоро все узнаем.

Я взял руку ее сына, поднял и осмотрел повнимательнее. Он не сопротивлялся. Пальцы были сжаты очень плотно. Я подумал, что ногти, должно быть, впились в кожу на ладони. Суставы посинели.

Я начал работать над его пальцами, пытаюсь силой разжать их. Сначала я не преуспел. Затем, постепенно они как будто стали более гибкими, и прежняя жесткость исчезла.

И вдруг внезапно вся его рука расслабилась, как будто мои судорожные усилия разрушили какие-то чары.

Маленький предмет, который лежал на ладони мальчика не был ни раздавлен, ни поврежден. Сначала я по-

думал, что он металлический — так ярко он блестел в солнечном свете. Но когда я взял эту вещицу и рассмотрел, то увидел, что она сделана из какого-то эластичного вещества блестящего, как металл.

Никогда раньше я не разглядывал неодушевленный предмет с таким ужасом. На первый взгляд он напоминал маленького осьминога со множеством щупалец, но что-то отличало его от морских тварей — самое уродливое морское чудовище по сравнению с этим показалось бы всего лишь обычной рыбой. У этого существа было лицо какого-то сморщенного старого утопленника, которое вряд ли стоило называть человеческим. На самом деле оно было абсолютно бесчеловечным, но в его злобной природе сохранялся по крайней мере некий намек на человекоподобный интеллект. Но чем дольше я изучал изображение этого существа, тем менее человеческим оно казалось, и потом я начал чувствовать, будто увидел в нем нечто, чего в действительности не было. Интеллект, да — сознание особого рода, но настолько противоположное человеческому, что мой разум содрогнулся, когда я попытался представить, каким бы был интеллект, если бы он оказался таким же холодным, как темная бездна космоса, и смог бы проявить всю безжалостную власть над одушевленными объектами в звездной вселенной.

Я посмотрел на Хелен Ратборн, и увидел, что она дрожит и бледнеет. Я опустил руку, чтобы она не могла ясно рассмотреть находку, и понял, что ее сын снова увидел эту вещь. Он ничего не сказал, просто посмотрел на меня, будто мысль о том, что у него в руках такая находка, заставила его почувствовать себя каким-то странным образом запачканным.

— Ты взял его, ничего не понимая, — хотел я кричать ему. — Забудь это, дитя — вычеркни это из памяти.

Я отнесу его к омуту, в котором ты едва не утонул, и брошу туда, и мы позабудем все, что увидели.

Но прежде, чем я успел сказать хоть слово Джону или его матери, с моей рукой начало что-то происходить. Это началось даже до того, как я понял, что предмет соединен с ржавой металлической цепью и явно предназначен для ношения в качестве амулета на шее.

Мои пальцы сомкнулись вокруг него, сжимая сильнее и сильнее, пока я не ухватил его так же крепко, как недавно Джон. Казалось, я больше не смогу разжать пальцы или отшвырнуть непонятный предмет, что мне внезапно захотелось сделать.

Затем произошло и еще кое-что. Казалось, все вокруг меня незаметно изменилось, контуры ближних предметов стали нечеткими силуэтами на фоне неба, а более дальние предметы не только утратили форму, но, казалось, почти растворились. В ушах зашумело, и странное, пугающее ощущение необъятности и пустоты – я больше никак не могу это описать – охватило меня.

На самом деле ничего не испарилось и не исчезло, но у меня было чувство, что я нахожусь в двух местах одновременно – подвешен в какой-то обширной бездне, больше, чем вселенная, и одновременно остаюсь на пляже у обломков, рядом с Хелен Ратборн, Джоном и Сьюзен, и все они тревожно на меня смотрят.

Они смотрели на меня с беспокойством, потому что я двигался, похоже, как-то странно, почти неестественно, как не двигаются люди. Как какой-то бездумный автомат, возможно, как робот, который не может сохранить равновесие, потому что его синтетические мозги взорвались, и он может только шататься в тисках безумия, которое заставляет его упасть.

Затем мое восприятие немного восстановилось; я присмотрелся и обнаружил, что изменения не косну-

лись, по крайней мере, моего физического тела. Но я покачнулся и зашагал прямо к линии прибоя.

Я подходил к ней ближе и ближе, и внезапно я оказался не один. Джон поднялся на ноги, и дети последовали за мной. Их мать шагала за ними, обезумевшая от беспокойства, но не способная нагнать их, потому что они бежали очень быстро, чтобы догнать меня, прежде чем я зайду в волны, которые пенились в нескольких футах от берега.

В миг, когда они добежали до меня, моя рука протянулась к Сьюзен, и ее маленькие дрожащие пальчики сплелись с моими. Я не мог протянуть Джону вторую руку, но ему не нужна была поддержка. Он вновь стал сильным и самостоятельным и очень быстро зашагал ко мне. Вода кружилась вокруг моих щиколоток, и Сьюзан слегка споткнулась, потому что вода доходила ей до коленей; и тут я произнес слова, которые возникли не у меня в голове, голосом, который я сам не узнал:

— Те, кто в глубине, ждут своих последователей, и мы не потерпим неудачи, присутствуя при Великом Пробуждении. Написано, что все должны восстать и объединиться. Мы, носившие их печать и узревшие ее. Со всех концов земли доносятся призывы и вызовы, и мы не должны медлить. В бездне Р'лье пробуждается Великий Ктулху. Шуб-Ниггурат! Йог-Сотот! Йа! Козел с Тысячью Младых!

* * *

— Теперь он будет в порядке, — говорил молодой доктор. — Уверен, с ним все будет в порядке. Ваш сын заслуживает похвалы, так как с трудом выхватил пропавший амулет из его руки как раз тогда, когда он собирался уйти под воду, подхватив вашу дочь.

Я четко слышал голоса, хотя моя голова все еще кружилась. Хрустящие белые больничные простыни были так сильно накрахмалены, что врезались мне в горло, когда я попытался поднять голову. Поэтому я прекратил попытки, и вместо этого продолжал слушать.

— Странно, — произнес голос, который я бы узнал, даже если бы от меня ничего не осталось, кроме пустой оболочки. — Как быстро дети привязались к этому незнакомцу. Сюзен рисковала жизнью, чтобы спасти его, как и мой сын. Когда он забрал ту отвратительную вещь из руки моего сына, я думала, что упаду в обморок. Не могу сказать вам, как это было тяжело.

— Он не знал о...

— Как он там оказался? Очевидно, нет. Он прибыл в гостиницу только сегодня утром. С тех пор, как случилась трагедия, прошло две недели, все перестали о ней говорить. Такая ужасная вещь — и меня это совсем не удивило.

— Мужчина был участником эзотерического культа, как я понимаю. Полусумасшедший, неотесанный мужик с бородой до пояса. Таких человек восемь или десять шатались здесь одно время, но теперь они все исчезли. После того, что случилось, это не удивительно, как вы и сказали.

— Я не могу об этом думать, особенно сейчас. Его тело расчленили и ужасно изрезали. Одна из его ног пропала. Его нашли именно в том месте, где мой сын взял амулет; должно быть, амулет принадлежал ему. Конечно, у всех есть готовое объяснение таких ужасов. Шериф Уилкоккс полагает, что там, где разрушенный волнорез разделяет канал, достаточно глубоко — и там могут водиться акулы. И если он споткнулся и упал...

— Вы думаете, так и было?

— Вы можете думать так же или считать, что он намеренно бросился в воду. Вы знакомы с работами Г.Ф.

Лавкрафта? Он в своем роде гений. Он жил в Провиденсе до самой смерти в 1937 году.

— Да, я читал несколько его историй.

— Те бородатые неотесанные участники культа, которых вы упомянули, должно быть, прочитали все. Возможно, именно поэтому они исчезли. Возможно, они совершили ошибку, приняв истории всерьез.

— Вы не можете верить в это.

— Я не совсем понимаю, во что я верю. Просто полагаю — Лавкрафт не вкладывал в свои рассказы все, о чем знал или подозревал. Это оставляло бы довольно широкое поле для будущих исследований.

— О да, — сказал доктор. — Именно это он утверждал до того, как я ввел ему вторую инъекцию секонала. Уверен, он почувствует себя по-другому, когда проснется.

— Надеюсь, он не забудет о героизме Сьюзен, похожем на настоящее самопожертвование. Любовь к абсолютному незнакомцу. Забавно, но вы знаете... я понимаю, почему Сьюзен чувствует это.

Именно это я и хотел услышать. Я закрыл глаза и начал тихо мурлыкать себе под нос, ожидая, когда начнется действие второй дозы секонала.

Но когда это случилось, лекарство уже как будто стало водой. Что-то похожее на сморщенное лицо выплыло из неизмеримого далека, и я вспомнил свои собственные слова: «Написано, что все должны восстать и объединиться... Мы, носившие печать и узревшие ее...»

Приложение

К рассказу «Шалтай-Болтай свалился во сне...»

Шалтай – Болтай сидел на стене,
Шалтай – Болтай свалился во сне
И вся королевская конница,
И вся королевская рать
Не могут Шалтая, не могут Болтая,
Не могут Шалтая – Болтая собрать.

Пять мешков пшеницы,
Золотой замок!
Двадцать две вороны
Запекли в пирог,
Запекли, разрезали,
Королю несут,
А вороны каркают –
Песенки поют.
А король в кладовке
Деньги стережет,
Ну а Королева
В спальне пиво пьет,
А ее служанка
Вышла на мороз,
Ей ворона сразу,
Откусила нос

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке,

А за скрюченной рекой,
В скрюченном домишке,
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки,
И стояли у ворот
Скрюченные елки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки.
И была у них одна
Скрюченная кошка,
И мяукала она
На скрюченном окошке.
А за скрюченным мостом,
Скрюченная баба
По болоту босиком
Прыгала, как жаба.
И была в руках у ней,
Скрюченная палка,
И летела вслед за ней
Скрюченная галка.

Старушка Хаббард как-то раз
К буфету еле доплелась,
Чтоб взять собачью косточку,
Но за дверною досточкой
Осталась только пустота...
Где косточка собачья та?

Кто убил петушка Робина?
Я, - сказал Воробей,
Я со своими луком и стрелами,
Я убил петушка Робина.

Кто видел, как он умирал?
Я, - сказала Муха,
Своим маленьким глазом,
Я видела как он умирал.

Кто собрал его кровь?
Я, - сказала Рыба,
Я со своим маленьким блюдцем,
Я собрала его кровь.

Кто сделает саван?
Я, - сказал Жук,
Я со своими нитью и иглой,
Я сделаю саван.

Кто выкопает могилу?
Я, - сказала Сова,
С моими киркою и лопатой,
Я выкопаю ему могилу.

Кто понесет крышку гроба?
Мы, - сказали Крапивники,
Я, и жена моя, вдвоем,
Мы понесем крышку гроба.

Кто понесет гроб?
Я, - сказал Черный коршун,
Если не ночью,
Я понесу гроб.

Кто будет пастором?
Я, - сказал Грач,
Я со своей маленькой книгой,
Я буду пастором.

Кто будет петь псалмы?
Я, - сказал Дрозд.
Я сяду на куст
И буду петь псалмы.

Кто будет клерком?
Я, - сказал Жаворонок,
Если не будет темно,
Я стану клерком.

Кто будет скорбеть по нему?
Я, - ответила Голубка,
Я буду скорбеть по моей любви,
Я буду главной скорбящей.

Кто позаботится о факелах?
Я, - сказала Коноплянка,
Я разнесу их за минуту,
Я позабочусь о факелах.

Кто будет звонить в колокол?
Я, - сказал Бык,
Потому что я силен,
Я буду звонить в колокол.

Все птицы небесные
Упали со вздохами и всхлипываниями,
Когда слышали звон колокола
По бедному петушку Робину.

В тоже время жестокий Воробей,
Явившийся причиной их скорбей,
Был повешен на виселице,
Как вор на следующий же день.

А кто-нибудь видел его кверху брюхом?
«Я, краем глаза», — ответила Муха:
«И пусть земля ему будет пухом,
Я его видела кверху брюхом».

Качайся, мой мальчик
То вправо, то влево,
Отец твой – король.
А мать – королева,
Сестра твоя – леди
В мехах и в шелку,
А брат – барабанщик
В гвардейском полку.

Из «Рифм Матушки Гусыни» (пер. С. Маршака, И. Каховской). «История Петуха Робина» (пер. Н. Гасановой)

Содержание

Странные книги Ф.Б. Лонга	5
ТВАРЬ ИЗ БЕЗДНЫ ВРЕМЕН	13
РАССКАЗЫ	
Всё к тебе вернется	165
Конусы	174
Человек, которого создали марсиане	201
Дважды умерший.....	227
Спокойный мужчина	238
Шалтай-Болтай свалился во сне.....	257
Темное пробуждение	287
Приложение	304

Фрэнк Белнап Лонг

Собрание сочинений

Т. 1. Тварь из другого мира. Рассказы

Т. 2. Мир выживших. Рассказы

Т. 3. Дерево ведьм. Рассказы.

Т. 4. Путешествие во тьму.

...И родятся другие

Т. 5. Три лика времени. Рассказы.

Т. 6. Чужаки в Новой Англии.

...И пришел робот

Т. 7. Это странное завтра. Рассказы

Т. 8. Темное наследие. Рассказы

Т. 9 Дорога к темной башне. Рассказы

Т. 10. Ведьмин огонь. Рассказы

Дополнительные тома:

Марс-моя цель. Рассказы

Ночь волка. Рассказы

Готовится к изданию

Фрэнк Белнап Лонг

Мир выживших

Голод и Жажда правят миром.

Рыбы умирают в отравленных водах, звери исчезают,
Земля меняется на глазах.

Отчаяние охватывает людей – и семена жизни
вот-вот сгинут, а мир достанется неведомым врагам.

Осталось совсем немного...

Но всегда найдется человек, готовый противостоять
неизбежному, готовый сразиться с посланниками
Смерти и верящий в победу... По мнению критиков,
это один из лучших романов Ф.Б. Лонга – мрачный,
жестокий, зловещий. Он создан в жанровых рамках

НФ, но проникнут поистине нездешним ужасом.

В книгу также включены
избранные рассказы писателя.

На правах рукописи

Отпечатано в типографии «Пегана-пресс»

Жестокие варвары убивают диких огромных тварей в мире вечной мерзлоты. Молодой ученый из нашего мира переносится в невообразимое прошлое. Неведомая тварь в южноамериканских джунглях устанавливает связи между измерениями.

Но перед нами не роман о доисторических временах, не история «попаданца» и не очередной «миф Ктулху».

Ф.Б. Лонг написал странную историю о культурных кодах и геологических загадках, об истории *Homo sapiens* и законах эволюции. В этой небольшой книге ярко проявились уникальные свойства писателя, подлинное открытие которого, будем надеяться, еще предстоит. В сборник включены также рассказы, написанные на стыке хоррора, мистики и научной фантастики.

